

Елена Тулушева

ПЕРВЕНЕЦ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Кемерово 2018

ЕНЕНА ТУМИЛЕВА

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА

Родилась в 1986 году в Москве. Окончила Институт психотерапии и клинической психологии и Институт психоанализа. Работала во Франции и США.

Как прозаик дебютировала в 2014 году в журнале «Наш современник». В 2015 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Автор книг рассказов «Чудес хочется!» (Москва, 2016) и «Виною выжившего» (Минск, 2016). Публиковалась в «Литературной газете», «Литературной России», газетах «День литературы», «Слово», в журналах «Наш современник», «Юность», «Роман-газета», «Москва», «Огни Кузбасса» и других ведущих российских изданиях, а также в русскоязычных журналах Германии, Канады, Беларуси, Казахстана, Украины, Эстонии. Рассказы Тулушевой переведены на арабский, венгерский, итальянский, китайский, болгарский, белорусский, сербский языки. Лауреат V и VII Международных форумов славянских литератур «Золотой Витязь» (2014, 2016), премий «В поисках правды и справедливости» (2015, 2016), «Югра» (2017), «Прохоровское поле» (2017), российско-итальянской премии «Радуга» (2017) и др. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

«СВОЁ» ЕЛЕНЫ ТУЛУШЕВОЙ

Не бывает настоящего писателя с абстрактным отношением к тому, о чём пишешь, мол, люблю вообще жизнь, люблю историю, культуру и всё, что с ними связано. Люби. Только ничего не выйдет, если нет своего кровного куска этой жизни. И даже если такой кусок есть – ничего не получится без личного, страстного и пристрастного к нему отношения. Без ощущения, которое сквозит в каждой строчке и которое ни с чем не спутаешь. Это ощущение можно назвать одним коротким словом: «моё». Моё, потому что у меня уже всё слилось воедино: и жизненное дело, и то как сверкнуло оно в слове, и то, как невыносимо трудно было этого добиться. Потому что верю лишь мурашам, бегущим по хребту. А бегут они, когда думаешь о «своём». Великое счастье найти такое «своё».

У Елены Тулушевой «своё» – это работа в центре помощи трудным подросткам. Такое «своё», которое не каждому и по плечу. Действительно, натворит делов эта курица Лидка из рассказа «Первенец». Забрюхатела, едва понимая, что делает, причём сама наркоманка, а отец будущего ребёнка, если его отцом можно назвать, с таким набором, что волосы дыбом встают. Бесполезное дело.

А ведь подумать: сколько людей хотят ребёнка, лечатся, мучаются, стараются, а не получается, а тут этой бичихе – пожалуйста. Несправедливость. Или урок? Почему она такая? Кто виноват: среда или характер? Гадать сколько угодно можно, почему живот мудрее мамыши... А ребёночек-то шевелится, интересно, он ножкой сейчас ударил, или ручкой? А она хоть и бичиха, а ей тоже ласковое слово нужно, не безнадежная она, и может всё выправится? Может непривычное для Лиды ласковое слово, сказанное врачом, сделает дело? «Всё у нас получится». «У нас». Надо же. Врачиха сказала «мы». Ничего себе.

Сколько таких, как Лидка! И что с ними делать? Как я могу помочь? Или не могу? Вот! Главное произошло: уже работали у читателя голова и сердце, потянулась ниточка размышлений. Почему врачаха вдруг по-человечьи обратилась к Лидке? Почему автор решил оправдать её сочувствие тем, что она тоже в беде, что у неё сын наркоман? Чтобы показать, что человек нынче не способен на добро без личной привязки? Что не поможет просто так, по человеческому долгу, по Божьей заповеди? Или это сюжетный ход. Для убедительности. Да. Всколыхнула ... Есть над чем подумать.

Или вот этот Олег из рассказа «Близнец». Пивной алкоголь... Да много их... таких. И названия-то всё у Елены Тулушевой – «Первенец», «Близнец» – будто подчёркивают изначальный созидательный замысел, преступно исковерканный человеком. Много их таких по Руси, искорёженных, коверкающих и свою жизнь, и чужую, изломанных и нуждающихся не в равнодушии, а в тёплом слове, в материнской ласке.

Читатель, дотошная порода, спрашивает, что же Тулушева так пишет-то скупо? Где развёрнутые предложения, образные сравнения? Вообще классический литературный язык? Могла бы талантливая писательница продемонстрировать побольше языковых возможностей. Картин каких-то... Как-то «задержаться на кадре».

Задержаться на кадре... Эх ты. А ещё читатель! Ничего-то ты не понял. И забыл, поди, что есть вещи, которые в чёрно-белом изображении намного красноречивей, чем в цветном.

Задержаться на кадре... А ты детей растил? Не спал ночей? Да как до тебя донести, что не может Елена «задержаться». Потому что так пинается ребёночек в Лидкином животе, что кажется тебя саму по сердцу этой ножкой колотят. И потому, что Дашин дед может не дожить, пока ей разрешат в Россию приехать (рассказ «Домой»).

К своим героям Елена Тулушева относится, как мать к ребяташкам в большой семье. Заботливо-сдержанно. В таких семьях не принято афишировать чувства, «рвать страсть в клочья», при этом поглядывая в зеркало: эффектно ли получается.

Авторскому настрою соответствует и художественная манера Елены. Сдержанная, работающая простыми, но действенными средствами – динамично построенными диалогами, точно отобранными деталями. Буйная метафорика, изысканность описаний были бы неуместны в том суровом, скупом на выражение эмоций, а тем более на многословные описания их мире, который из рассказа в рассказ воссоздаёт Елена Тулушева.

Оправдано и органичное использование языка городских окраин: нелепо пытаться заставить скинхеда Славу из одноимённого рассказа или ту же Лидку говорить изысканным языком литературной классики.

Не до изысков, когда надо успеть помочь, потом поздно будет.

А вы давайте пишите пейзажи природные и культурные. На Руси всегда кто-то пейзажами любит, а кто-то непутёвым детям сопли вытирает. И жалеет. И надежду даёт.

Михаил Тарковский

РЯДОМ ХОДИТ

ПЕРВЕНЦ

Лида в который раз пыталась сложить ноги поудобнее. Никак не получалось найти нужную позу. Разозлилась, резко встала, но голова закружилась. Снова села на край кровати, начала раздраженно постукивать по холодному металлическому изголовью. Решётки... Везде решётки: на окнах, на кроватях, ещё бы шкафы решётчатые сделали... Ходить от окна до двери надоело. Стала расковыривать трещину в штукатурке на стене. Потом вдруг почувствовала очередные толчки. Подняла футболку и уставилась на свой живот, на котором то появлялись, то исчезали бугорки.

Там что-то происходило. Что-то, что раньше не касалось Лиды. А последние два дня её лишили всего остального мира, и вот она осталась наедине с этими толчками.

Накануне тощая медсестра ставила Лиде капельницу и, видно, от скуки спросила, мол, как зовут. Лида не сразу поняла, про кого она. Та кивнула на живот: «Назовёшь как?». Лида удивленно разглядывала мужеподобную тётку: сухая, с одутловатым алкогольным лицом и короткой стрижкой под ёжик. Алкоголиков Лида определяла легко, даже тех, кто работал и выглядел прилично. Тётка смотрела безразлично, двигалась, как робот. А потом сказала, что надо разговаривать с ребёнком, чтобы слышал голос. Лида только и смогла промямлить: «А о чём?». Медсестра уставилась на Лиду стеклянными глазами: «О погоде».

И вот ребенок снова шевелился. Кто его знает, просит что-то или просто переворачивается. У него уже есть руки и ноги, наверное... А волосы? Они с волосами рождаются или лысые? Да какая разница. Лида старалась отгонять эти мысли. Они приводили всё к новым и новым вопросам. А в конце – в конце вообще непонятно. Несколько месяцев получалось об

этом не думать. Лида жила с ощущением, что можно будет задуматься потом, что еще есть время. И вот это «потом» настало. А думать совсем не хотелось. От мыслей в голове начало пульсировать, захотелось бежать отсюда скорее... Лида снова уперлась взглядом в решётку на окне.

Через три дня она неспешно поднималась по лестнице женской консультации, поторапливаемая Алевтиной – тучной социальной работницей, которая резво семенила, хоть и краснела всё гуще с каждым пролетом. Они опаздывали. Лида тянула время при выходе из центра и здесь, в холле поликлиники.

Врачиха приняла вне очереди, хотя и была недовольна. Лида разглядывала непонятные картинки на стенах: развитие плода по месяцам. Фотография девушки на плакате была дополнена рисунками наподобие иллюстраций школьных учебников. Лицо девушки на плакатах не менялось, а живот на каждом следующем листе становился всё больше, эмбрион увеличивался и менял положение. Лиду затошнило. Ей казалось он какой-то уродливый, скрюченный. Такие кривые ноги наверняка не смогут ходить. Похоже, он был слепым. Лида взглянула на лицо девушки: та выглядела счастливой. С чего бы?

— Так... значит постановка на учёт, – услышала Лида голос врачихи. – Ты бы ещё на сороковой неделе пришла...

— Да вот как её привезли, так мы сразу к вам – вступилась ещё не отдышавшаяся Алевтина.

Доктор смерила социального работника недовольным взглядом.

— Где до этого была? Где наблюдалась?

— Да так... – Лида ощутила подкатывающую тошноту, ладони вспотели. Хоть бы отвлечься. Мерзко. Тяга пошла. Сбежать бы скорее, да куда тут. Живот разросся. Жирная утка. Надо хитростью. Как из больницы. Думай. А чем думать, мозг

не варит. Сейчас бы хоть один укол, хоть маленький. Просто, чтоб в себя прийти.

— Доктор, там выписка из детдома. Она как из больнички-то сбежала зимой, так её всё искали.

— Я вообще-то не пряталась! – огрызнулась Лида. В детдоме знали, где я была. Им лень приезжать было.

— Сиди уж! – шикнула Алевтина.

— Ну и где же ты была всё это время? – доктор смотрела мягче, как будто озадаченно. Переводила взгляд с Лидиногo живота на теребящие край футболки пальцы.

— У молодого человека... своего.

— Молодой! – фыркнула Алевтина. – Сорок шесть лет – юнец просто! Уж ты, Лида, давай тут дуру-то не валяй! Некогда доктору твои сказки слушать! Наркоманила, так и говори, теперь вот и расхлёбываешь своё! А этого твоего упечь бы пожизненно за такие дела, так ведь никто не займётся! Сам наркоман паршивый, и девку за собой уволок!

Медсестра оторвалась от талончиков и нерешительно взглянула на врача. Та, опустив взгляд, чуть хрипло сказала:

— Алина, сходи-ка... К-хм, сходите, пожалуйста, с социальным работником к заведующей, надо оформить документы на государственного ребёнка и рецепты на витамины и молоко.

Медсестра поднялась:

— Идёмте, я вас провожу. Девочка несовершеннолетняя, нужно ваше согласие, как представителя опекуна.

— Да, – окликнула врач. – Потом ждите в коридоре, осмотр буду проводить без посторонних.

— Да я что, я с радостью! Вот только за ней, доктор, глаз да глаз нужен! Вы учтите, из наркологички сбежала, из приюта сбежала, а нам вот теперь отвечай!

— Я поняла, идите.

Врач замолчала. Уставилась куда-то, так и замерла. Потом как будто заметила Лиду и немного нахмурилась.

— Значит срок беременности не точный?

— Ну да.

— А почему до этого никуда не обратилась? Или обращалась?

— Да как-то не до этого. Виталик сказал, рожай.

— Виталик – это тот мужчина, который старше тебя?

— Да. Наркоман.

— Ты... тоже употребляешь?

— Да. – Лида отвечала быстро, на выдохе, не дослушав вопрос. За последнюю неделю посещения всех этих детских комнат, приютов, инстанций, она повторяла свою историю не раз.

— Значит, и во время беременности?

— Ну да.

— Внутривенно? Как часто?

— Раза три-четыре в неделю, – всё также быстро, пока не передумала говорить, как есть.

— Как насчёт стерильности?

— Плохо. Там в карте написано.

Только сейчас врач посмотрела на кипу бумажек, разложенных у неё на столе. В анамнезе значился ВИЧ положительный, впервые выявленный два года назад.

— Это он тебя наградил или кто-то ещё?

— Не, наверное, кто-то ещё. Виталик говорит, он чистый.

— В смысле: говорит? Ты анализы его видела?

— Не-а. А зачем ему врать. Это ж он хотел ребёнка.

— Если ты от него забеременела, то теперь он тоже инфицирован.

— Да?

Врачиха внимательно взглянула, помолчала.

— Так, а что ты думаешь с родами? Тебя вообще кто-то консультировал за это время? Хоть один врач?

— Нет. Я у Виталика жила. Я же сказала. Он говорит, рожай, деньги будут.

— Он говорит, рожай... – эхом повторила врач. – Так, ладно. Нам надо с тобой многое успеть обсудить. Давай попробуем поговорить честно.

— Да я и не вру. Чё теперь врать-то. Только пить очень хочется.

— Сейчас мы обсудим, и попьёшь в коридоре. Лида, твой ребёнок может заразиться от тебя ВИЧ-инфекцией. Но если приложить усилия, он может родиться относительно здоровым.

— Да какой он здоровый, он же уже наркоман там, да? Как я.

— Сейчас речь не об этом. Если сделать кесарево сечение, то риск заражения во время родов значительно снижается. То есть если мы проведём операцию, то он может родиться без ВИЧ, понимаешь?

— А это больно?

— Нет, операция проводится под наркозом и быстрее обычных родов. Потом чуть дольше восстанавливаться, но нам важно сейчас думать не об этом.

— Ну да, я согласна. Только вон соцработники, они же вроде все теперь решают, мне нет восемнадцати.

— Решать будем мы с тобой. Но здесь есть одно «но». Операцию нужно успеть сделать до начала схваток. Обычно на тридцать восьмой неделе. Пока мы не знаем, какой у тебя срок. Но учитывая твои побеги...

— Что?

— Ты сможешь дотерпеть до тридцать восьмой или опять убежишь?

Лиде не хотелось врать. Врачиха первая за эту неделю, кто хотя бы не пилил, не давил на вину. Хотя у Лиды уже выработался иммунитет к таким разговорам, но чего она только не наслушалась и в полиции, и в детском доме.

— Да куда тут сбежишь, я вон едва хожу.

— Человек зависимый может убежать и при более сложных обстоятельствах... – она недолго помолчала, и продолжила как будто сама с собой. – Я знала мальчику, который из реабилитационного центра сбежал, сломав ногу, когда выпрыгнул из окна. Это не помешало ему бежать дальше и ещё две недели лежать в притоне с распухшей посиневшей ногой, пока не нашли.

— Ни фиги себе! – Лида было ухмыльнулась, но доктор посмотрела на неё как-то странно, скривившись, как от боли.

— Лида ... А ты сама-то хотела рожать?

Лида постаралась отвечать также на выдохе, быстро и по делу. Но с каждым разом говорить становилось сложнее. Почему-то с соцработниками и их нотациями было проще. Они обвиняли, Лида отгрызалась. Злиться было проще. А сейчас, когда врачах говорит «мы» и «нам» ... Как бы не разреветься.

— Сейчас конечно ничего уже не изменишь. Надо будет рожать. Судя по размеру, тебе осталось немного. Как я понимаю, до этого родов у тебя не было. А аборт или выкидыши?

— Ну... чтобы у гинеколога делали – нет.

— В смысле?

— Был один. Мать таблетки купила.

— Ты имеешь в виду не операционный, а медикаментозный аборт? Давно?

— В одиннадцать. Только я не знаю, это беременность была или просто.

— А зачем тогда таблетки, если не точная беременность?

— А мамкин сожитель меня изнасиловал со своим другом. Она тогда отрубилась от героина. А они того. Она проснулась, ну и поняла. Наорала на него. И в аптеку со мной потащилась. Мать сказала, что на всякий случай, а то мало ли: забеременеть от таких ...

— Господи, в одиннадцать ...

— Да это давно уже было, не переживайте. Мать его выгнала, но он нам денег дал тогда много. Правда мамка наверное их спустила, я не помню. Потом меня бабка к себе забрала. А этот мужик снова к матери переехал.

— И в милицию не заявляли?

— Не-а. Мамка сказала никому не рассказывать. Ещё меня обругала: вечно я дома ошиваюсь, вот и неприятности. Я только года два назад рассказала психологу в приюте. Она говорит, наверное, потому я к мужикам старым и бегаю, что у меня вроде как травма.

В дверь заглянула Алевтина:

— Доктор, я всё оформила. Мне чего с ней, на УЗИ ещё? Это сейчас талон взять или нам приехать в другой день? Нам бы лучше сегодня, а то сбежит опять, она ведь беглая, даже не думает, что беременная! А у нас машина одна. Таких как она ещё пятнадцать девок. Только поумнее.

Доктор раздраженно подняла глаза.

— Ждите в коридоре. – Потом посмотрела на Лиду. – Тебе получается больше некуда пойти, только к ним? Они ж тебя съедят своими нравами. И здоровым самостоятельным женщинам иногда беременность даётся нелегко, особенно когда некому пожаловаться. Здесь у меня часто ноют. А тебе... Их упрёки могут тебя окончательно измотать, не выдержишь – уйдёшь ведь...

Зря она сказала про упрёки. Копившееся за последнюю неделю напряжение, наконец, прорвалось слезами. Рыдать или подвывать Лида разучилась давно: через год, как забрали от матери. Видимо, прорыдала всё там, в первом ещё приюте. Но сейчас так жалко себя стало, оттого что идти некуда, и даже единственную радость – героин – отобрали. А там, на свободе, Виталик гуляет, и ему хорошо...

— Да они мне всю неделю мозг пилят, какая я бесстыжая. И запугивают, что ребёнок будет больной, оттого мне придётся труднее, чем другим девочкам – с инвалидом на руках. А я сама виновата, потому что бессовестная, убивать ребёнка наркотиками. Ещё всё время водят на беседу с какой-то настоятельницей. Мозги промывает: Бог дал мне ребёнка, чтобы я жизнь поменяла, и если даст больного, то чтобы грехи мои искупать мучениями... А мне и так жить тошно! Сил нет, ходить тяжело. Я не хочу никого растить, я плохая мать буду, у нас в роду не было хороших!

Врач встала. Налила в стакан воды из под крана.

— На, попей. – Она подошла так близко, как будто вот-вот обнимет. Лида невольно отстранилась, но доктор только отдала стакан и отошла к окну. – Поплачь, Лида. Тебе можно. – Потом они долго молчали. Врачиха о чём-то своём у окна. А Лида всё никак не могла унять слёзы: только вытрет, а они снова.

Врачиха вернулась за стол, когда Лида перестала всхлипывать.

— Давай мы с тобой договоримся. Я знаю... ждатель обещаний от наркомана – дело глупое. Я и не прошу. Давай мы просто договоримся, что ты попробуешь дотянуть до кесарева. Ведь если ты убежишь, Лида, ты не вернешься. Мы же обе понимаем, где ты будешь. И будешь прятаться до самых схваток. А там поздно будет оперировать. Да и роды для тебя будут тяжёлым испытанием. Это физически тяжело.

— Да я понимаю. Я не сбегу.

— Ты просто постарайся поставить себе одну цель. Ничего большего. Очень прошу, не думай, оставишь малыша себе или нет. Ты уже дала этому ребёнку, что могла. Лучшее, что ты можешь сейчас сделать – попробовать помочь ему родиться без ВИЧ-инфекции. А уж будут силы или нет, захочешь ли воспитывать – это ты станешь решать сама, в любой момент. Поняла меня? В лю-бой!

— Да вроде. Но они говорят: потом – привязанность... Сама не откажусь. Правда я совсем не понимаю, что надо будет делать... Как это... Там конечно в центре помогают, но они запугивают, что ночи бессонные, и что никто за меня ничего делать не будет, притворщицам-наркоманкам не верят... – Лида снова почувствовала, что ревет. Это было так непривычно. Наверное, первый раз за последние полтора года. И как будто легче от этого становилось. Хотелось плакать и плакать.

— Так, Лида, соберись. Ты забыла, о чём мы договорились. Наша цель – просто дотянуть. И всё. Дальше – даже не думай ни о чём. Болтают эти соцработники, а ты не слушай, кивай просто. Поняла меня? Твой финиш – кесарево, всё.

— Угу, – прошмыгала Лида.

То ли от слёз, то ли от тона доктора, но ей как будто стало легче. Начал рассеиваться жуткий страх от слов «будущая мама». Эти навязчивые картинки больного скрюченного младенца. Если только до кесарева – можно попробовать. Тем более, если под наркозом. А то эта монашка как затянет своё про муки роженицы, аж до дурноты. Половину слов не понять, что-то про грехи... Стоп, не думать... Надо не думать. Как врачиха сказала: просто кивать и всё. Надо попробовать.

— Ну что, сейчасходим с тобой на УЗИ, и поедешь отдыхать. Тебе нужно сейчас побольше отдыхать и научиться играть в глухую.

— А это... а осмотр?

— Да какой осмотр на твоём сроке. Только УЗИ теперь и померить живот. Это я так, чтобы выпроводить твою надзирательницу.

Они прощались после выхода из кабинета УЗИ. Тридцать три недели, девочка. По УЗИ пока без явных патологий.

— Спасибо, – Лида не знала, как завершить разговор. – Мне ещё к вам прийти... можно? То есть... это... надо ещё?

— Да, Лида. Тебя должны привезти через десять дней, тогда будут готовы анализы, и мы всё обсудим. Береги себя, отдыхай. Жду тебя через десять дней, постарайся приехать.

— Спасибо... что поговорили...

Доктор кивнула и двинулась дальше по тусклому коридору. Сначала хотела было отвести в сторону соцработника на пару слов: попытаться объяснить ей, что давить на Лиду сейчас нельзя. Иначе точно сбежит. Да и что за бред: оставить новорожденного Лиде. Девочка ведь малыша к себе в притон потащит... Но потом поймала себя на мысли, что снова начинает играть в спасателя. Где она – грань бессилия и безразличия... Где грань чужой и своей истории...

Она открыла дверь в туалет. Никого. Подошла к наполовину покрашенному окну и открыла тугую форточку. Задышалось легче. Достала телефон, пролистала недавние вызовы... Не нашла. Набрала вручную цифры. Телефон высветил «Лёшенька»... Никто не отвечал. Она начала набирать сообщение, но, после слова «сынок» не смогла ничего написать... Где ты... как нога... приезжай... возвращайся... Всё это было не то. Ответа она не получит.

Она родила своего первенца в тридцать четыре года... «старородящая»... Родила здоровенького, красивого мальчишку... В детском саду он заболел гломерулонефритом, стал инвалидом, набрал огромный вес, почти не мог ходить... Пять лет она практически носила его на руках, лежала с ним по больницам, не давала посадить на гормоны. И все-таки вытащила его каким-то чудом... К началу шестого класса по его инициативе, они отказались от инвалидности, всех полагающихся льгот и пособий... Хотя с деньгами тогда было очень туго... Лёша стал ходить в школу, записался на фехтование... До девятого класса был идеальным сыном и учеником.

И вдруг в пятнадцать лет попытка суицида. Вроде из-за несчастной любви. А потом депрессия, таблетки и через полгода наркотики... И этот последний его глупый побег из реабилитационного центра, когда он сломал ногу... последняя попытка поговорить с ним, после которой он перестал отвечать на звонки... За что? Ну, ладно эта девчонка Лида, из неблагополучной семьи, дочь наркоманки... А ведь у Лёшеньки было всё...

Она посмотрела на продолжающий светиться экран мобильного телефона... Где он сейчас? Ей хотелось надеяться, что и ему, быть может, встретиться кто-нибудь, кто, как она сегодня, найдёт несколько лишних минут, чтобы выслушать и поговорить.

РЯДОМ ХОДИТ

Выходя из электрички, Антон сразу заметил его. Кажется, больше года не виделись, и ещё бы столько. Антон даже не видел лица Костика, просто ощутил боковым зрением болезненно знакомый жест: суетливое приглаживание косой чёлки. Этой нервной привычке уже лет двадцать. Костик, замотанный в какие-то тряпки, ёжился у подножия лестницы в компании двух похожих типов. Они подходили то к одному, то к другому прохожему, и так же быстро сутуло отходили, когда им отказывали.

Антон оглянулся. Другого выхода со станции не было. К нему подойдут точно, «своих» чувствуют даже через много лет. Антон вспомнил уловку, когда нужно было в старших классах слинять из лица посреди уроков мимо дотошных охранников. Он прикладывал к уху телефон и начинал изображать, что говорит с мамой: «Да, мам, ага, вижу твою машину, бегу-бегу, извини, долго переодевался». Обычно охранники не прикапывались.

— Да, Пётр Алексеевич! Конечно. Я вас понял. Давайте попробуем какие-то другие варианты. Вас какие даты интересуют? Мы что-нибудь придумаем. У меня под рукой нет компьютера, сейчас добегу до дома, смогу вам сразу отписать! — нехитрого монолога хватило на всю лестницу.

И вот Костик как-то неуверенно отделяется от компании и двигается в сторону Антона. Вот они уже в двух шагах друг от друга. Костик пытается непринужденно улыбнуться. Поднимает руку, наверное, похлопать по плечу. Антон, быстро сообразив, ловит руку Костика и крепко пожимает. Чуть отодвинув телефон, громко шепчет: «Привет, братан! Рад тебя видеть! Сто лет! Как сам?». И, не дождавшись ответа, прибавляет шаг: «Да-да, конечно, с этим я согласен. Но вы и мою

позицию поймите, это же полный абсурд получается!»». Ещё несколько метров Антон ощущает, что Костик неуверенно плетётся сзади. Антон всё идет и идёт, с трудом стараясь не переходить на бег. Толпа вечерних пассажиров постепенно расплзается по переулкам. Антон продолжает говорить всё так же громко и возмущённо, пока не проходит квартала три. Пронесло...

Пронесло? Оборачивается. Облегченно вздыхает. И тотчас обдаёт жаром, как будто в баню вошёл – накатывает чувство стыда. И следом детские картинки, эпизоды, страхи, бесконечные кошмары последних лет... Ещё не известно, что хуже: общение с Кости́ком или их общие воспоминания.

И вот уже Антон как будто не на унылой зимней улице спешит домой после смены, а там, в неторопливом лете, ставшем рубежом его детства...

В тот день они расчерчивали поле боя: рисовали на песке расположение войск, делили линии фронта. С крыльца их окликнул Мишка-батон. Батоном его прозвали, потому что жирный был. Перестройка, магазины пустые, родители без денег, пацаны все тощие, а этот – как колобок. Вот и дразнили его от зависти. Отец Батона заправлял каким-то судом, его видели редко. А брат Батона работал на заводе, по вечерам ходил поддатый и отвешивал люлей всем, на кого младший показывал. Потом брату надоело мальчишек ловить, и он смастерил Батону здоровенную рогатку. Но кого удивишь рогаткой, пусть даже большой. Залезь на дерево (если конечно пузо не мешает) – наломай, сколько хочешь, этих рогаток. Потому брат смастерил ещё и особенные «патроны». Вечером Батон вышел со своей рогаткой на крыльцо. Мальчишки были увлечены игрой и лишь по привычке обернулись на звук захлопнувшейся подъездной двери, но, увидев Батона, брезгливо отвернулись.

— Эй! – крикнул Батон. Никто не повернулся к нему. – Ща как стрельну! – он навёл рогатку на копошащихся ребят.

Первым распрямился Лёха.

— Давай, стреляй! Чё, слабо?

Остальные мальчишки тоже начали подниматься и, деловито выпятив грудь, выкрикивать:

— Крутой, да?! Стреляй, рискни!

— Попадёшь – держись!

— Да гляньте, он её даже не зарядил! Ну, лошок! – Антон вместе со всеми соревновался, кто поддразнит громче и смешнее.

Батон подержал мальчишек под прицелом несколько мгновений и опустил «оружие». Потом достал из кармана горстку «патронов» и медленно примерился. Мальчишки с любопытством смотрели. Рогатка, уже заряженная, снова уставилась на ребят, потом неспешно повернулась вправо на старый растрескавшийся дуб и немного подалась назад от сильного натягивания. Хлоп. Батон отпустил тетиву.

Дальше... Антон помнил только, как совсем рядом с глухим воплем упал Костик. Антон как будто в замедленной съёмке повернул голову и ошарашено уставился на скрутившегося у его ног друга. Рядом с ним валялся окровавленный «патрон» – согнутый крючком гвоздь.

Привели взрослых, помчались ловить Батона. Антон вспоминал урывками. Просто кадры, один за другим, как будто замершие навсегда. Никто не мог понять: то ли гвоздь отскочил от дерева, то ли поменял траекторию и, бешено вертясь, высверлил Костику глаз.

Антон потом ездил с мамой к Костику в больницу. Тот сидел на койке с залепленным бинтами глазом и бойко болтал:

— Я теперь как пират, скажи?! Я своих попрошу черную повязку купить! Жаль, доктор сказал, скоро буду как новенький – я бы остался пиратом! Вот мы навалием этому жирдюю!

По дороге домой в дребезжащем трамвае Антон рассказывал маме, как они Батону устроят темную. Мама почему-то беззвучно плакала. А затем обняла Антона и начала шептать ему в самое ухо быстро-быстро: «Маленький мой, самый родной! Обещай мне, ради Бога, никогда... никогда, слышишь? Не подходи к этому Мишке! Пожалуйста, никого больше не дразни! Я тебе куплю приставку! Мы накопим и купим! Уже в следующем месяце, слышишь? Только обещай, что никогда-никогда не будешь играть в войну на улице! Обещаешь?»

Антон хотел возразить: «Как же не играть в войну? Во что же тогда? И как навалить Батону, если к нему не подходит?». Но мама всё плакала и плакала, и уже пассажиры как-то тревожно смотрели на них. Тогда Антон отодвинулся и по-взрослому, как делал отец, погладил её по спине: «Мам, ты успокойся. Все будет хорошо. Я тебе обещаю».

Стало ли хорошо – сложно сказать. Стало по-другому. За пару месяцев двор опустел. Кого отправили к бабушкам, кого держали дома под разными предлогами, кого вдруг начали таскать с собой на работу.

Антону купили приставку. Как выяснилось много лет спустя, мама продала свои серьги с рубинами – подарок бабушки. Узнал это Антон уже будучи отчисленным студентом, когда ему позарез нужны были деньги. Диким и глупым показался ему такой поступок матери. Двадцатилетнему Антону, «поставленному на счетчик» за наркотики в долг, казалось, что именно те сережки, так по-дурачки проданные матерью, могли бы решить теперь все его проблемы...

Костика выписали только через три месяца, но до самого Нового Года он ездил по разным санаториям. Его мечта остаться пиратом сбылась. Глаз вернуть не смогли, и Костик ходил с повязкой.

А Батону так никто и не навалял. На следующий день его отвезли в деревню. Через пару недель куда-то съехала и вся его семья. Больше их не видели.

Антон и не заметил, как добрёл до дома. Настроение стало тягостным. Он вытащил из кармана горсть мелочевки, в поисках ключа от домофона.

— Вот чёрт, ключи! – он поморщился, увидев на ладони ключи от пищеблока. – Идиот, забыл сдать охране! – Антон растерянно замер перед подъездом. Снег валил хлопьями... Завтра у него выходной. А теперь? Не оставил ключи – снова тащиться в Москву, а это считай полдня вникуда! Уродский вечный стресс. Стрес-с-с-с – слово-то какое противное! Как ногтями по школьной доске.

Антону вдруг захотелось плакать. А следом накатила злость от жалости к себе.

Открыл дверь квартиры, машинально промямлив: «Привет, дед!». Взгляд зацепился за родной скейт. А ну вас всех! – Он швырнул сумку, ухватил доску, и, прихлопнув дверь, сбежал по лестнице. У подъезда вспомнил, что забыл в сумке плеер, и несколько секунд стоял в нерешительности: вернуться, нет.

— Да вашу мать! Надоели! – прошипел он кому-то в небо, – успокоюсь я сегодня наконец?! Так покатаюсь, плевать!

Он шёл по заснеженным вечерним улицам. Прохожие косились на зажатый подмышкой скейт, на его двухдневную щетину.

— Чё пляшишь? – мысленно давал он отпор каждому. – Скейт не видел, жиртрест? А ты, синюшный, только бухать умеешь? – При этом Антон отводил взгляд или стеснительно улыбался, за что злился на себя ещё больше. Хотелось одиночества. Только так, кажется, можно было освободиться от бесконечной неловкости и стыда. Перед родными, девушкой, коллегами, прохожими.

Всё шло не так. Ключи, забытый плеер, обрекший его на диалог с собственными мыслями, эти механические улицы, медленно движущиеся ему навстречу, липкий плачущий снег, лишние прохожие. Вечер не задался! Он шёл, пытаясь сжаться в точку, не заметную миру.

Наконец остановился. Ноги сами вспомнили дорогу: старая площадка над теплотрассой. Маленькая конечно и захлавленная, но зато снега нет: он таял, ещё не коснувшись асфальта, оставляя мокрые следы. Правда, Антон не один оказался таким умным. Двое мальчишек лет тринадцати разучивали переворот по видео с телефона. Они оторвались было от экрана, но, взглянув на Антона с бесстыжей подростковой снисходительностью, отвернулись. Он кивнул им, наклонившись, как будто затянуть кеды.

Ботинки! Ну и придурок! – на нём были совсем неуместные зимние ботинки на липучках. Для виду он их поправил, но сути это не меняло: ботинки были на толстой тракторной подошве, буквально неделю назад вытащенные с антресолей – уж больно зябко стало ждать на всех пересадках до работы.

— Пофиг, всё равно уже! – пробубнил он достаточно громко. Услышав своё «пофиг», он невольно улыбнулся. И правда, кому какое дело. Не повыпендриваешься конечно в такой обуви, но проветриться можно.

С плеером было б полегче! – Антон старался не замечать пацанов, но чувствовал их любопытные взгляды. Он перебирал в голове любимые мотивы. Ботинки жестко фиксировали подъём, через подошву почти не ощущались движения доски, но постепенно он перестал нервничать и, наконец, немного выдохнул. Обрывки любимых мотивов вытеснили калейдоскоп болезненных воспоминаний; он крутился на доске, немного неумело, но весело. Как будто снова был подростком, радующимся каждому даже неуклюжему движению. Когда он

присел на перила передохнуть, вокруг уже было пусто. Он не заметил, как мальчишки куда-то ушли. Снег прекратился. Он один на этом чёрном асфальтовом островке, а вокруг всё как будто бережно упаковано, завернуто в снег. Тихо. Прислушался – вроде и в душе улеглось. Теперь можно домой.

Он неспешно брёл назад. Струйки пота щекотали спину под толстовкой, мокрые перчатки покалывали горячие ладони. Антон стянул шапку. Приятный холодок обдувал. Настроение совсем выправилось: мысли об уютном вечере грели... Чаю с дедом навернём! Пельменей нажарю, с лучком. Как раз его футбол через час начнётся!

С дедом жить забавно. Да и легче, чем с родителями. Особенно когда тебе под тридцать. Можно, при случае говорить, что за стариком просто присмотр нужен (а то нынче, если в тридцать живешь с роднёй – уже недоделок как будто). Дед хорош молчанием, своим ритмом. Дверь в квартиру закроешь – и как отрезало от суеты.

Антону нравилась эта медлительность, неспешность, эта обособленная жизнь. Он чувствовал себя здесь защищённым. Как будто в детстве, но не его реальном, а в детстве мальчишек из книг Гайдара, советских фильмов, родительских рассказов. У него не было пионерских лагерей на три смены и школьных кружков, не было вожатых или других старших, которые бы приглядывали, поддерживали. В его детстве были тревожные взгляды мамы, её слезы и папины бесконечные подработки, поиски денег. А потом подработки закончились, появились папины бутылки, мамины слёзы. В последние годы у родителей как-то выровнялось, но почему-то, как только он заходил в их квартиру, внутри поднималась тревога, даже страх.

С дедом было спокойно. Нет, они с бабушкой не накопили денег на чёрный день. Просто оба были родом из военного детства, и вся эта мрачная суета девяностых воспринималась

ими как нечто, что обязательно схлынет, пройдёт. Не блокада! А уж с остальным справиться можно.

Антон подошёл к подъезду, полез в карман и снова вспомнил про ключи от пищеблока. – Ладно, что-нибудь придумаем. Значит, в Москву завтра. Ничего, возьму скейт, в центре всегда расчищено, вдоволь покатаюсь. Алиске позвоню, в кафе приглашу, она любит выбираться в Москву, – он улыбнулся простым решениям тех проблем, которые ещё пару часов назад казались тягостными и невыносимыми. В последние годы он научился выдыхать и давать себе время на обдумывание, вместо того, чтобы сразу отчаиваться. Эх, эту бы способность отослать Антону-подростку, которому жизнь казалась беспросветной.

Поднимаясь по лестнице, Антон замечает тень на втором пролете у мусоропровода. Тень двигается. – Да мало ли кто! – Антон пытается унять зарождающуюся тревогу.

— Привет!

— А! Привет, брат! – Антон отвечает как на автомате, даже улыбается слегка. – Рад тебя видеть! Как сам?

— Да это... нормально. – Костик по привычке смотрит куда-то в сторону.

Антон и сам до сих пор с трудом заставляет себя смотреть людям в глаза.

— Давно не появлялся! Уже год, наверное! Лечился?

— Да не совсем... Два два восемь. Ну, сам знаешь. Полтора года дали. Если бы не предыдущее, условный был бы. Но судья докопался. Не вывернуться.

— Бывает.

— Но теперь всё, лечиться еду.

— Вот молодец! А куда?

— Пока не решил. Но теперь точно. Теперь уже насовсем.

— Красавчик! Всё правильно! – Антон пробует потихоньку начать обходить Костика, чтобы подняться дальше. Телефон остался в квартире, так что недавний трюк не пройдёт.

— А ты как? – Костик неловко пытается запихнуть руки в карманы потертых джинсов, переминаясь с ноги на ногу. На куртке карманы оборваны, не спрятать опухшие кулаки.

— Да ничего, как все. Рутина, сам знаешь.

— Ты всё с доской? Не холодно?

— Да не, отлично!

— А мне вот что-то холодно. Одежды тёплой не осталось. Раздал ребятам, когда понял, что посадят. А вернулся, и нет ничего. Поесть бы, согреться. – Костик ёжится, мнётся. – Может, будет у тебя рублей двести?

— Не, Костян, я вот катался, с пустыми руками! – Антон знает, на что Костика деньги. И в то же время, так не хочется сейчас портить настроение. А с каждой минутой разговора всё больше затягивает то темное, страшное, давнее, постоянно сверлящее изнутри. В заднем кармане есть сотни три точно. Сунуть бы и дальше. Костик отлипнет, и можно будет забыть... Но ведь понятно, зачем ему деньги. Забыть не выйдет. Потом опять накроет, внутри будет стыдом гореть, разъедать. За нечестность свою, за слабость.

— Понимаешь, чтобы на работу устроиться, надо одежду нормальную купить. А денег-то негде взять. Я пока жду, ребята обещали достать. Вот с едой хуже. Я могу подождать, если у тебя дома есть. Ты не думай, я отдам. – Костик разглаживает длинную чёлку налево. Его сальные волосы сильно поредели. – Как на работу устроюсь, все долги раздам. Теперь уже точно!

Антон смотрит на Костика, и тошнота накатывает от этого зеркального отражения его самого семилетней давности. Фразы, мысли, интонации...

— Нет, брат, извини, сам на мели! Зэпэ под чистую. Ты ж понимаешь, с моим прошлым только на копейки устроиться можно, все проедаю, сам в долгах. Хочешь, заходи? Я тебя обедом накормлю! Дед всегда рад гостям.

И вот на какой-то миг Костик как будто замирает. Глаза его темные, затравленного зверя, вдруг освещаются чем-то теплым, человеческим. Антону хочется зажмуриться и очутиться снова там, где им лет десять... Они грязные притазились к Антону домой. К Костикку бесполезно – там крикливая бабка. Мать Антона тоже конечно ворчит: «Опять на пустырь ходили? Грязищи-то нанесли! Выпороть бы обоих!» Но её ворчания надолго не хватает. Отправляет руки мыть, и за стол. Набив рот, они болтают, смеются...

В семье Антона любили и оберегали Костика, ему часто разрешали оставаться на ночь. Его ласково звали Костик, помня о его детской беде. Пройдёт всего три года, и эта дружба обернётся бесконечным кошмаром, употреблением, раскаянием, новыми дозами.

Антон смотрит на Костика. Он всё понимает. И Костик понимает. От того сугулится сильнее. Ему бы сбежать сейчас от стыда, да проклятая тяга вертит-крутит, заставляя до последнего унижаться ради денег. Антон всё это проходил. Вместе проходили. И тошно от этого и бессилие двинуться с места не даёт. Молчание затягивается. Костик тоже не двигается, смотрит под ноги.

Снизу слышатся шаги. У обоих как будто отлегло.

— Чего стоишь, ключи что ль забыл? – дед смотрит на Антона, неспешно поднимаясь по лестнице.

— Дед! Привет! Да нет, вот встретился тут... А ты чего? – Антон готов деда расцеловать, вовремя он пришёл.

— В магазин ходил. Папиросы кончились. Чего тут-то отираетесь, если ключи есть?

Костик едва слышно произносит «здрасьте» и отворачивается, как будто смотрит в окно.

— А чего, друг-то твой не зашёл? – дед неспешно стягивал ботинки, присев на обувницу.

— Костик? Да нет, он не зайдёт. Он из тех, давних.

Дед покосился на Антона:

— Да я уж понял. Наркоманит. И чего вам неймётся... Молодые мужики. Ты-то хоть уже не балуешься? – дед кряхтя поднялся, стянул куртку. Антон стоял, как будто провинившийся школьник.

— Дед, я ж тебе говорил. Я уже семь лет как чистый. Иначе я бы сейчас не работал, а вон... как Костик. Да деньги бы у тебя таскал.

— Я б тебе потаскал! Деловой, – дед направился в ванную. – А он чего? Курит дрянь эту?

— Колется, – тихо выговорил Антон. – Да, думаю, да.

Антон стоял в смятении. Так бывало всегда, когда он видел бывших друзей, когда замечал на вокзалах эти трясущиеся руки, маниакальные взгляды. Потом долго ещё не отпускало.

Дед вышел из ванной:

— Чего стоишь? Пошли! Ужина ещё нет, а матч через полчаса. Вон натекло с тебя.

Антон машинально разделся, стянул промокшую толстовку и протиснулся в кухню. Дед налил воды в кастрюлю, поставил на плиту и присел рядом.

— Курить будешь?

— Да не, дед, я ж не курю, ты знаешь.

— Ну, это я так. Не очень-то ты радостный от встречи с другом... Это ж тот, который без глаза?

— Он самый.

— И чего дурень колется! И так девчонку не найти, а тут ещё наркоманит.

— Дед, ну у него ж травма.

— Да я помню, что без глаза. Но и слепые вон живут и ничего.

— Я про психологическую.

— Это чего такое? – дед достал было папиросы, но убрал в карман. — Назовут же ещё умными словами.

— Понимаешь дед, это ж как – смерть так близко видеть. Мне самому до сих пор страшно. Может, оттуда всё и началось.

— А чего её бояться, смерть? Раз рядом ходит – ещё не скоро заглянет. Видать, не подходишь ты ей.

— Да ладно б на войне, а пацана на всю жизнь просто так покалечило, обидно!

— Это всегда обидно. Я вот, помню, у нас тоже ребята калечились, да и помирали ни за что, в училище.

— В войну? Так ты ж в эвакуации был, в Азии, разве там много умирало? Кормили, небось, хорошо.

— Кормили хорошо, это да. У курсантов паёк, как на фронте, калорийный. Надо же было этих ребят как-то вырастить... Училище... Это у нас под Саратовом лётное училище было. А когда в Туркменистан в 42-м эвакуировали – одно название осталось. Да и то потом поменяли на «лётный лагерь Кара-Бугаз».

Представь – пустыня бескрайняя. До ближайшего городка Кизил-Арбат километров семьдесят. Весь лагерь – десятка два военных палаток да пара дощатых домиков – для начальства и хозчасти. И вокруг самолёты стоят, брезентом прикрытые. Вот тебе и всё училище...

А чуть дальше кладбище... в месяц двух-трёх точно хоронили. Мне тогда сколько – лет десять, получается, было? Отец

задание дал – на фанерках звезду рисовать, имя и дату. Помню, сначала тяжело было – пыхтел, всё хотелось покрасивее, а сам плакал. Рисую, а перед глазами лицо этого Петьки или Лёши. Они ж со мной все за руку здоровались, учили разному: кто на гармошке губной играть, кто стихи какие-нибудь. Отец после каждых похорон подолгу бывало сядет и молчит. А потом говорил, мол, держись, Вовка, это война.

Иногда за неделю двоих могли хоронить. Тоже всё рядом ходила, смерть эта.

— Заразу что ль подцепляли?

— Да нет, молодость, видать, их губила. Самоуверенность, пыл, в небо хотели.

— А как же их в небо отпускали, неподготовленных?

Дед рассеянно похлопал по пиджаку, потом снова выудил из кармана смятую пачку «Явы».

— А как ты его непустишь? Их присылают с бумажками, что всю теорию прошёл, и с указом в такие-то сроки подготовить для выполнения боевых задач. А они до этого самолеты только по книжкам изучали. Мальчишки, и двадцати не было, только-только из-за парты. Отец сколько мог их натаскивал. Ты представь, парень из какой-нибудь Якутии. А тут жара каждый день – сорок! У меня, у пацана волжского, голова к обеду гудела от зноя. А им весь день занятия слушать, потом в машине раскаленной сидеть отрабатывать. Да и самолёты, сам понимаешь, лучшие на фронт отправляли. А нам старье да что попроще. А если ещё буря песчаная...

Дед покрутил папиросу, кряхтя потянулся за спичками, неожиданно громко продолжив:

— Ребята эти – всё на фронт рвались! Эх, как куражились они в небе, глаз не оторвать. Отец ругал их страшно, и полётов лишал, и наряды раздавал. А им что... Каждый ведь считает, что смерть рядом пройдёт, его не тронет...

Дед задымил.

— Не тронет... От этой дряни, говорят, тоже помирают! – дед с ухмылкой показал Антону дымящуюся папиросу. – Так что уж её бояться, смерть эту. Она найдёт, где прибрать.

Антон вспомнил, сколько раз снился ему кошмар про тот гвоздь, который поворачивает чуть раньше и летит в него самого. Сколько раз прокручивал он малейшие детали, которые могли всё повернуть по-другому. Он попытался выбраться из воспоминаний, стал разглядывать привычные предметы на кухне. Поглядел на деда. Может, что-нибудь расскажет. Хорошо бы, а то совсем тяжело на душе.

— Помню, хозяйственник у нас был – Василич – толковый мужик. Его тоже, как отца моего, на фронт не пускали. Только отца из-за квалификации, чтоб молодых учил, а у этого полступни не было, оторвало на заводе. Так вот, очень сообразительный был, отец за него держался... Он, понимаешь, умел как-то гробы доставать!

— Да уж, прям гений! Добра-то. Лучше б самолёты доставал нормальные! – Антону не нравился разговор, всё больше уводивший к теме смерти.

— Э-э, темнота! Это тебе сейчас на каждом углу похоронное бюро, в каждом райцентре небось есть. А ты представь, ближайший аул – два часа езды на разваленном грузовичке. Туда не повезёшь хоронить, это на весь день машину занимать. Местные кстати настороженно к нам относились, и хоронят они по-своему. А вокруг училища – пустыня. Землю копать – мука. А если не глубоко закопать – так ветром быстро верхний слой снесёт, падальщики налетят. Без гроба здесь никак. Да и человек честно хотел за Родину воевать. Он что, своего места не заслужил на земле? Вон их сколько, до сих пор ищут, тех, кого похоронить не могли! Леса прочесывают, целые районы.

Велика она, земля наша, забрала себе, спрятала, обратно отдавать не хочет.

Земля... Антон вспомнил первые в своей жизни похороны. Хоронили мать Костика. Им было уже по двенадцать. Она не выдержала всех мытарств с покалеченным сыном, несправедливости исковерканной страны, которая не заступилась за них. Одинокая, униженная, она всё таскалась по инстанциям, а её всё отсылали. Так и не получила она ни рубля от семьи Батона. Всё было списано на несчастный случай. Мать Костика угасала быстро. Отчаявшаяся найти помощь, она высиживала в приёмных канцелярий с пустым взглядом, как будто уже ничего и не ждущая. Вся жизнь её замкнулась на этой бесполезной борьбе. Она как будто умерла ещё задолго до того, как обессилело её тело.

В гробу она лежала такая малюсенькая, только лицо было видно. Тело, изъеденное раком кожи, было укрыто белым. Потом крышку прибили, и Антон с ужасом смотрел, как земля засасывает гроб. А люди ещё бросали сверху черные рыхлые комочки, как будто поторапливали, помогали земле затянуть скорее человека. Навсегда, поглубже...

Антон тряхнул головой, по телу пробежали мурашки. Дед сидел спокойный, тоже как будто потерявшийся в воспоминаниях.

— А как же другим курсантам похороны: так ведь и боевой дух напрочь сбить можно?

Дед помолчал, прищурился, то ли от едкого дыма, то ли по привычке.

— Боевой дух... это дело такое... — дед неожиданно ухмыльнулся. — Помню, Василич как-то приезжает, а у него в машине сразу десяток гробов. Отец хмуро на него глянул, но что тут скажешь. Василич-то мужик толковый. Он всё отцу разложил: мол, пока он десять раз туда-сюда съездит, сколько машина

километров накрутит, итак едва дышит. А им о живых заботиться надо, вдруг кто покалечился или заболел, а машины нет.

— Изворотливый твой Василич был.

— А как по-другому в военное время! Ему всё училище обеспечивать надо и едой, и одеждой. А спрос весь с него. Там ведь чуть что, объяснений не примут. Жесткое время было! Особенно к тем, кто в тылу.

— Всё равно, не по себе как-то. Гробы впрок.

— Да это ещё чего! Вся штука была в том, что хранить эти гробы негде было! Бараки заняты. Лишних построек нет, даже сарайчика какого свободного, где их возьмёшь, стройматериалы? Не ставить же гробы курсантам в палатку или столовую!

Антон невольно ухмыльнулся:

— Да уж, товар не самый приятный, под кровать не спрячешь.

— Вот-вот. Так он их за хозчастью поставил. Курсанты мимо идут, а тут – гробы. Территория маленькая, хочешь – не хочешь, наткнёшься. Не выдержали ребята. Сначала просто роптали на Василича. А потом взбунтовались. К отцу пришли, забастовка у них! Представляешь?

— Вполне логично. Люди всё-таки! Имеют право.

— Да какое право?! Война! Всех под трибунал за такое дело могли! Чужак-человек, это ж советские солдаты, в военное время подрывали дисциплину в лётном училище! Их похорошему арестовать и отправить в город для разбирательства, да поскорей, чтобы агитацию не разводили!

— Дед, это ты такой умный уже тогда был? Или сейчас понял? – Антон улыбнулся редко наблюдавшейся у деда эмоциональности.

Дед ухмыльнулся:

— Да не, я-то что. Я тогда перепугался. Лица у них, понимаешь ... лица такие были, когда вошли... Испугался, что отца

убьют... У меня же никого кроме него и не было. Помню, тайком приказы все читал, что ему приходили. Боялся, что его на фронт оправят... Но отец с ними держался жёстко. Они сначала молчали – а взгляды исподлобья. Потом один, умный такой паренёк был, Пашка Лосев. Он вперёд вышел и говорит уже так неуверенно, будто просит, а не ультиматум ставит. Я тогда почувствовал, что отпускает меня страх: не сделают ничего отцу. Жалко их стало. Эх, малы пацаны были. Им бы ещё жить да жить...

Дед затушил сигарету.

— Так чем закончилось?

— Закончилось? Так ведь победой, Антошка! 9 мая – не знал что ль? – дед подмигнул.

— Да ну тебя, дед! С гробами что?

— С гробами-то? – дед достал обметанный покойной бабкой платок, вытер лоб, аккуратно сложил его, как будто невзначай, погладил. – Отец долго ребят молчанием мучил. А потом говорит – так, мол, и так. Под трибунал он их не отправит. Дураков малолетних. Не для того мол страна их обучала, деньги тратила, чтобы потом они до фронта не добрались! Но за такие бунты с каждого наряд вне очереди: отдраить всё училище до блеска! Новые гробы такими партиями привозить не будут, но и эти обратно не отправят. А раз что не нравится, то пусть сами придумают, куда их спрятать. Срок – двое суток. Хоть портянки свои переведут, чтобы укрыть, ему, мол, всё равно.

— Пожалел, получается...

— Пожалел.

— А гробы-то куда?

— А они их разобрали. – Дед лукаво улыбнулся. – Сложили стопочками, все гвоздики, да доски, как положено. И в хозсарае вдоль стены припрятали. И места мало занимают, и как будто, понимаешь, не гробы, а просто доски лежат. А как

понадобятся – так собрать за полчаса можно. Гордые ходили, вроде как начлѣта победили.

Помню потом отец с Василичем сидели на крыльце, выпивши, курили, в небо смотрели. Василич ворчал: "Пожалел, выходит?" "Война сама решит, кого пожалеть, – сказал отец. – А хоть пару месяцев пацанам ещё пожить". Потом Василич успокоился. Вспоминать стали ребят ушедших. А отец ему и шуткует: «Василич, смерть – она же баба. Баба своё барахло везде приметит. А у нас барахло всё ненужное – вместо гробов доски в сарае, да гвоздики. Глядишь, баба-то глупая, не поймѣт, мимо пройдѣт».

Так что, Антошка, чего бабу-то бояться. Ходит она рядом, ну и пусть себе ходит.

Дед поднялся, посмотрел на кастрюлю.

— Тьфу, дурак старый! Газ не включил! Вот тебе и пельмени!

Антон улыбнулся:

— Иди, дед, а то сейчас футбол начнется. Я сам. Приготовлю – принесу тебе.

— А ты что ль пропустишь начало?

— Да иди-иди, фанат. Я по твоим крикам и так пойму, что происходит.

Антону хотелось побыть одному. Подумать. Ему нравились байки деда. Для Антона они никогда не звучали как эти поучительно назидательные «а вот в наше время... что у вас за проблемы по сравнению с нашими... так что сидите и не нойте» ...

Когда-то такие нравоучения бесили Антона, толкали на улицу запить, занюхать. Все почему-то считали, что его можно вылечить постоянными упреками и давлением. Сколько лет этот замкнутый круг было не разорвать. Они с Костиком часами жаловались друг другу, ненавидя весь мир, оправдывая

каждую новую дозу безысходностью и враждебностью окружающих... Это тоже была война. Годы ушли у Антона, чтобы понять, что только ты сам можешь выбрать, на чьей будешь стороне. Что посередине остаться не получится. Так же как и бегать туда-сюда. Он выбрал. А Костик... Костик решил остаться там. Ему как будто и не к кому было идти сюда. Да и сил наверное не было. Слишком долгой и выматывающей была его борьба за выживание.

В рассказах деда Антон любил эту спокойную интонацию. Может и в его жизни когда-нибудь настанет такое время, когда обо всех своих страхах и травмах он будет рассказывать также размеренно и тихо, как будто всё случилось в далекие-далекие времена...

— Да ну что ж вы творите, бесстыжие! Кто вас понабрал?! Ноги бы оторвать! – послышалось из комнаты.

Антон улыбнулся.

ДОМОЙ

Баден. Городок, будто из сказки. Идеальнее не бывает. Разноцветные домики под черепичными крышами, вымощенные булыжником улочки, колокольчики на дверях. К обеду Баден наполнится запахами жареных шницелей, официанты вынесут дымящиеся тарелки разомлевшим от весеннего солнца посетителям за уличными столиками, стажёры займут лавочки на бульваре, уплетая брецели. А на нижнем этаже кафе, что на центральной площади, в полдень по понедельникам и средам компания ленивых старичков играет в преферанс – на деньги. Возле каждого выстраиваются аккуратные столбики монет по евроценту, азарт в таком деле важен! Их более активные сверстники малыми группами или по одиночке каждый день покоряют гористый парк: в полной экипировке, солнечных очках и со спортивными палочками. Воздух в парке волшебный, чистота природная, на каждом повороте развешены набитые цельными орехами сетки – кормушки для белок. Даже в парке этого малюсенького городка всюду указатели, инструкции, телефоны экстренных вызовов. Туда не ходи, сюда ходи... Всё должно быть по предписанию.

Всё здесь ровно, размеренно. На работу опоздать сложно. То есть, можно исхитриться – но это, считай, провалил дело. Отговорка «задержался автобус» будет звучать крайне странно. Автобус придёт ровно в то время, которое указано на табло. Изо дня в день, месяц за месяцем, год за годом...

Запись в префектуру. Очередь, как обычно. Талончики. Вокруг одни арабы. Новые жители Европы. Тоже люди, понятное дело. Только что же они не моются. Весна на улице, а они так и сидят в дублёнках. Окна закрыты наглухо, дышать нечем. Ничего, справимся. У нас уже иммунитет к вашей системе выработался за полтора года. Это ж подумать только:

одиннадцать месяцев после свадьбы жили в разных странах! И какое вам было дело до дохода моего мужа и его жилплощади? Спасибо, что озаботились, чтобы муж-европеец привёз свою жену не в халупу, а в нормальное жильё, но мы могли бы уж как-нибудь сами разобраться! О, завелась опять. Спокойно, Даша. Дышим. Осталось всего два человека впереди.

Это уже третья попытка. Бог троицу любит. Только бы не развернули. Дедуля умирает, домой попасть надо. А чтобы назад пустили, этот штамп в паспорт получить необходимо. Новый паспорт «счастливой европейки» готовить ещё год могут, а домой надо сейчас. С первых двух раз мы друг друга не поняли. Действительно, куда я собралась, дед же не умер ещё, значит не на похороны, не его донор (я бы с удовольствием, только нельзя поделиться молодостью) – значит не экстренная ситуация. И связь только через поколение, тут три фамилии разных, извольте доказать родство. Да и зачем мне туда в Россию, когда я замужем здесь, в прекрасной стране, и мне должны выдать паспорт через месяц-другой! Неужели дед подождать не может? Не говорите, удивительно эгоистичны эти старики...

Ничего, справимся. Дедуля, ты продержись ещё, родной, я обязательно приеду. Не уходи без меня, миленький. Ты же... ты же мне ближе всех, подожди чуть-чуть. Деда, как в детстве. Уткнуться в тебя и плакать-плакать о несправедливостях мира. А ты гладишь по голове, обнимаешь, что-то бормочешь шепотом. Ты как будто один по-настоящему понял про Йозефа. Хотя Наташка сказала, что ты, наверное, уже совсем не в себе был, раз одобрил мой брак с потомком фашистов. Дура она, даром что сестра родная. Ей хоть доказательства приведи, что он вообще из австрийских евреев, бабка в лагере едва выжила. Нет же, как заладит. Невыносима стала. А сколько раз в детстве ты нас разнимал, помнишь? Всё говорил, самые близкие

мы с ней, держаться друг за друга надо. Куда там, и десятой части, чем с тобой делилась, не расскажу ей. Не поймёт...

Зазвонил телефон. На экране высветилось: Хайбс. Хозяин квартиры. Ох, не к добру. Пунктуальные педантичные австрийцы, они не будут названивать своим арендаторам, приезжать в сдаваемое жильё с проверками или тем более, как у нас любят, оставлять там свои вещи! Даже если оплата не поступила в срок, они напишут письмо... Раз звонит – значит что-то не так. Очередь двигается медленно...

— Добрый день, херр Хайбс!

Как всегда чрезмерно вежливый: как дела, как здоровье, как в квартире... Давай уже, рассказывай, с чем звонишь?

На том конце вежливая пауза:

— Фрау Шольманн, я несколько обеспокоен. Мне звонила Фрау Рутберг...

О, можешь не продолжать! Началось. Старая дева, мерзотная баба! Значит, решила через тебя продавливать.

— Она всё ещё жалуется, что вы мешаете ей спать, стуча дверями и принимая душ после полуночи. У неё появились проблемы со сном, из-за чего утром она совершенно не может подняться на работу.

У неё не со сном проблемы, а с личной жизнью! Неудивительно: с таким характером и вечно поджатыми в злобной улыбке губами – кому нужна такая мегера.

— Я озвучил ей, что это, видимо, недоразумение, ведь мы с вами обсуждали эту ммм... проблему в прошлом и в позапрошлом месяце и, как мне казалось, смогли договориться о соблюдении тишины. Я абсолютно уверен, что вы не хотели причинять неудобство фрау Рутберг.

Неудобства? Да я б её прибила, была б моя воля, отравила бы поганую тётку, вечно лезущую со своими «правилами нашего дома»!

— Но я вынужден вас настоятельно просить о соблюдении тишины после девяти часов вечера.

Да, пусть ещё скажет, в какое время мне спать ложиться, и сколько раз за ночь можно сходить в туалет! Она, видите ли, слышит, как работает наш водопровод! Ей бы в разведчицы пойти! Небось, понимала б английский – и наши разговоры бы её возмущали!

— В противном случае, фрау Рутберг готова обращаться в совет дома...

О, ещё один волшебный бюрократический орган. И оттуда уже на мозг капали.

— Мне бы не хотелось, чтобы зашло так далеко, вы понимаете меня?

— Да, конечно, херр Хайбс, я вас поняла. У мужа была рабочая командировка, и я поздно встречала его в аэропорту. Мы всегда стараемся входить тихо. К сожалению, слышимость в доме очень хорошая.

— Да-да, вы говорили. Странно, раньше жильцы не жаловались... Понимаете ли, мы здесь привыкли очень рано ложиться и рано вставать.

Опять этот намек – «мы здесь», а я конечно «не здесь»...

— Вы очень приятная пара... И мне бы не хотелось, чтобы совет дома вынудил меня расторгнуть с вами контракт.

Что?! Из-за этой старой мегеры расторгнуть контракт?

— Ведь соблюдение правил тишины является обязательным пунктом договора...

— Конечно, херр Хайбс, я поняла вас. Мне очень жаль, что мы доставили неудобства фрау Рутберг. Йозеф поговорит с ней, и мы обязательно придем к согласию.

— О да, это было бы замечательно. Хорошего дня, фрау Шольман!

Да, чувствую, просто шикарный у меня день будет...

— Спасибо, херр Хайбс! И вам приятного дня!

Даша, хоть и по-русски, но всё же шепотом выругалась в экран телефона, представляя физиономию противной соседки. Даше, похоже, единственной было понятно, что причина не в шуме: до её переезда соседка очень тепло, даже пожалуй слишком тепло, относилась к Йозефу, несмотря на его регулярные попойки с друзьями. Набилась ему в «мамочки», старая дева. А тут приехала даже не девушка – жена, да ещё и русская! Хоть и фонтанируют нынче европейцы толерантностью, но Фрау Рутберг не успела замаскировать своё возмущение и даже, пожалуй, брезгливость за поджатой улыбкой.

Правда иногда... иногда Даше начинало казаться, что она сама так и не смогла ощутить себя здесь своей. Как будто это ей не хватало пресловутой толерантности ко всему, что окружало...

Днём мысли о чужом и чуждом она разгоняла имитацией активной деятельности. Особенно в начале своей жизни в Бадене: то передвинет мебель, то купит новую скатерть, то развесит журавликов из бумаги. На Новый Год нарисовала ёлку прямо на стене. (Йозеф улыбнулся конечно, но всё же уточнил, смывается ли краска, а то ж контракт аренды...) Иногда ходила на целый день в термы, особенно первые недели – какое блаженство за такие копейки недельный абонемент, как один московский поход в кино! Каскады бассейнов с каналом на улицу. Вот она – Европа! Вечерние огни, сверху осенний туман, над водой стелется пар. А ты лежишь в теплом джакузи, медитируя под шуршание фонтанов.

Часто выбиралась в Вену, благо трамвай (так похожий на наш, московский, жаль только совсем не гремящий) соединял их малюсенький городок со столицей всего за сорок минут. Шумная центральная улица, толпы туристов, сверкающие витрины сувенирных лавок, каток на главной площади... По-

степенно и это начало приедаться. Тогда она стала ездить на окраину Вены в огромные торговые центры, пустовавшие днём. Ходила и представляла, какую бы музыку она запускала в каждом магазинчике, будь она директором. Вот домашний текстиль, вам подойдёт Шостакович, надо поднимать эмоциональный настрой пенсионерок. А вот книжный, здесь что-то современное, но совсем приглушенное, почти невнятное, можно из её юности, Моби. Книголюбам нужно аудиопростоанство для своих мыслей, не давите на творческих людей...

Глупо конечно, по московским меркам это попросту сливание времени, а что прикажете делать, пока паспорт не дали, официально работать она не может. А неофициально попробовала было, на объявление в интернете тут же откликнулись русские мамочки, желающие нанять выпускницу консерватории своим чадам в училки. Она с такой радостью показала их письма Йозефу, но он очень твердо попросил не рисковать: «Что скажут люди, если узнают? Фрау Шольманн работает по-чёрному!» И всё равно ему, что вся русская диаспора только на том и держится здесь, что нанимает друг друга по-чёрному. Откуда ему знать про русскую диаспору! И вообще – она собиралась интегрироваться, а не держаться привычек низкоквалифицированных иммигрантов. Вот и пришлось затыкать растущую дыру хоть чем-то.

Ночью, когда Йозеф тихо спал рядом, а она всё ворочалась, особенно остро накатывало это детское ощущение потерянности, как будто тебя привели в новый класс, новую школу, и все такие злобные, или в лучшем случае тебя просто игнорируют... И придётся самой разбираться в их правилах и обычаях, в их дружеских коалициях, в учителях. И как же не хочется, как боязно это, а подержаться, спрятаться не за кого. Мама работает сутками, а дедуля привёл и ушёл домой, заберёт только после обеда... А теперь и после обеда никто не заберёт. Она здесь насовсем. Одна.

На табло регистратуры загорелся Дашин номер. Надо идти. Она рассеянно прижала к груди папку с документами и поплелась к своему окошку. Ничего приятного сегодня похоже не предвидится.

Даша не шла, а как будто летела из здания префектуры, боясь признаться себе в радости. Ей казалось, она ехала не прощаться, а просто увидеться с дедулей, домой ехала. Не была там уже полгода, а теперь вот повод... горький. Но домой!

Йозеф воспринял её радость сдержанно. Удивился, зачем лететь на неделю, если только попрощаться: «Не будешь же ты там сидеть и ждать, когда она умрёт, это как-то нехорошо». И непонятно было это его «нехорошо» – про что именно оно. Эх, не важно. Она получила нужную печать. Уже стоя на ступенях, полчаса потратила, чтобы купить через сайт билеты, хотя удобнее было бы за компьютером, чем ковыряться с телефоном, тем более что домой идти пятнадцать минут, не больше. Но всё хотелось сделать скорее, как будто кто-то мог ещё помешать. Она по инерции зашла в аптеку, шагнула к знакомой полке, потянулась было... Внутри гулко отозвалось: «Теперь уже не надо...»

Каждую свою поездку она привозила деду новейшие ноотропы, чтобы хоть как-то поддерживать кровоснабжение мозга. Каких трудов стоило выбить разрешение на покупку (здесь без рецепта сможешь добыть разве что леденцы от кашля, да аспирин). Сначала рецепты из Москвы, потом нотариальные переводы, подтверждения в австрийской клинике, выписки, страховки, вся эта бесконечная бумажная волокита... Но оно того стоило! Дед после каждого курса преображался, молодедел лет на десять, с удовольствием читал, делился своими наблюдениями, меньше повторял древние истории, снова подсмеивался над собой.

Знакомый фармацевт поприветствовал Дашу. Она машинально кивнула в ответ, зачем-то невнятно пробурчала, что забыла рецепт и торопливо вышла.

* * *

Дед лежал на любимом своём, давно продавленном диване. Не дал выбросить его ещё лет восемь назад: «Всё равно скоро помирать, уж не заставляйте старика привыкать заново». В комнате пахло ускользящей жизнью. Так пахнет утро в сентябре уходящим летом. Или ещё ярче в марте: до весны с её поющими птицами, каплями и гормонами ещё недели две, а зима печально уходит, и мир будто брошен, остается между двумя временами года. И люди потерянные, озадаченно высматривают в окна вестники нового сезона. И вроде надоел старый, но и подвисать вот так «где-то между» не хочется. И всё какие-то недоспавшие, неуверенные, ждут сигнала свыше, когда природа снова о них вспомнит.

Дедуля... Кто же теперь придёт на смену. Кто будет... даже не то что рядом, нет. Давно уже не плакала тебе в жилетку, давно не набирала твой номер дрожащими от обиды пальцами, не слышала с первых всхлипов: «Дудочка моя, кто обидел?». Давно уже веду с тобой диалог в душе, а не по телефону. Тот, мудрый, рассудительный, последние годы всё таял потихоньку, растворялся, но в душе у меня оставался дедулей, который и во дворе защитит, и про папу вздохнёт вместе, и слова найдёт нужные. Достаточно было просто знать, что ты есть, существуешь, а общаться можно и в мыслях. Но при этом ты всё равно был, жил, пусть и всё меньше осознавая реальность. А теперь... теперь ты уходишь и физически. И уже себя не обманешь, тебя совсем не станет..

— Дедуль, привет! – Даша не знала, что говорить дальше. Просто присела рядом и погладила деда по холодной, смор-

щившейся руке. Что не скажешь – всё слишком глупо в такой момент.

— А... ну та... – прошелестел дед и как будто улыбнулся, – ну та...

— Дедуля, узнаёшь? – Даше стало тепло, дед, давно уже впавший в забытё смотрел на неё и как будто вспоминал. Сейчас ей хотелось, чтобы он сказал как можно больше, чтобы слова эти унести, увезти с собой, уложить в душе, перебирать с трепетом, возвращаться к ним с нежностью, когда тяжело. Хотя бы от деда получить этот «клад», ведь с папой попрощаться не удалось.

Папа умер в доме чужой женщины, и другая маленькая девочка держала его за руку и слушала его последние слова. Даша всё это узнала лишь годы спустя. Так и не простила – сама не знала, кого больше: папу, который бросил дважды, сначала уйдя из семьи, а потом уйдя из жизни. Или маму, которая знала, где умирал отец, ездила к нему, а дочерей не взяла, не дала попрощаться, думала, скроет от них другую его жизнь.

Может и права была мама. Ни Даша, ни Наташа не испытали бы в тот момент радости от того, что у отца была ещё одна дочь, о которой он молчал. Впрочем, после смерти отца об этом также не говорили. Правда выяснилась, но обсуждать её или делать с ней что-то не хотелось. Слишком тяжело было в тот момент само осознание папиной смерти, чтобы ещё переварить ревность и боль от предательства.

Даже родители отца тактично молчали, продолжая тепло общаться с внуками от законной жены, помогать и советом, и деньгами. Дед был готов выслушать, обнять, успокоить. Когда показывал свои ордена, всегда прибавлял: «Гордость, она ни к чему. Я их заслужил, я и распоряжаться ими могу. Заберёте себе после моей смерти. Поровну разделите. Если так у вас в жизни сложится, что нужны будут деньги – вспомните

о деде, продадите. Это и будет моя вам помощь оттуда. Это не стыдно, это моё вам завещание, чтобы знали, чувствовали защиту деда».

Даша никогда не задумывалась, бывала ли и третья внучка в их доме, показывал ли дед ей свои награды. Той как будто не существовало в мире Даши. Она жёстко пресекала попытки матери пожаловаться на несправедливость мира, на мужиков этих неверных. Особенно маму «накрывало» при обсуждении жилья. Нет-нет да и ввернёт, что, мол, как хорошо, что квартира была только на неё записана, а то пришлось бы не двум дочерям её делить, а «сама знаешь с кем судиться».

— А... ну та.

— Да, дедуль? Воды дать? – Даша погладила влажный лоб. Дед был такой маленький, едва ощутимый. Она поднесла стакан с трубочкой, аккуратно придерживая голову деда. Чтобы отогнать щемящее чувство потери, начала сбивчиво и быстро рассказывать какие-то эпизоды детства. Всё путалось, мешалось. Но ей хотелось говорить, говорить, не смолкая, только не было бы этой тишины и натянутых попыток деда что-то произнести.

— Анюта, – дед произнес это настолько чётко, что Даша на мгновение растерялась, не веря, что дед не узнавал её.

— Деда, это я – Даша! Даша, дедуль! Это я, твоя внучка, дудочка.

Дед чуть заметно улыбнулся.

— Дашенька хорошая, – едва слышно зашептал он. – Ты с ней подружилась? Анюта, папа хотел, чтобы ты с Дашенькой... подружилась.

Даша замерла, оглушённая.

Она улыбнулась дрожащими губами.

— Я люблю тебя, дедуля. Очень люблю.

Крепко сжала ледяную руку, поднялась и, отсчитывая глубокие вдохи, вышла из комнаты.

— Сейчас Наташа едет. Как он там? – бабушка, совсем измаявшаяся за последний год с лежачим дедом, суетливо бросалась от одного дела к другому. То посуду начнёт перетирать, то бельё стирать. Она говорила с Дашей, вглядываясь в щёлку прикрытой двери. – Врач с утра сказал, что до вечера вряд ли дотянет. Говорит ещё иль задремал? И сидеть-то тяжело рядом, да попрощаться боюсь не успеть.

— Да, бабуль. Пока говорит. Ты иди к нему.

Даша подошла к окну. Во дворе малыш бросал птицам кусочки хлеба, и как только они начинали есть, тут же с радостными криками пытался поймать единственного белого голубя. Голубь в страхе убегал, потом снова возвращался, пытаясь ухватить остатки крошек. А малыш всё гонял его по площадке. Наконец встревоженная птица полетела вверх, чтобы усесться передохнуть на окне в доме напротив. Даша смотрела, как голубь, хлопая крыльями, быстро постукивал скользящими лапками, пробуя ухватиться за откос. Безуспешно. Коготкам не удавалось удержаться на металлической плоскости. Он порхнул вниз, но, едва заметив бегущего ребёнка, снова замахал крыльями, и улетел уже совсем, так и не приткнувшись нигде...

Даша достала телефон. Нашла на сайте номер.

— Алло? Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, можно поменять билет с четверга на сегодня, рейс Москва–Вена? Сколько доплатить?

ПАПА

— Так, смотри, доча. Это называется противопехотная мина! Щас мы её будем о-без-вре-живать, – отец кричит и что-то отворачивает. Ей не видно. – Главное тут быть предельно аккуратным, а то все нахрен поляжем! – он пьяно смеётся.

Ксюша смотрит в экран. Она не помнит, когда видела его трезвым. Когда она его вообще последний раз видела... Варя всегда зовет её, когда он звонит. Варя хочет быть хорошей дочерью. Может ждет, что папа вернётся. Ксюша уже не ждёт.

Отец поворачивает камеру, у него в руках что-то невнятное. Может мина, а может кусок железа. Ксюша не знает, как выглядит мина. А врёт отец много. Раньше злилась на него за это, потом жалела. Теперь и сама научилась врать.

Дома невыносимо. Бабушкина однушка. Диван один на троих. Спят двойным валетом: в середине мама, по бокам Ксюша с Варькой. На отдельные кровати места нет. Мама говорит, почитай Солженицына, поймёшь, что люди в бараках и не так спали. Ксюша не знает, кто это. Она не хочет знать про бараки.

Бабка постоянно шмонает её полку, ничего не спрячешь, не укроешь. Мама говорит почитай Ремарка, поймёшь, что беженцы и не так жили... Ксюша не знает, кто такой Ремарк. Она не хочет знать про беженцев. У неё есть дом. Он целый, он стоит там, где даже не стреляют. Она не просила забирать её сюда.

Мама говорит, почитай Шаламова... почитай Газданова... почитай-почитай-почитай, поймёшь-поймёшь-поймёшь.

Мама, ты слишком много читаешь, ты не живёшь как будто. Почитай меня, мама. Поймёшь, как тошно.

Мама с переездом стала разговаривать тихо, и ходит она будто пригибаясь всё время. Вместо школьных сочинений у неё школьные туалеты, коридоры, швабры, тряпки. Учителем никто не взял.

Наверное это её сломило, Ксюша не знает. Ей не хочется видеть такую маму. Маме и самой себя наверное видеть не хочется.

Папины родители тоже переехали сюда. Ютятся на окраине у родственников. Папа перевёз их после того, как ночью к ним приходили... Дед иногда звонит маме или Ксюше: «Смотрели новости? Вон как мы их покрошили, скоро совсем разбегутся! Твари, в школу попали, там дети невинные, а этим плевать!». Ксюша сочувственно мычит. Если бы она была там, ей бы тоже наверное сочувствовали. А она здесь. В «лучшей жизни». Здешним не сочувствуют. У них же всё должно быть хорошо.

— Страшно было? – спрашивали её одноклассники

Страшно? Если они про войну, то Ксюша не помнит. К тому времени она научилась не чувствовать. Страшно было ещё за пару лет до того, как весь мир обернулся на их уголок земли. Это она помнит.

Крик. Топот в коридоре, звякнула щеколда. Ксюша высовывается из комнаты. Отец дубасит в дверь ванной, орёт. Мама там, внутри. Варька выбегает заспанная, она всегда спит крепче Ксюши, бежит к отцу, плачет, тянет его. Он продолжает дергать дверь, та будто вот-вот оторвётся, как в мультиках, и отпружинит вместе с отцом аж до самой комнаты. Варя обвиняет отца руками, рыдает. Уходят на кухню. Он дергает ящики, звенят столовые приборы, что-то ищет. Потом снова кричит в сторону ванной. Уходит, хлопая дверью.

Ксюша с Варькой прилепились носами к окну. Темно, высматривают отчаянно. От дыхания окна запотевают, приходится тереть. Вон, вон внизу отделилась тень от подъезда! Идёт. Зло идёт, не оборачиваясь. Через дорогу гаражи. Ксюша слышит, как Варька начинает шептать: мо́лится, чтобы машина не завелась. Ксюша слезает с подоконника и оглядывает кухню. На стене вмятина: дверца шкафчика ударяется, её ручка оставляет след – раз за разом, ссора за ссорой. На этот

раз посуда на месте, отец только солонку смахнул и корзину с яблоками. Вместе с клеёнчатой скатертью свалил. Ксюша поднимает клеёнку, на ней виноградные листья и коричневая кладка кирпичной стены. У них такие же обои в коридоре. У половины её подружек такие обои, тоже как будто клеёнчатые. Маме легко их мыть, если отец чем-то швырнет. Мама оттирает их и приговаривает: «Хоть обои менять не нужно».

Ксюша заглядывает под раковину: бутылок нет. Смотрит вокруг. Под столом одна валяется, прозрачная. Прозрачные самые плохие. После них всегда жди ссоры. Ещё бывают коричневые и зелёные. Их обычно больше, но после них отец весёлый, и мама тоже.

Ксюша идёт к ванной, стучит тихонько: «Выходи, он ушёл». Мама включает воду, какое-то время ещё сидит. Потом выходит. Запирает входную дверь на ключ и цепочку: «Идите спать». Варька берёт Ксюшу за руку и тянет в комнату. Они ложатся, но Ксюша ещё долго слышит, как мама всхлипывает на кухне.

Наутро Ксюша идёт в школу с красными опухшими глазами. Говорить о ссорах родителей нельзя, так Варька велела. Варька взрослая, она лучше знает, у неё даже сигареты в рюкзаке есть, ей подружка отдала на хранение. На вопросы учителей Ксюша врёт: прищемила палец с утра или кошка убежала, не нашли.

Ещё раньше, когда Ксюша ходила в сад, у них всё ещё было неплохо. Пока отец не сломал на работе кому-то челюсть...

Ксюша помнит: он работает водителем в каком-то управлении. На праздники ему всегда выдают для детей подарки. Вечерами он укладывает Ксюшу с Варькой спать. Папа рассказывает про деда, про его ранения в Афгане. Сам папа мальчишкой гордился своим отцом, таскал в школу его медали. Ксюша не рассказывает про своего папу в школе. У него тоже есть медали из другого места со странным названием. Ему до сих

пор платят деньги за то, что он там воевал. Папа гордо говорит «пенсия», но ведь он совсем не старый: Ксюша не хочет, чтобы в школе думали, что её папа уже пенсионер, как дедушка. Ксюше не нравятся его рассказы: ей от них страшно. Ей хочется, чтобы папа читал добрые сказки.

Толстая тетка-соцработник проводила её в комнату. «Вот, располагайся, это твоя кровать».

Первый раз в приюте. Мать решила её проучить: раньше грозила, а на этот раз исполнила – сказала в ментовке, что забирать не будет, они и переслали Ксюху через опеку в приют на перевоспитание. Мать, конечно, долго терпела, её понять можно, приводов в детскую комнату уже никто не считал, опека вызванивала каждый месяц, мозг прокапывали, что «надо последствия дать». Но всё же Ксюха до последнего надеялась, прокатит. Обидно, что в этот раз её забрали просто по дурости. Она даже не пила, просто подошла к парням сигаретку стрелнуть, заболталась, а тут эти нарисовались, с мигалками. И главное – весна на подходе, можно по свободным дачам мотаться, а её вот закрыть хотят...

Ничего, с матерью разберёмся потом. Пока тут осматреться. В принципе с виду нормальное место. Типа летнего лагеря. У неё даже отдельная кровать. Ого, да тут на три койки в палате отдельный душ и туалет. И тумбочка у каждой своя. Походу лучше, чем у бабки. Живём!

В комнату влетела толстая девица с рыжими длинными волосами. Лицо круглое, нос картошкой, вся в веснушках. Ксюхе сразу вспомнился мультик «Летучий корабль». Такую девицу наряди в сарафан, и прям боярыня, или кто там была эта поднывала.

— Привет, ты чё, новенькая? Как звать?

— Ксюха...

— Ты к нам откуда? Из дурки?

— Не...

— Жаль, а то думала вдруг ты кого из наших видела, – рыжая окинула взглядом Ксюху, её кровать, заглянула ей за спину. – А вещи твои где?

— Нету, меня из ментовки сразу сюда.

— Чё, и телефона нет? – рыжая недоверчиво прищурилась.

— Не, потеряла на днях.

— Ой, тринди больше! Загнала небось. Без телефона здесь никуда! Но я тебе подскажу, как добыть! – рыжая хитро улыбалась. Её огромные навывкате глаза превратились в две щелочки. – Я тут всё знаю. Это тебе не дурка, это приют. Здесь всё можно, только уметь надо. На, глянь! – рыжая не без усилий выудила из кармана обтягивающих джинсов айфон. Ксюха не знала, какой он модели, она таких и в руках не держала. Но точно знала – айфон.

— Крутяк? А, забыла сказать, я – Ирка! – Ирка протянула телефон Ксюхе, сияя от гордости. – Кучу бабла стоит!

— Да я представляю. Богатая ты...

— Не, я просто красивая. Мне Арик подарил. – Рыжая стянула резинку и начала наскоро заплетать волосы в косу. Косища выходила огромная.

Ксюха пожалуй в тот момент завидовала больше Иркиным волосам, чем айфону. У самой на голове росла сухая пакля, сто раз перекрашенная, оттого торчащая в разные стороны. Про «красивая» Ирка, конечно, загнула: за жиром не поймешь, а вот волосы... Волосы и здоровенные сиськи... – Ксюха вздохнула. Ни того ни другого у неё не имелось.

— Так что держись меня, я тебя с нужными ребятами познакомлю, тебе тоже чё-нить перепадёт.

— Это здесь, в приюте?

— Ага! Щаз. В приюте одни мелкие. Нашего возраста. Откуда у них айфон. Это там, снаружи! – Ксюха подмигнула. – Арик – мой парень. Он строитель, в общежитии живёт. А айфон

где-то отжал и мне подарил! – Ирка выхватила мобильник и начала в него тыкать. – На, глянь, это Арик.

— Так он взрослый... – на заставке какой-то усатый мужик по-хозяйски притягивал Ирку за шею.

— Канеш, взрослый! Шутит иногда, мол впаяют ему за меня – «совершение малолетки»! – Ирка громко полошадиному рассмеялась. – Зато мужик нормальный, а не эти, хлюпики местные. Сейчас в приюте из парней только Димка да Леха нормальные. Но Димка – мой, токо подожди, я те так вставлю! – Ирка сложила свои пухлые пальцы в кулак, по её лицу было непонятно, шутит она или правда двинет для убедительности. Кулак выглядел основательным, костяшки в мелких шрамиках, видать боевая.

— Да у меня есть там парень, снаружи, – Ксюха прикинула, как бы Мишка отреагировал на статус её парня... – А у тебя ж вроде Арик?

Рыжая опять растянула улыбку:

— Ну, Арик это снаружи, а здесь Димон. Тупо так называть, скажи? А этот придурок говорит, зовите меня «Димон». Я ж сказала, в приюте все парни того, долбанутые. – Ирка картинно постучала себе по голове. – Ну пошли, короче. Чё стоишь?

— Сейчас Клоун съест Бога...

— Что?

— Да вон, смотри. За пальцем моим следи. Видишь вот эту тучу? – Пальцы у Мишки длинные и обветренные. – Вот это нос, ниже улыбка такая кривая, как в ужастиках, а вон – как колпак, видишь?

— Вроде того. А чё глаз нет?

— Злу не нужны глаза, оно и так всех нас найдёт... – Мишка сказал это с интонацией старой гнусавой озвучки фильмов.

— А где Бог?

— Вон справа медленно подплывает. Глянь: длинные волосы и рука одна вперед тянется: «Покайся, грешник!» ...

Они лежали на остывающей сентябрьской земле, иссыхающие травинки кололи через подстеленную толстовку. Толстовка Варькина. Опять будет пилить, если увидит испачканную. Проще выкинуть, сказать, что на вписке увели. Вот так лежать с Мишкой приятно. Только холодно уже. Мать говорит, придатки застудишь, потом детей не родишь. Ну и норм, нафиг ещё дети. Растить кого-то, чтобы он также мучился?

— Барабанная дробь... Нет, надо музыку как во Властелине Колец, жутковатую такую, когда орки торжествуют! Уррррк-мэг-тэrrrrрэ-пыд-тэ! Сожрал.

— Ну, вообще-то не понятно, кто кого. Они просто слились.

— Конечно, понятно. Как в жизни: зло всегда побеждает.

Ксюша выжидала. Ей нравилось, когда Мишка «философствовал». Он и так старше её на два года, а в такие моменты прям взрослый. Дрищеватый, правда, и прыщи эти... Зато высокий и умный. Хоть поговорить можно.

— ...Богу не победить зло: мы же его дети, но распустились очень. У твоей мамки вас двое, и то на тебе уже выдохлась. А Бог наплодил нас шесть миллиардов, как тут уследить? Наши развлечения Ему не по душе, но что Он может сделать. Жить нам скучно. Ищем удовольствий. Кто помладше – наркотики или там зацепинг, драки. Мужикам вроде как уже не подходит, им пожестче надо, чтобы адреналин получить. Они и придумали войны. Давно придумали. И ведь сколько веков работает, отвлекает от скуки. Помнишь у БИ-2? «Революция – она похожа на женщину, которая даст тебе самое большое счастье на свете, но на утро убьёт тебя. Именно поэтому не будет в мире больше революций, потому что не осталось у этой женщины женихов».

— Так это про революцию.

— Да война по сути то же самое, только с продолжением. Война соблазняет мужчин, забирает себе, и они идут за ней, не видя других женщин.

... Ксюха смотрела на пухлые Мишкины губы, что-то еле слышно напевающие. В профиль он больше тянул на свой возраст. Она всё не решалась спросить: они вроде как встречаются или так, друзья? Боялась, рассмеётся или вообще подумает, что она того. Они часто бывали вместе. Можно было в любой момент набрать Мишке и пойти шататься куда-то вместе, это грело. А вот определённости всё же не хватало. Вообще за последний год ей всё больше хотелось внятности, чего-то спокойного, своего, но образ девочки-дурашки, что-то всё время невпопад говорящей, был настолько привычен и забавен для знакомых, что менять его было страшновато, да и на что менять – неясно.

— У меня последняя сига осталась. Надо пойти стрельнуть.

Мишка посмотрел на неё и разочарованно отвернулся к небу. Не любил, когда его мысли прерывают. Ксюше нравилось его поддразнивать: слегка, чтобы не думал, что она тупая.

— Бабка говорит: «Бог – это совесть». Типа всем нам в аду гореть. А когда я в наркологичке лежала, там эти сектанты анонимные говорили, типа Бог – это любовь. Мол, не страшно, что бы вы ни натворили, главное завязывайте, и Бог всё простит, потому что любит.

— Конечно, любит. Вот Клоун его и сожрал. Бог любит и прощает, и Его снова и снова уничтожают.

— Он же бессмертный?

— А толку-то что? Бессмертный – не критерий. Камни какие-нибудь в горах тоже бессмертны, тысячи лет там лежат и ещё столько же будут. Но это не значит, что от них что-то хорошее в мире происходит, и надо начать в них верить... Хотя, кстати, было бы неплохо. А что, давай создадим свою веру в вечные камни или океан? Секту слепим, деньги собирать будем.

— Да, денег бы хорошо. Тогда б все отцепились.

— Вот видишь, я ж говорю, зло побеждает: и в тебе меркантильность берёт верх!

— Деньги не пахнут.

— Эх, бабка твоя права, в адище нас всех, банальных и бесстыжих. Хотя ей-то тоже туда билетик выпишут, мощная она у вас ведьма!

— Не говори.

— Ладно, пойдём, а то холодно. У меня полтинник есть, настреляешь чуть, ещё одну банку купим.

— Опять я?

— Мать, ну ты сама посуди, кто быстрее настреляет. Вот ты кому б дала: тебе или мне?

— Я б тебе дала, конечно!

— Я учту, – расплылся в улыбке.

А меня пули не берут. Сколько раз прямо так бежал, без броники. Не поверишь, первое время думал, пусть подстрелят, всё равно жить тошно. Может хоть поймёт, дура, что я не за себя, я ж за них! Извела. Каждый день деньги, да деньги. Потом – алкаш, да алкаш. Я мужик, мне выпить нельзя? На её что ли деньги пил? Я военный, мне дело нужно, а не по базарам ходить, да домашку у младшей проверять. Она сама училка, вот и занималась бы девчонками.

А я мужик. Воин. Мыдохнем от скуки. Виноваты что ли, что так устроены? Онидохнут без своих журналов да сплетен, а мы без войны мрём. Но ничего, жизнь она всё на свои места вернула, напомнила, где я и правда нужен.

Первое время ждал, что одумается, хоть извинится. Уехали к тёще, чем не жизнь, в квартире с удобствами, школа рядом, её мать, если что, на подмоге! Денег на дорогу дал, проводил. А она каждый звонок как заведённая: деньги пришли, деньги. Я тут, бл., под

пулями хожу, а ей только деньги! Что там у них, работы нет, что ли? Сидит, ж...пу свою поднять не может! Девки взрослые: Варька в институте, Ксюха школу дотягивает. Времени у жены дохрена, пойди да заработай! Так задолбала, сил нет! Прислал ей бумаги на развод. Пусть думает. А ей хоть бы что, сказала, подпишет! Тварь. А я тоже человек. Я два года ждал! Пока она перед фактом не поставила, что к мужику переезжает. Невозможно, видите ли, с матерью однушку делить! Конечно, две змеи в одном гнезде.

К мужику, так к мужику. Я даже, знаешь, в тот момент не разозлился. Отпустило, как будто. Два года её не видел, уже ничего к ней и нет. Ну и мне чего одному скитаться. Совесть чистая. Тут долго искать не нужно. Нормальные бабы, они видят, кто стоящий. А здесь одинокой бабе тяжело.

Бывшая пусть теперь рыдает. К матери-то через год снова вернулась. Да только я больше не позову. У меня теперь Маруся. Молодая.

Бесит, что младшую настраивает против меня. Что ни звонок, так мычит просто. Ни тебе «папа», я уж молчу про что ласковое. Видать мозг ей пропесочивают, что мать, что бабка. Ничего, подрастёшь, Ксюха, сама поймёшь, что отец таких вот, как ты, здесь спасает, чтобы жизнь у них нормальная была, чтобы, как ты там, могли они здесь засыпать со своим плеером, а не под артобстрелы.

— Ну чего, док? – Яныч шагнул навстречу. В пустом коридоре отданной под МПП (медицинский пункт полка) сельской школы его тяжёлый шаг отдавался эхом. Предутреннее затишье, все отсыпаются.

— Чего тут топчешься попусту? Хоть бы выпить принёс.

— Чего, значит, живой паренёк-то? Живой? Я ж тебя расцелую!

— Да иди ты со своими поцелуями, я тебе не баба. Сгонял бы пузырь притащил, почти сутки на ногах.

— Да это я мигом, сейчас ребят кликну!

Окунь глянул вслед подпрыгивающей походке Яныча. Радуется. Пусть радуется. Ребёнка из-под обстрела вынес. О том, что мальчику скорее всего придется отрезать ногу, он скажет Янычу завтра. А может вообще не скажет. Главное, живой. Перевозка едет, через час-другой пацана переправят в город в нормальную больницу, там разберутся. Отрежут конечно, тут выбора нет. Но Яныч туда не доскачет. Не до того сейчас, он здесь нужен. Таких вот мальчишек и девчонок сколько ему ещё повидать. Скольких притащат Окуню. А скольких не успеют... А все из-за глупости. Людской глупости.

Окунь не любил рассуждать о глобальных вопросах мира, любви, войны, не любил делить на добро и зло. Но его бесили родители, оставлявшие детей под огнём.

Ему Бог дал руки. Хорошие руки, не подводят. Дал мозг. Ему дали образование, знания, чтобы спасти жизни. Какая дурость самим делать так, чтобы дети попадали к нему на стол. Не уехать все равно, что ждать смерти. Ладно – мужики: они пришли сюда воевать. Это их выбор, их работа, если угодно. Войны были всегда. Работа военных – воевать. Но дети?! Окружения нет, почему ж вы их держите тут? В блокаду детей переправляли в тыл, зная, что может потом не найдут никогда, сколько их растерялось по стране. А теперь – в чем проблема? Да здесь даже на передовой каждый второй солдат выкладывает в сети свои фото, у всех телефоны, скайп, позвонить родным хоть во Владивосток можно. Отправь ты подальше детей – каждый шаг отследить сумеешь, тебе ж самому дышать спокойнее будет. Нет же, сидят, а потом хоронят, рыдают.

Окунь сломал шариковую ручку. Способ проверенный. Раньше мог пнуть что-то или швырнуть в стену, но сразу кто-нибудь заметит, уставится, обернётся или наоборот отойдёт в сторону. Здесь нервным не место. Война.

Только поговорить не с кем. За его мысли любой пьяный майор ему впечатает. По-своему будет прав: у него своя солдат-

ская правда, он за неё воюет. Он получает за это медали местного отлива и непризнанные там, в реальной армии, должности. Потому и сидят здесь такие майоры и подполковники... Не первый год уже. Не вернуться им назад. Здесь они мужики. Герои. А кого из них сейчас в Москву перекинь, да заставь крутиться, чтобы и жильё снять, и семью накормить. Да ладно семью – себя да кошку. И нет их силы, исчезнет вся. И уважения там не сыщешь, хоть обвешайся медалями. Там другая разменная монета. Другие герои. Эта война ценится только теми, кто в ней.

А Окунь другой. Мужики дразнят его терминатором. В шутку. Знают, что на нём весь госпиталь держится. Хотя тот же Яныч догадывается, что он не их породы. Догадывается по тому, как Окунь тихо выпьет своё, пока остальные обмывают шумно новый успех, как отмолчится во время тостов. Он профессионал своего дела. Он ехал сюда, чтобы отточить мастерство. Московский хирург. Там дома конкуренция лютая. Либо в частной шарашке сиди зевай, либо в больнице аппендициты режь. А в каком-нибудь Склифе или Боткинской таких, как он, одарённых, толпы. Не прорваться. Зачем себе врать – пробиться там не смог. А тут думал раз война, то в местных больницах точно пригодится, ценным будет, «столичный врач», дослужится если не до главного, то хотя бы до заведующим. А через пару лет обратно с записью в трудовой. Хм, смешно. Просчитался, персонала в избытке: все региональные врачи, кто не уехал, от огня перебрались поближе к крупным центрам. Что ж, логично.

Осталась только военка. Ничего, он не из трусливых. Ему надо двигаться вперёд, а не ждать, пока там дома хирурги-пенсионеры уступят наконец место. А здесь он не просто врач на все руки, он параллельно управляет бесконечным организационным процессом. Он и голова, и шея, и весь организм этого госпиталя. Да и травмы такие, что в Москве раз в пять лет увидишь. Опыт конечно бесценный. И сам ощущаешь, как

мастерство с каждым днём оттачиваешь. Только бы вот не на детях, не на детях же...

Окунь выдохнул, порылся в кармане. Вторую ручку он сломал ещё вечером от обиды: поздно притащили, кровопотеря большая, по глупости подорвался, «герой». Но тот хоть не пацан малой, а мужик, комбат, приехал воевать... Хотя комбатом больше ему не быть.

Ксюха идёт по подземному переходу. Голоса. Поют. Мелодия знакомая. В детстве из их гаража всегда на полную громкость звучало «Любэ». Она точно знает, чей это голос. Сначала замедляется, прислушивается, едва ступая, подходит ближе. Люди без зонтов нерешительно выглядывают навверх. Там снаружи дождь. Август выдался мокрым и серым.

Он стоит в центре. У его ног черный кофр, в нем несколько помятых купюр. Ещё двое по бокам чуть сзади с гитарами. Руки его заканчиваются в районе локтей. Рукава подвернуты так, чтобы обтягивали то место, где прошёлся нож хирурга. Так прохожие точно поверят, что ампутированы. Все трое в камуфляже. На груди по паре медалей.

Когда отец месяц назад заявился к ним утром с поезда пьяный, поддерживаемый таким же поддатым дружкой, Ксюши дома не было. Ей потом бабка рассказывала. Мама после этого неделю ходила потерянная, но Ксюша разговоров с ней избегала. А бабка всё причитала, мол, куда же он пошёл, как ему теперь жить. Повторяла, что отец передал матери деньги. Десять тысяч. Первый раз за столько лет. Ксюху злило непонятно откуда появившееся бабкино сочувствие. Нахрена он припёрся! На жалость надавить? Повоевал, а как инвалидом стал, вспомнил, что семья есть? И гордый такой – не остался, вроде как благородный, пришёл помочь, а самому ничего от них не надо. Ксюха нарочно старалась растравить обиду.

Уставилась на отца.

Как много я говорила о тебе. Психологи, врачи, приют, наркологички, реабилитационный центр... Все наши разговоры упирались в детство. В последнем центре я даже врала, что ты умер! Думала, так больше шансов, что не будут спрашивать. Что не придётся снова тебя обвинять, ненавидеть. Как много неотправленных писем написала я тебе... Они говорили, что так станет легче, что так выйдет вся боль...

Боль за те ночи с бутылками, за мамины слёзы, за наш переезд, за невыносимую жизнь с бабкой. За мамино нового мужика, который оказался таким же пьющим, хоть и тихим. Спасибо, нас никогда не трогал, зато наливал мне от доброты своей. А знаешь, я ведь тогда и начала всё пробовать. Вот сидела с ним на кухне и настойку эту мерзостную пила. И о тебе думала: вот папочка, я твоя дочь, доволен? Отомстить тебе так хотела. Ты ведь первое время всё убеждал меня, мол ты за нас воюешь, чтобы у нас с Варькой было всё хорошо. Мне так хотелось, чтобы ты понял, что у нас всё плохо. Варька в отличницу играла. В институт перевелась, подрабатывать начала, тебе регулярно звонила. А я, знаешь, решила по-другому. Захотела до дна дойти. До-о-олго вроде спускалась. Да только потом поняла, что ты ведь раньше меня туда пошёл, и оттуда снизу не замечаешь никого, кто ещё не так глубоко спустился. Я сама постепенно перестала замечать тех, кто там, наверху. Но меня, представляешь, вдруг оттуда начали вытаскивать. Заметили и давай звать. Люди стали в жизни появляться нормальные. И снова туда, вниз – не захотелось.

А ты – вот. Стоишь в двух шагах. Наверное, пьяный...

Отец как почувствовал, среди нескольких зевак выцепил её взгляд... Петь перестал. Смотрит. Ей сдавило всё так, что вдохнуть больно. Ни сказать, ни крикнуть, ни отвернуться.

Папа, не надо. Пошли домой.

ПОДЪЕЗД

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Мария Васильевна неспешно оделась: натянула спортивные брюки, ветхую блузу, достала калоши, повязала косынку. Дом начинал затихать. Миша бы очень ругался, увидь он её сейчас в "таких лохмотьях". Но она всё рассчитала. Два года бессонницы дали ей достаточно времени, чтобы изучить ритм жизни соседей.

Понедельник. Программа "Время" давно закончилась, собачники возвращались с прогулок – значит, уже начало одиннадцатого. Виктор с третьего этажа вернётся не раньше часа. Его смена в автобусном парке до полуночи. Он единственный, кто может пройти мимо неё. Из "неспящих" есть еще молодежь. Они часто подолгу стоят у подъезда, шумно расходясь уже за полночь. Но, во-первых, они откуда-то сверху и всегда ездят на лифте. А во-вторых, сегодня понедельник. Мария Васильевна давно заметила, что по понедельникам жильцы стараются поскорее прийти домой и больше не выходят. Устают. Подъезд засыпает раньше. Она потому и выбрала понедельник – первый понедельник каждого месяца. Вот, например, в пятницу она бы не рискнула. Подъезд бурлит, гудит, суетится. Всю ночь слышен топот. А зимой эти с верхних этажей вообще так и сидят на лестнице, курят, выпивают и всё болтают, болтают. Слышно даже через закрытую дверь.

Когда-то, ещё в первый год после переезда, она посоветовалась было с Мишей, не поговорить ли с ребятами, чтобы вели себя потише. Сын разгорячился:

— Это тебе не Гомель! Не надо здесь никого воспитывать! Ты понимаешь, что здесь так не делают?! – Потом заметил её растерянность и, чуть мягче добавил, – мам, я тебя прошу. Пожалуйста. У меня и так столько проблем. Не усложняй. Сидят они, лично тебе ведь спать не мешают?

— Да мне-то, Мишенька, не мешают. Я и днем могу прилечь, а остальным какво? У нас и с детьми семьи есть, а на первом этаже пара врачей. Им бывает с утра на дежурство. Я же только попросить хотела, чтобы потише...

— Мам, пожалуйста, заканчивай эти свои привычки. Вот ведь, зашёл на чай, а в итоге, как попугай, одно и то же тебе объясняю! По какому разу, а ты не слышишь!

— Мишенька, ты извини-извини! – всполошилась она. – Я не буду. Я тебя поняла. Ты поешь, отдохни, а я молча посижу. Извини меня.

Так и не поняв реакцию сына, она всё же не решилась поговорить с шумной компанией, хотя и была уверена, что нашла бы нужные слова. Все-таки тридцать пять лет проработала в школе. Почетный гражданин города. Сколько было сложных ребят, непростых семей, но диалог всегда получался.

Она была строгим учителем. За принципиальность и активность директор продвигал её по партийной линии. "А разве можно было быть не принципиальной, – привычно заговорила она сама с собой. – История это не литература: двух мнений здесь быть не может. А история компартии в старших классах – тем более. Разве можно тут искать компромиссы? Так не патриотов вырастишь, а предателей. Их ведь, молодых, так легко запутать, так легко увести по ложному пути. Тогда нам, конечно, было проще. Учебники на всю страну одинаковые, программа утвержденная, идея единая. Была система, была логика. А вот как им преподают события 90-х? Ведь и не поймёшь, раньше одна страна была... А сейчас, Миша говорит, каждый учитель может выбрать, какую точку зрения преподносить на уроках. Вот и хамят ребята педагогам, потому что чувствуют, что нет у старших единства, нет честных ответов, оттого и уважения у детей к старшим нет".

Она зашла в кухню, по привычке взяла сухую тряпку и протёрла раковину. Подставила под кран пластиковую баночку из-под сметаны. Миша чинил кран в прошлом месяце, но тот снова подтекал, и за ночь раковина покрывалась бисером брызг. Вымытая посуда высохла. Она переложила приборы в шкаф, повесила влажное полотенце на батарею и огляделась в поисках чего-нибудь недоделанного. Всё чисто. Руки по привычке потянулись к радио. После треска раздались знакомые речи "Политического обозрения". "Тьфу, пропади вы пропадом. Одно и то же мусолят. Лучше бы Радзинского включили. А то вас, лодырей, каждый вечер слушать, а его только по субботам! Ведь какой умничка, как рассказывает... С голосом только не повезло", – она вздохнула, сопереживая пищащему ведущему.

Мария Васильевна подошла к окну. Со второго этажа проглядывался небольшой участок широкого проспекта. Ей нравилось вечерами смотреть на разноцветные огни автомобилей и яркие витрины. Ночами было красиво, хоть и шумно. А вот днём она старалась в окна не глядеть, особенно засушливым летом. Выцветший на ярком солнце пейзаж навевал уныние: серое шоссе, пыльные тротуары, изможденные жарой люди. Из окон не видно было ни одного дерева. А с прошлого года убрали и газоны. Миша был доволен: "Наконец парковки у вас нормальные сделали, а то, как ни приедешь, один стресс, где бы во дворе прибиться!" Ей было тоскливо наблюдать, как последние зеленые лоскутки – единственные маяки лета, исчезают под серой гладью асфальта. Но если это облегчит сыну приезды в гости, то, что ж, она потерпит. Она потерпит.

В Гомеле вокруг её окон извивалась виноградная лоза. Летом тени от листьев кружились по кухонному столу, выписывая узоры, как в детском калейдоскопе. Её маленький огорожок, плотно засаженный овощами и малиной, пестрел всеми

оттенками зелёного. Летом приезжали внучки, и весь день проходил в готовке. Но когда она возилась у плиты, переворачивая к подднику ароматные пышки, или строчила девочкам кружевные выходные платица, она, и не глядя в окно, знала, какая картинка снаружи. Каждый куст, каждую вишню соседского огорода, лужайку с ребятнёй, обрамленную аккуратными сараями, яблоню у общей калитки. Она прожила здесь сорок лет. Они сами с мужем строили этот дом, как и другие пятнадцать семей. Строили долго, добротню, для себя, для детей, для внуков. Два этажа, два подъезда, погреба, огороды, сараи, закрывающие двор от посторонних глаз. Сорок лет ничего не менялось. Только деревья росли всё выше, да вьюн расплзся от крыши подъезда, укрывая темной зеленью весь фасад дома.

Когда она вышла из квартиры, в подъезде было темно и холодно. Отопление включали только в конце октября. У них в Гомеле в доме была газовая колонка. Тепло и горячая вода каждый день. После переезда сюда, ей казалось странным снова мыться из тазика летом, как в далеком довоенном детстве.

Из-за соседской двери доносились звуки сирены и стрельбы: сосед засел за сериал. Значит, уже одиннадцать. Она тихонько прикрыла дверь, не решаясь захлопнуть. В прошлый раз из-за перегоревшей лампочки она долго не могла попасть ключом в скважину. И чем дольше пыталась, тем сильнее переживала, что кто-то из соседей её увидит, а потом Мише скажут, и он снова будет ругаться, что она занимается не своим делом и позорит его своим видом. "А в каком, прикажешь, виде выходить? – рассуждала она, натягивая плотные резиновые перчатки. – И потом, ведь я всегда в чистом. А что не новое – так ведь и не на танцплощадку". Она беззвучно переставила к лифту ведро с водой, развернула цветастый, вручную обмётанный лоскут ткани, бывший

когда-то её домашним платьем, и беззвучно погрузила его в воду. Отжав тряпку, насколько хватило сил, она поднялась на один лестничный пролёт и принялась плавно, одну за другой, мыть ступени. Спустившись к площадке своего этажа, она прополоסקала тряпку, с облегчением заметив, что грязи накопилось не так много. В прошлом месяце всю неделю до её "дежурства" город затапливали ливни, и воду пришлось дважды менять. А это время и силы: на улицу вылить, подняться...

Сейчас было сухо. Дожди ушли, а снег пока ни разу не укрывал столицу. Да и пару недель назад к ним все-таки заглянула уборщица – тучная женщина в грязной сине-оранжевой форменной куртке с обветренным лицом. Убирать должны были раз в месяц, но уборщица приходила, только когда Рая с первого этажа звонила с жалобами в ЖЭК. Мария Васильевна тоже хотела звонить в ЖЭК, но Миша, услышав это, заворчал: "Ну почему тебе всегда больше всех надо, мам?! Какая тебе разница, что там. Ты же не в подъезде живёшь, а в своей квартире. Придет время – уберут. Только не вздумай сама мыть – я тебя знаю! Или тем более соседям предлагать – решат, что ты не в себе".

Она и заикнуться не успела о своей идее, а Миша уже запретил! А ведь он и сам наверняка помнил, какой у них в доме был заведен порядок. Каждую неделю одна из квартир мыла оба этажа, график висел у входа. В подъезде всегда было чисто, никому и в голову не приходило плюнуть на лестнице или разрисовать стены. То были свои... Раньше ей казалось: свои – потому что ровесники, к труду в войну приучены, идеей одной шли, воспитанием общим жили. А их дети уже по инерции включались в правила дома. Но переехав сюда, Мария Васильевна с удивлением обнаружила, что дело не в возрасте. Две старушки с первого этажа ни разу за пять лет не ответили на её "добрый день!". Притом та самая громкая молодежь здоровалась, даже

когда она просила их не курить в подъезде. Её сверстницы здесь жили по одиночке, ни с кем не общаясь, редко выбираясь из квартиры. Куда уж с ними было завести разговор о дежурстве. А к тем, что помоложе, она и сама с таким предложением не подошла бы: угрюмые по большей части, всегда торопятся, уставшие, раздраженные. Как и её Миша в последнее время. Совсем другим ведь был.

Пока она вспоминала сына, его шутки, приключения и первые разочарования, она и не заметила, как уже дважды вымыла всю лестничную клетку. Легкий запах соды почти выветрился. Она выпрямилась, кряхтя от боли в спине и ногах. Чисто...

Мария Васильевна сидела на кровати, массируя колени дрожащими руками. Всё было вымыто, выстирано, развешано. За стеной давно замолчал телевизор. Наверху сегодня никто не скандалил. Подъезд глубоко спал.

У входа послышались шаги, затем звуки кнопок домофона. Шаги устало зашаркали по ступеням, замерли перед вторым этажом...

Она улыбнулась, представив, как Виктор удивлённо смотрит на сияющую чистоту и осторожно, стараясь не наследить, пробирается по краю лестницы домой.

Виктор привычным жестом выгреб из почтового ящика все бумаги и начал разбирать письма. "Опять одни счета! Света белого от вас не видно!" – он раздраженно сплюнул в корбку для листовок и поплёлся домой.

ЗВУКИ МУЗЫКИ

- Вставай, тварь такая!
Господи, что случилось?
— Я тебя, мразь, сейчас пришибу!
На часах 8:05. Откуда доносится рёв – не понятно.
— Школа, твою мать, через двадцать минут!
Школа? Да вроде уже за плечами институт. Кошмарные воспоминания из детства? Вроде такого не было.
— Ты у меня поспишь! Подняться она не может!
Послышались сдавленные вопли. Открыв глаза и сообразив, наконец, откуда доносятся крики, Лиза облегченно выдохнула. Недоумевая, она прошлёпала кухню:
— Мам, это что?
— Ты о чем? А, это? – подняла она глаза к потолку. – Это артист свою дочь будит в школу. Доброе утро!
— Да уж, доброе... И давно это у них так?
— Года три. Ты просто раньше в будни не приезжала. Как жена его сбежала, так и началось.
Вопли продолжались ещё минут пятнадцать. Конфликт, по-видимому, разрешился: в окно Лиза увидела вылетающую из подъезда растрепанную девчонку лет тринадцати с расстегнутым рюкзаком, на ходу натягивающую не по погоде легкую куртку. Со второго этажа её лица было не разглядеть.
Когда Лиза была маленькая, сверху часто раздавались ритмичные постукивания. Мама говорила, что сосед "бьет чечетку". А теперь, похоже, бьёт он свою дочь. Хотя через пару лет она вернёт ему всё сполна. Раньше Лиза и не видела девочку. На улице своего ребёнка соседи не выводили, но, судя по грохочущим перекатам, разрешали покататься дома на роликах. Однажды Лиза заметила в законном пейзаже метаморфозу: крепкий старый каштан побелел. Но не воздушные "свечки" соцветий украсили его: сверху на ветки плавно приземлялись

серпантинки туалетной бумаги. Развлекалась соседская дочка. И ведь тогда на неё никто не накричал...

Ещё часто ночами Лиза слышала вальсы и симфонии. Всё тот же сосед включал классику не очень громко часа в три ночи, полагая, что все уже спят и не проснутся. Музыкальный мужик... Она отхлебнула горячего чая, размышляя, как странно меняются люди. Может, артисты, особенно второстепенные, склонны к деспотизму? Гастроли по райцентрам, гостиничные номера на пять коек, больше смахивающие на обшарпанные комнаты общаги...Надо же на ком-то отыгрываться.

Хотя этот ещё ничего – сосед сбоку включал музыку днем, да погромче. Даже с годами Лиза так и не научилась понимать, что это: рок, металл или какая-то другая самодеятельность. Отвратительный гортанный рёв был одобрен хаотически размазанными воплями электрогитар и рассыпающимися барабанными дробями. Вживую этого странного типа она видела не чаще, чем соседскую дочку сверху, но его музыку слышала даже через беруши. Безуспешно попытвев над "домашкой" под ядерный аккомпанемент, Лиза с детской вспыльчивостью усаживалась за пианино и изо всех сил вбивала в клавиши бетховенского "Сурка". Сосед должен был испытать на себе всю тяжесть музыкальной мести!

— А рокера нашего что-то не слышно? – она поглощала завтрак, разглядывая унылое утреннее небо.

— Похоронили его летом. Утонул пьяным, царствие небесное. — Мама перекрестилась. – Ещё сырников подогреть?

— Судя по его музыкальным вкусам, подземное царствие ему было ближе. Да, ещё бы парочку навернула.

— Лиза, ну что за богохульство!

— Да ладно, может, он вообще неверующий был. Да и какая ему теперь разница – вряд ли обидится.

— Лиза!

— Да, мамуль? Слушаю тебя. Очень вкусные сырники, па-сибки. А отопление не включили еще? Холод какой!

— На здоровье. Батареи пока холодные, должны вот-вот включить. А ты всё-таки в родительском доме. Можно как-то без черного юмора?

— А без юмора в нашем доме никуда, ты же понимаешь. Ладно, пойду шкаф, что ль, разберу, пока время есть.

— Батюшки, что творится! С чего бы это?

— Кхм, я ведь и передумать могу... – она ехидно улыбнулась и пошла, напевая, в комнату.

Дом просыпался. Натужно гудели водопроводные трубы, нетерпеливо скользили стулья, щёлкали дверные замки, неуклюже топали лестничные пролёты. Сонный лифт лениво карабкался вверх, чтобы, замерев на мгновение, выдохнуть вниз.

Ей захотелось посмотреть на этот поток жизни, выплывающий из подъезда. Она забралась на подоконник, сложила по-турецки ноги и оглядела "сцену". Дворник ритмично почесывал дорожку корявой метлой. Торопливые офисники загружали обрюзгшие телеса в машины, ругаясь на узкие проезды. Раздраженная мамочка, собрав остатки выдержки, уговаривала плетущегося рядом недоспавшего малыша.

Двор терпеливо ждал, пока его жильцы отыграют привычные роли и разбегутся, оставив его наслаждаться антрактом до полудня. Жизнь будет кипеть где-то там, на проспекте, а здесь... тишина... до второго действия, в котором вернуться школьники, закопшатся по углам площадки, заполнят смехом подъездные пролёты. Домохозяйшки выплывут с собачонками размером с ладонь. После обеда выползут и мирные пьянчуги посидеть у площадки. В это время они ещё трезвые, выходят пообщаться. Двор снова оживёт. И будет услужливо предоставлять свои подмостки до самой ночи.

Кстати, о пьяницах. В последние годы их почти не видеть. Один только и остался местный псих с шестого этажа, сам с собой ругается, уже с утра закупившись алкоголем.

А когда Лиза была маленькая, в пресловутые девяностые никому не было дела до пьющих. Она вспомнила весёлого кукловода из соседнего подъезда. Он иногда приходил к ним в детский сад со своими смешными номерами. А по ночам, хорошенько выпив, декламировал целые поэмы, прохаживаясь вдоль двора. Читал с выражением, громко. Никто его не гонял, не кричал с раздражением из окон. Принимая игру, жильцы припоминали строчки и старались проговорить их раньше хмельного чтеца.

Как-то утром, когда они шли с мамой в детский сад, у соседнего подъезда стоял гроб. Лиза первый раз вживую увидела гроб. В нём лежал кукольник. Сморщенная бабулька сидела рядом на табуретке, поправляя венки. Кукольник был такой нарядный и чистый, лицо его было без щетины, заметно моложе, и улыбалось. Лизе показалось, что он был очень добрым в тот момент. Даже захотелось подойти поближе, но мама резко ускорила шаг, перекрестившись. Потом мама несколько раз переспрашивала Лизу, не плохо ли ей, не испугалась ли она. А чего было бояться – он, вон какой, лежал радостный. Ещё мама как-то сбивчиво и не очень понятно рассказала, что так обычно делают в деревнях: выставляют гроб, чтобы соседи могли проститься. Лиза не поняла, почему только в деревнях, но спрашивать не стала: уж очень мама торопилась и как будто сердилась. А Лиза с детским любопытством ждала, что ещё увидит другие гробы у дома, ведь среди жильцов очень много старых людей. И тогда мама, может быть, не будет так спешить, и они подойдут поближе и попрощаются, и может даже потрогают.

Лиза сидела на подоконнике, перебирая детские воспоминания. Откуда-то издали послышалась неуверенная мелодия. Спотыкаясь, она никак не могла разлиться вволю. Лиза замерла, прислушиваясь, пытаясь определить, что это. Слабые звуки долетали едва-едва. Видимо, детские ручонки выводили снова и снова воздушную польку. Это была флейта. Волшебная городская дудочка.

НА ПОСЛЕДНЕМ

Ковёр бы выкинуть давно... Сколько раз бабушке говорил... Да теперь уж ладно, пусть сама решает. Они наверняка будут рады его новости. Бабушка столько лет спала в кухне, а теперь наконец сможет спокойно вздохнуть. Только отчего ж так тоскливо?

Ему хотелось пройтись по комнате, как в американских фильмах, когда герой прощается с домом, медленно шагая по пустым коридорам, прикасаясь к знакомым стенам... Но весь проход между его разложенным диваном, громоздким письменным столом и шифоньером преодолевался за три неуклюжих шага.

Диван... Когда-то очень дорогой, чешский, пахнувший новизной, доставшийся дедушке какими-то невероятными усилиями. Теперь, с вытертой красной вельветовой обивкой и выползающим из всех щелей поролоном, он представлял собой унылое зрелище. Никита твердо решил, что уговорит Настю купить кровать. Неважно, что квартира будет съёмная. О кровати он мечтал всегда: всю жизнь спал с ощущением, будто это временное место. Этот ритуал, каждый вечер раскладывать и утром снова складывать диван – он напоминал поездку в поезде: скатать матрас, сдать бельё... Наверное, как и у всех малышей, у него была когда-то маленькая кроватка. Но сколько он себя помнил, этот диван был неизменным и таким недвижимым, он как будто врос в комнату, со временем даже откаившись складываться.

Он уговорит Настю, хоть они уже и поссорились из-за кровати. У неё же куча идей, как заполнить пространство, создать «уют». А ему нужно так мало. Ей придётся уступить. Теперь он будет решать. Так должно быть. Он мужчина.

Никита заметил, что стучит пальцами по запылённой коробке. Компьютер... За четыре месяца он так и не нашёл вре-

мя, чтобы подключить отчиму ноутбук. А ведь тот пару раз спрашивал, а потом, видимо, застеснялся.

Стало стыдно и совсем тоскливо. Он вспомнил, как они ездили в магазин. Мама, конечно, тоже поехала, такие покупки всегда выбирали вместе, готовясь и обсуждая уже за неделю, а то и две. Никита ощущал на себе сочувствующие взгляды продавцов и злился, когда молодой высокомерный парень демонстративно игнорировал чудаковатую пару и обращался с предложениями только к Никите. А мать с отчимом, как дети, подходили к каждой модели, трогали, читали вслух описание и рекламные брошюры. Им было важно выбрать самим. И Никита молча ждал, не отвечая продавцу.

Когда-то он стеснялся ходить с мамой в магазин: смущала её болтливость, наивные вопросы, привычка разговаривать с незнакомцами. Продавщицы обычно бывали вежливыми, но ему это казалось лживым. Мать не понимала детского смущения, но на помощь часто приходила бабушка: она находила маме дела по дому, а в магазин с внуком ходила сама.

А потом появился отчим. Точнее, сначала он был просто Славик. Смешной, застенчивый, немного заикающийся. Познакомились с мамой в социальном центре на занятиях. У них оказались одинаковые диагнозы, и они радовались этому так искренне, как будто не сниженный интеллект, а особый мир связывал их.

Никита помнил, как Славик приходил в гости и всё говорил, говорил, больше мамы, но при этом постоянно краснея. Никите было лет тринадцать, жизнь кипела, и он не заметил, как Славик стал частым гостем, болтал какую-то ерунду про свадьбу. В «детскую» Славик не входил, иногда подолгу смущённо топчась на пороге. А Никита забавлялся, зная, что тот ждёт, что его окликнут, а нет, так и будет стоять, хоть полдня.

Однажды вечером Никита вошёл в подъезд и услышал шорохи под лестницей. Привычное дело: там часто болтались

ребята или курили семейные мужики. Он уже начал подниматься к лифту, но что-то знакомое уловил в шепоте. Он резко повернулся и заметил мамино пальто.

— Ты чего тут?! – крикнул он.

— Привет, Никит! – мать по-доброму улыбнулась, шагнув к лестнице. Только сейчас он увидел в её руках розу в дешёвом целлофане. — А мы тут со Славой болтаем, – за маминой спиной перетаптывался Славик. Лица не было видно, но Никита и так мог представить его обычное выражение неловкости.

— Совсем сдурели?! – Никита и сам вздрогнул от своего крика. Возмущение, гнев, стыд – всё слилось воедино. – Кухни вам не хватает?! На весь дом позориться решили! – перед глазами замелькали картинки, как соседи, поднимаясь к лифту, вежливо отводили глаза. Как мать по своей привычке наверняка с каждым заговаривала. Воображение мгновенно надумало о всеобщем смехе, сплетнях и перешёптываниях. Стыд навалился на него, такой огромный и невыносимый, что он впервые заорал на мать, не думая, что кто-то может войти в подъезд. А они стояли растерянные, смущённые, непонимающие. Потом он ухватил мать под руку и потащил к лифту, рявкнув Славiku, чтобы валил, пока жив. Тот так и замер внизу, пугливо прижимая мамину сумку.

Никита не помнил, что он орал маме, не помнил, что пытался прокричать бабушке. Он нарочито громко хлопал дверьми в квартире, что-то рвал, выкидывал в окно, потом со злобой тщетно пытался прилепить самодельный крючок, чтобы запереться в комнате, хотя к нему и так никто не заходил. Он проснулся за полночь. Заглянул в спальню – бабушка спала. В комнате пахло валерьянкой. Из ванной слышалось журчание. Он открыл дверь. Там была мама. Она сидела на краю ванной и плакала... Его мама, инвалид детства из-за задержки развития, улыбчивая и светлая, никогда не плакала. Или просто он никогда не видел... Что бы

ни происходило, она не унывала: улыбалась восторженно или задумчиво, сочувственно или с сожалением, но улыбалась.

Он растерялся, не зная, что делать. А мама сжимала в пальцах словавшуюся подвявшую розу и плакала.

Даже сейчас, вспоминая ту сцену, ему было всё так же горько. И вроде всё потом наладилось, со временем он привык к Славику; никто не вспоминал ту вспышку ярости... Но отвратительное щемящее ощущение в горле иногда накатывало. Вот и сейчас он некстати вспомнил этот случай, хотя и так было паршиво. Он знал, как родителям хотелось свой ноутбук, как им важно было «не отставать» от прогресса... Теперь обязательно надо успеть подключить. Только где же выкроить время. Переезд, работа, Настя... Но без него точно не справятся.

— Никит! – в дверь постучали.

— Да, бабуль, чего?

— Никитушка, обед готов. Ты поешь или подождем маму? Они уже вот-вот должны прийти, – бабушка приоткрыла дверь. – А ты чего такой? У тебя всё в порядке? Бледный какой-то – не заболел? Холод какой в доме, а они всё отопление не включают. Застудился может? – она дотянулась до его лба. – Вроде прохладный. Работаешь ты много, совсем зелёный стал.

— Да не, всё нормально, ба. Я подожду, вместе поедем. – Ему хотелось оттянуть момент разговора, еще какое-то время не слышать их вопросов, не видеть их лиц... – Мусор есть? Выйду, подышу.

Никита вышел на лестничную площадку. Удивительно чисто. Только паутинки у потолка ещё с лета. Последний, девятый этаж, чужие сюда не забирались. Он оглядывал знакомые стены, перила, с выцарапанным им самим лет в десять «Цой жив». Он тогда и не знал, кто это. Просто видел везде надписи и повторил.

Сколько времени он проводил здесь, откладывая момент возвращения домой, когда нёс из школы очередную двойку

или весть о пропаже сменки, когда прятал в портфель трофейный, честно выигранный арбалет, который бабушка заставила потом отдать обратно. Он стоял и по детской привычке ковырял ботинком скол плитки у ступеньки. Возле соседней 143-й квартиры узор из уродливых коричневых квадратиков сбивался. Не хватило, видать, цветной плитки и всё залепили белой. В детстве он был уверен, что там, под этим белым куском находится лаз. Настоящий, секретный. Только нужно встать на нужное место, чтобы он открылся. Он улыбнулся, вспоминая, как пытался «нажать» правой ногой на свой коврик, а левой на соседский – это и была тайная схема. Потом старуха-соседка жаловалась бабушке: «Никита-то ваш об мой коврик ноги вытирает, чтобы ваш не пачкать». А он стоял, вдавливая подбородок в грудь, готовый взять на себя любую вину, но не выдать догадку о потайном лазе. Да и отпираться было глупо – на цветастом коврике развалились фигурные кусочки мартовской грязи с его ботинок.

Лифт поднимался, приближая знакомые голоса. Через пару мгновений двери открылись:

— Никита, привет! А ты чего так рано? – мама поцеловала его в щеку.

— П-п-привет, Ни-и-нит, – отчим протянул красную от холода руку.

— Привет! Да поговорить хотел. Мы с Настей собираемся жить вместе. – Он выпалил это так быстро, что сам не понял, как проговорился. Но в тот же момент стало удивительно легко, как в детстве, когда приходил с плохими новостями, а дома сидели гости, и никто уже ругаться не мог.

— Вот это новость! – мама засияла. – Здорово, Настенька хорошая такая!

— Поз-здр-здравляю! – Славик снова протянул руку.

— Да, спасибо, пока не с чем особо, – Никита был сму-

щён их реакцией и досадовал на себя, что так долго тянул с новостью.

— А бабушке говорил? – мама звонила в дверь, неотрывно глядя на Никиту и улыбаясь.

— Не успел ещё, вас ждал.

Бабушка открыла, они зашли в коридор.

— Mam, Никита-то наш женится! – выпалила мама.

— Этого я, между прочим, не говорил. – Никита улыбнулся маминой прямою.

— Да ладно уж, понятное дело! – мама подмигнула ему. – Настя к нам переезжает, будем все вместе!

Повисло молчание. Бабушка удивленно взглянула на Никиту, который растерялся от маминых слов. Славик стоял у двери, не решаясь пройти дальше, пока все столпились на проходе.

— Это правда, Никитушка? – бабушка прижала руки и расплылась в улыбке. – Ты мой дорогой! А я смотрю: чего такой с утра? Что ж не сказал, думал, родная бабушка не поймёт? Да мы все так любим Настю! Давно пора. А то живёт с подружкой на съёмной квартире, и ей житья нет, и ты, бедный, выдохся туда вечерами ездить. А тут и дом, и все свои, и на всём готовом.

Никита стоял, не зная, как лучше продолжить разговор.

— Да это ещё не решено. Может, мы обедать пойдём? – ему было неловко стоять под общими взглядами и улыбками, осознавая, что придётся их разочаровать.

— Конечно, идём! – мама сняла пальто и пошла мыть руки. Славик продвинулся вперёд и начал старательно пыхтеть над шнурками.

— Это ещё не точно, бабуль. Своё жильё все-таки хочется... Может, мы одни...

— Конечно, своё лучше. Эта-то квартира твоя. И комната у вас своя будет. Мы маму со Славиком в «детскую» пересе-

лим, а вас в спальню. Кровать купим или диван раскладной? Хотя места там много, чего вам на диване мучиться.

— Да я не знаю, ба, – Никита совсем растерялся, уже не понимая, где его мысли, где Настины, где бабушкины... – Может, снимать лучше...

— Да чем же это лучше?! Сам сказал: своё жильё хочется. Настя что ли хочет?

— Вроде того, – ему снова стало стыдно за враньё, но сказать по-другому не получилось. С другой стороны, это и правда была Настина идея. Как и сейчас с бабушкой, так и месяц назад в разговоре с Настей он и не заметил, как предложил ей жить вместе. Она что-то говорила про цветовые сочетания в доме, он как-то невнятно пошутил... и тут она вдруг расплакалась, что ему на неё плевать, и он и не любит её вовсе, раз за два года не предложил жить вместе... Ни с чего как давай рыдать. Он и предложил. Потом они сразу помирились, и он удивлялся, почему раньше сам не додумался, ведь это так просто и логично – жить со своей девушкой вместе... – Мы пока ещё не решили, бабуль. Снимать квартиру сейчас легко, можно найти недорого и к работе поближе.

— Ох, Никита... натаскались мы с дедом по казармам и съёмным квартирам! И уж бывало и комната хорошая, и соседи замечательные, и жили дружно... но ничего не сравнится со своим жильём. Здесь каждый угол твой. Тепло хранит, воспоминания, и всё здесь так, как хочется именно тебе. А в съёмной квартире каждый шаг обдумай, даже стены пахнут чем-то чужим, лишний раз гвоздь не прибьёшь – разрешение спрашивать нужно. А ведь это, Никитушка, очень важно, когда можешь сам решать. А что Настя хочет, так ей так и так вдали от своих жить. Но она просто пока не понимает: на тебя и приготовить, и постирать, и погладить, а она сама работает и учится вечерами. Когда всё успевать будет? Вот и начнётся у вас ругань. А тут ещё и квартира съёмная.

— Ну, это мы ещё не решили. Мы пока обсуждаем...

— А чего обсуждать, если здесь твой дом. Всё-таки мужчина должен решать, а ей придётся и уступать иногда. Так она и строится – семья-то. – Бабушка принесла маме полотенце. – Ну, пойдёмте обедать! Теперь столько всего надо обдумать! Славик, что ты всё мнёшься у двери, разделся, так иди за стол.

Славик неуклюже протиснулся за женщинами на кухню. Никита рассеянно захлопнул входную дверь и осмотрелся. Из его комнаты выглядывал край дивана с уютно свисающим пледом. Он остановился на пороге, пытаясь понять, что теперь делать.

БЛИЗНЕЦ

— Пошёл на хрен! Я тебя с лестницы спущу!

— Мы на улице, дурень!

— Вон, я сказал!

— Олечка-сыроежка! Ты же знаешь, ничего ты мне не сделаешь. Мы ж родные люди.

— Вот и сделаю, урод! Я тебя... – Олег замахнулся огромным разбухшим кулаком. Спешащая навстречу девушка, пискнув, метнулась к дороге.

— Чего людей пугаешь, болван? Ой, ты глянь, как выдупи-лась на тебя – вот умора! – он начал гоготать во всё горло, тыча пальцем в прохожую. – Ща глаза вывалятся от ужаса!

— Больной! – бросила девушка и засемила на звонких каблуках по другой дорожке.

— Как она тебя, а? Получил?

— Пошёл к черту! Я тебе отомщу! – злобно прошипел Олег.

— А чего ждать? Давай прямо сейчас? Как мужики! Ну же, давай! – он начал махать кулачками перед носом у Олега, ехидно посмеиваясь.

Олег старался не поднимать головы, он шёл знакомым маршрутом, периодически громко сплевывая под ноги. Перед глазами мелькали грязные лужи, прилипшие жвачки, сморщенные окурки.

— Пройдемся по двору? Вон спиногрызы орут – давай распугаем! – он соорудил уродливую гримасу. – Ну давай, весело будет! Помнишь, как в прошлый раз они разбежались по домам, как только мы подошли к площадке? А мамашки, мамашки-то! Своих слюнявых кривоножек подхватили и давай в коляски сажать! А те орут, не поймут, что такое!

Олег повернул за угол дома и двинулся к проспекту, прочь от стыдливых воспоминаний.

— Стой! Ты куда? Эй!

— Сам знаешь!

— В магазин?! Опять за старое! Давай лучше погуляем! Пожалуйста, я буду хорошо себя вести! А в магазине сейчас народу – туча! Все будут на тебя пялиться, а ты боишься!

— Ни хрена я не боюсь!

— Оле-е-ежка, я ведь по-хорошему прошу: не ходи в магазин. Я ж не отстану. Помнишь, как в прошлом месяце тебя охранники вытолкали? И милицией угрожали.

— Я те покажу! Только попробуй! Измочалю! – Олег не удержался и пнул ногой куда-то в воздух. Несколько соседских мужиков, пьющих у гаража, покосились на него и отвернулись.

— Мазила! – звонкий смешок забулькал истерическими переливами. – И не стыдно тебе так с родным братом! Тем более, я тебя младше!

Олег остановился у дверей магазина в нерешительности. Народ бесконечным потоком заходил внутрь, периодически задевая его. Безразличные толчки напомнили ему о метро. Голова начал кружиться, а подступающая тошнота уже заполняла горло. В метро он не был уже несколько лет. В последний раз пришлось выйти на остановку раньше, когда он заметил, что очкастая тетка начала нажимать кнопку связи с машинистом, косясь на него. И весь вагон смотрел, кучкуясь у выходов.

— Ну зачем тебе пить? Ты матери обещал бросить, – услышал Олег вьедливый дотошный голос. Матери он, конечно, обещал, но она давно не верит. Навещает раз в неделю, принося частями его пособие по инвалидности. Боится, что пропьет сразу. Она не понимает. Не понимает, что не пить уже нельзя.

— Отвали, тогда и брошу!

— Родной мой, я тебя не оставляю. Мы ж близнецы! – ехидная улыбка озаряла его лицо.

— Оставишь, урод! Сам знаешь! — Олег заметил любопытные взгляды. Злость, смешиваясь со страхом, подкатывала, грозя разразиться новым приступом.

Он развернулся и помчался к светофору. Обратный отсчет зеленого света поторапливал. Вот и осталось два шага до серой палатки. Знакомый армянин скучающе смотрел из окошка.

— Две. Большие. Как обычно, — руки Олега судорожно выудили из карманов мятые купюры. Армянин неспешно исчез в глубине. Брат стоял, злобно скалясь.

Армянин вынырнул, поставив на прилавок две двухлитровые пластиковые бутылки. Не дожидаясь, пока продавец пересчитает деньги, Олег трясущимися руками отвинтил крышку и жадно приклеился к горлышку. Теплое пиво пенилось, ускользая струйками по его щетинистому подбородку.

Армянин брезгливо наблюдал:

— Может, заесть возьмешь? Хлеба возьмешь?

Олег залпом выпил половину бутылки, громко выматерился от облегчения и посмотрел по сторонам.

— Ну что, урод, свалил?! Вали-вали, пока цел! — прокричал он куда-то вверх.

Армянин, качая головой, поспешил закрыть окно палатки. Олег озирался, скалясь гнилой улыбкой. Брата не было. Он пихнул в полуоторванный карман непочатую бутылку, а вторую крепко прижал к себе: пробка куда-то улетела.

Добравшись до подъезда, он взглянул на детскую площадку. Та гудела, смеялась, жила воскресной жизнью. Ему захотелось швырнуть туда бутылкой, чтобы всё вмиг утихло. Отвратительный детский визг эхом отдавался в голове. Несчастный случай... Он бы давно забыл, если б не они... Если б не их мерзкий крик. Он залпом влил в себя остатки пива, вторую бутылку он допьет дома. А когда протрезвеет, уже настанет вечер, и они замолчат, тогда можно будет и ночь как-нибудь протянуть.

Поднявшись к квартире, заплевывая лестницу, он завистливо замер возле соседской двери. Как бы хотел он жить в той квартире. Пусть и в однушке, но с окнами на проспект. Что угодно, лишь бы не слышать детский крик! Прошло уже больше двадцати лет, а эти звуки всё не смолкали. Если бы не этот крик тогда, он бы услышал и успел на помощь. Он бы спас брата. Он бы успел... Не он, так кто-то другой. Если б только кто-то услышал...

В квартире ему на миг привиделось, что брат тут. Он не сразу сообразил, что смотрит на своё отражение в зеркале. Они были абсолютно одинаковыми. Только шрам, который брат схлопотал в шесть лет, прыгая с крыши гаража, только эта маленькая полоска возле рта отличала их. Брат всегда был неугомонным, стремительным, всё нёсся куда-то. Мать шутила, что если б первым в родах шёл брат, то не понадобилось бы кесарево сечение. Это Олег никак не хотел рождаться. Он всегда тормозил. Он и тогда не пошёл с братом к люкам. Струсил. Если бы пошёл, ничего бы не случилось. А он остался на площадке и ничего не услышал из-за неугомонного детского крика.

Олег стянул грязные ботинки и доплёлся до окна.. Он прислонил к стеклу фанерную доску, недавно найденную на помойке, притащил с дивана старые подушки и плед, поплотнее завалил подоконник и задернул шторы. В комнате стало тише. Сейчас ему плевать, но когда он начнет трезветь, крики заполнят квартиру, с издёвкой разлетаясь эхом по углам. И тогда брат вернется. Сядет напротив и уставится брезгливо и жалостливо. А Олегу нечего будет сказать. Он и сам себя ненавидит. Он уродлив и убог в своём отражении. Брат выглядит лучше. Он выглядит так, как Олег лет пятнадцать назад, когда лекарства ещё помогали. Интересно, если бы они не были близнецами, в каком бы облике приходил его брат? Тем десятилетним пацаном? Ведь фантазия не смогла бы додумать,

каким он бы вырос, останься в живых. Но судьба посмеялась. Олег видел брата в своём отражении, знал все его черты.

Когда-то ему очень хорошо подошли таблетки, и брат не приходил лет семь или восемь. Олег жил почти как нормальный подросток. Даже школу закончил на домашнем обучении. Он мог выходить на улицу один, только обходил стороной детские площадки. Теперь все эти психиатры нужны были лишь для продления инвалидности. Их лекарства больше не действуют. Брат уходит только тогда, когда Олег пьян. Он объяснял это безмозглым врачам на комиссии в психдиспансере. Они только качали головой и утешали мать.

Олег включил погромче телевизор, нашёл какой-то ужасник и безразлично уставился в экран. Холод неотопливаемой квартиры затормаживал мысли. Ему бы только рассчитать вторую бутылку так, чтобы не протрезветь до вечера. А там и ночь.

ОДИННАДЦАТЬ ПЛАТЬЕВ

Рая провернула ключом, и дверцы старого дубового шкафа, слегка хрустнув от ветхости, отворились.

— Ты мой хороший. Чего, разохся совсем? Э-эх, моложе меня, а вон как кряхтишь – не стыдно? Сейчас мы тебя проветрим, протрем и смажем. Ты ещё поживёшь, мой дорогой, послужишь. Вон, какой гладкий, – она ласково провела рукой по прохладной полированной поверхности.

Из шкафа пахло мандариновыми корочками, разложенными ещё с осени от моли. Каждый год 31-го декабря Рая разбирала весь шкаф, тщательно перетряхивая бельё, протирая каждую полку и вешалку, просматривая каждую вещь на предмет дырочек. Так делали её бабушка и мама. Так могли бы делать её дети.

Прямо перед ней рядом висели, отгороженные от других вешалок, несколько платьев. Когда отцу дали эту квартиру, Рае было двенадцать лет. Они переехали в ноябре, в середине учебного года. У неё не получалось привыкнуть к новой школе, друзей не нашлось, а из-за её высокого роста ей всё время хотелось куда-нибудь спрятаться. Родные понимали, как Рае тяжело, но отложить переезд было нельзя, а ездить на другой конец города в старую школу оказалось слишком долго. Как-то под Новый Год, увидев в очередной раз её слезы, отец открыл шифоньер и достал большой сверток в грубой серой бумаге, перевязанный бечевкой:

— Держи, Раечка. Это тебе для поднятия боевого духа!

Отец и раньше старался побаловать её, как младшую, но подарок такого размера бывал только на День Рождения! Она с предвкушением развязала бантик и развернула бумагу: новенькое бирюзовое шифоновое платье пахло счастьем. От восторга, она не могла вымолвить ни слова. Такой красоты не

было не только в мамином гардеробе, но и вообще не встречалось ни у кого из её знакомых! Рая бросилась целовать отца. На её радостный визг из кухни пришла мама и с деланной сурдитостью заворчала:

— Ты посмотри на него: не мог подождать две недели до праздника!

Рая танцевала по пустой комнате в обнимку с платьем. Его плиссированная юбочка кружилась каруселью. Ощущение волшебства переполняло до слёз.

— Надевай, Раечка, конечно надевай! – улыбнулась мама. – Когда ещё отец такую красоту достать сможет.

— Вот они, женщины! Только одно платье подарил, так они уже о новом рассуждают!

— Да что ты, папулечка! Ты можешь мне ещё долго-долго ничего не покупать! Спасибо тебе преспасибо!!!

— Долго-долго – это конечно хорошо, но не обязательно. Руки-ноги есть, а трудящемуся человеку в нашей стране всегда работа найдётся. Будут тебе ещё платья!

— Ну-ну, наобещаешь еще дочери! А у нас из мебели один шифоньер!

— Вот и наш казначей вмешался! – папа с улыбкой приобрел мать. – Я и не говорю, что каждый год. Всё купим, всё будет. А раз в пятилетку я обещаю моей дочери самое красивое платье. Уж если они там на всю страну могут планировать, то на своих девочек и я смогу.

Платья действительно хватило на «долго-долго». Оно было длинно на целую ладонь, брали «на вырост». Мама заботливо подшила подол и каждый год отпускала по два сантиметра. Рая надевала платье всего несколько раз в году, только на самые важные праздники, и каждый раз все вокруг спешили расспросить родителей, где достали они своей дочке такую красоту.

Вслед за первым бирюзовым, Рая достала из шкафа шёлковое коралловое платье с кружевным накладным воротничком. Этим летом она видела такие воротнички у молоденьких девушек. Удивительно, мода возвращается... Папа сдержал обещание: через пять лет он подарил ей это платье. Совсем взрослое, элегантное, с расшитым белым кружевом пояском. Мама в тот год совсем ослабла. Она лежала в комнате возле наряженной ёлки и любовалась на Раю: «Ты пока не надевай его никуда, впереди выпускной – будешь самой красивой!».

А через три месяца первого апреля мамы не стало. Ребята в школе с утра дурачились, отмечая День Дурака, а Рая вздыхала у окошка, с нетерпением ожидая, когда побежит после уроков в больницу и будет с мамой вместе шутить... На выпускной Рая конечно не пошла, да и в ближайшие полтора года не ходила ни на какие праздники. Настроения хватало лишь на вечернюю учёбу и работу днём в лаборатории института. Платье она надела только на втором курсе, на свадьбу брата. Зря надела: весь вечер хотелось убежать в туалет и вдоволь наплакаться, вспоминая тот последний мамин Новый Год.

Вот и сейчас, слезы снова подступили, но это уже были слезы нежности и любви. Отболело. Рая неспешно вынимала свои сокровища: вот платье на окончание института. Бархатное, с коротким рукавом и широким поясом. Она тогда уже сама копила, откладывала с каждой получки. И когда на Новый Год отец подарил шкатулку для украшений, и не подумала напоминать ему про пятилетку. Но к её удивлению, после удачной зимней сессии отец принёс точно такой же, как десять лет назад, свёрток:

— Раечка моя, самая умная! Вот держи, пусть хоть этот выпускной будет для тебя счастливым! Новая жизнь у тебя начинается! Трудовая, полноценная, радостная!

Отец, так искренне и полно умевший любить свою семью, страну, работу, всегда верил в достойную жизнь каждого трудящегося человека. Он успел уйти из жизни до того, как страна начала разваливаться, а трудящиеся люди перестали получать зарплаты. Он подарил ей четыре восхитительных платья. Конечно, ей покупали и другие платья, обычные, как у всех. Но раз в пять лет в гардеробе появлялась настоящая красота.

Последний папин подарок был перед Московской Олимпиадой. Рая раздобыла билет на легкую атлетику: выменяла у Людки из чертежного отдела на джинсы. Тогда она уже устроилась после института на ювелирный завод. Джинсы конечно было жаль, тем более, что у Раи они были одни, а у Людки несколько пар! Людкин брат работал каким-то чиновником в Министерстве, и ему билетов на Олимпиаду дали целую кучу. Свою сестру, как ни просили родители, он к себе пристраивать не хотел (глуповатая она была и очень болтливая), но регулярно откупался дорогими подарками. Тогда на заводе Людка чего только не выменяла за эти билеты, а себе оставила на закрытие, о котором потом ещё несколько месяцев трещала в каждом перерыве.

Всё равно Рая была счастлива: её знакомые надеялись посмотреть олимпиаду только по телевизору, и то, если с работы будут отпускать. Ей и завидовали и наставляли, как завязать знакомство: в свои двадцать семь она всё ещё была не замужем. В марте папа подарил ей польское летнее платье: сверху белое в сиреневую мелкую клетку с непривычно глубоким декольте, а от пояса белое врзлёт с сиреневой прострочкой на подоле. За столько лет Рая так и не смогла выведать, где и по чьему совету папа доставал ей такие модные и редкие наряды. На фоне советских девушек, неспешными потоками направлявшихся к стадиону, Рая заметно выделялась. На неё оборачивались, с интересом разглядывали, возможно принимая за иностранку. И вот она сидит где-то на галерке с армейским би-

ноклем брата и разглядывает пеструю толпу зрителей: такие счастливые лица, белоснежные улыбки, вокруг иностранная речь, волшебные запахи духов, инопланетного вида фотоаппараты. К её удивлению, женщины из Западной Европы, обозначающие себя маленькими флажками Франции, Италии или Испании, в основном были одеты в тогда ещё не известные в Союзе платья-сафари, достаточно унылой расцветки и по модели больше похожие на рабочую одежду. На стадион Рая смотрела редко: спорт её никогда особо не интересовал.

— Извините, что отвлекаю, но разве на трибунах тоже кто-то бежит? – высокий мужской голос донесся откуда-то снизу. С переднего ряда на неё в упор смотрел смуглый молодой человек лет тридцати.

Рая покраснела, представив, как давно он на нее смотрит, а она водит биноклем по всей арене. Сколько её не учили подружки, она совсем растерялась и не могла завязать беседу, только смущенно улыбнулась.

— Вот там, на девятой дорожке бежит мой друг. Ему нужна поддержка! – паренек говорил с сильным акцентом, дополняющим его образ волшебного принца.

— А я как раз туда смотрю. Я с удовольствием за него побоею!

— Не получится! – рассмеялся паренек, – там всего восемь дорожек! Это шутка!

Рая смутилась еще больше.

— Меня зовут Марко! – паренек, не обращая внимания на уставившихся на них соседей, продолжал кричать еще громче. – По-моему бег – это очень скучно! А у вас в городе есть что-то интересное?

— Да, конечно. У нас очень красивый город! Много интересных мест и памятников архитектуры, – Рая говорила, как по учебнику. Она впервые общалась с иностранцем. В Инсти-

туте она видела индусов и африканцев, но ни разу к ним не подходила. Да и это было совсем другое.

— А я в Москве в первый раз, бывал только в Ленинграде. Меня зовут Марко! По-вашему Марк!

— А меня Рая, – наконец поняла она его намек.

— Рая? Как там? – он показал пальцем в небо, – очень красивое имя! Покажете мне город после бега?

Рая почувствовала, как залилась краской, опустила голову и только украдкой кивнула. Оставшиеся пару часов она сосредоточенно изучала все происходящее на стадионе, стараясь запомнить имена, дистанции и прочие детали, на всякий случай.

После соревнований Марко пригласил её в кафе рядом с ареной. Прохладные залы, живая музыка, за столиками много иностранцев, и Рая вместе с другими счастливыми! Хорошо, что не пожалела джинсы!

— А откуда вы знаете русский?

— О, я несколько лет жил в России! Четыре года учился в русской школе! Даже плохие слова выучил! Мой папа – он инженер, помогал строить фабрику в Тольятти. Мы там жили, но недолго, там сложно было со школой. Потом уехали с мамой в Ленинград, а папа к нам приезжал на выходные. Он строил фабрику автомобилей, у вас её называют завод. Знаете у вас наши машины Фиат?

— Кажется, не слышала. У нас есть Волга, Жигули...

— Вот-вот, эти ваши Жигули – это наш Фиат-124!

— Правда? Странно, никогда бы не подумала.

— Его немного поменяли: у вас проходило много испытаний разных машин. И нужен был завод. Да это была грандиозная стройка! Уникальный проект! Весь завод создавали с нуля, тогда все детали везли из других стран! Папа очень много рассказывал смешных историй!

Марко так активно жестикулировал, что случайно толкнул бутылку с Пепси-колой: она покачнулась и со звоном упала на столик. Карамельная пена побежала сотнями пузырьков по стеклянной поверхности и мелкими водопадами потекла прямо на Раю. Мгновенно отскочив, она всё-таки не смогла уберечь платье: бурое пятно на глазах разрасталось на белоснежном подоле.

— О, простите! Какой я неуклюжий! Я просто разволновался от вашей красоты!

— Не отстирается... – Рая почти готова была расплакаться.

— Не переживайте! Все будет хорошо! Как я мог расстроить такую потрясающую девушку!

Рая слышала его комплименты, но они её только злили. Иностранец – это конечно редкость, но такое платье в Союзе – редкость не меньшая. Да и Марко уедет через несколько дней, оставив лишь приятные воспоминания, а платье – она успела его надеть только один раз, а рассчитывала блеснуть в нем ещё на стольких праздниках!

— Вы так расстроились из-за этого пятна? Я обязательно куплю вам новое платье! Хотите – прямо сейчас?! Пойдёмте, в любой магазин!

— В любом такого не купишь...

— Тогда мы купим ещё лучше! Самое красивое!

Конечно же, Рая не повела Марко ни в какой магазин. Не только потому, что ей хотелось произвести впечатление человека воспитанного, но и потому что она прекрасно знала: хорошее платье в магазине не купишь. А объяснить это иностранцу невозможно. Следующие несколько дней Марко старался компенсировать свою оплошность: дарил цветы, катал на теплоходике и водил в кафе. Всё было так красочно и легко. А потом пришло время прощаться. Они стояли в аэропорту, не зная, увидятся ли когда-то снова.

— Ты мне пожалуйста пиши! Давай не потеряемся. Приезжай ко мне на Рождество!

— Это немного сложно.

— Почему? Ты отмечаешь Рождество с родными?

— Нет, что ты, мы Рождество не отмечаем.

— Тогда что же? Лететь всего три часа до Рима, а там я тебя встречу и дальше на поезде!

— Сложно выехать. Для этого нужен повод.

— А я разве не повод? Это ты нашла повод отказаться. Я думал, нам с тобой хорошо?

— Марко, ты смешной! – она нежно держала его за руку, иногда боязливо озираясь. – Мне очень понравилось с тобой общаться. Нужен повод, чтобы разрешили выезд из страны. Ты же знаешь, у нас с этим сложно.

— Но у тебя очень важный повод: я должен купить тебе новое платье! Так им и скажи! – он широко улыбнулся и поцеловал её прямо при всех.

В Италию она к нему так и не доехала, но их общение продолжилось в дружеской переписке на много лет. Пятно кста-ти не отстиралось, и на платье пришлось сделать кармашек. Сейчас Рая с улыбкой разглядывала эту «доработку», а тогда жарким летом 80-го она в отчаянии обегала ни один магазин тканей, чтобы найти лоскуток подходящего сиреневого цвета. Оно того стоило: платье до сих пор выглядело вполне свежо, а ведь она его носила несколько лет, бережно стирая только детским мылом.

Марко сдержал свое обещание: он все-таки подарил ей платье, пусть и через десять лет. Замечательное, наверное самое роскошное из тех, которые ей дарили. Марко приехал в девяностом. Тогда Рая уже решила отказаться от идеи с пятилетками: слишком сложно стало доставать вещи в перестрой-

ку. Страна ждала перемен, все были и истощены и воодушевлены одновременно. Вот-вот должно было всё наладиться, и Рая решила просто подождать, когда страна наконец заживёт свободно и богато, каждый день обсуждая эту будущую новую жизнь с коллегами в перерывах.

К тому времени Марко уже был разведен и по выходным воспитывал сына. В письмах они рассказывали друг другу обо всех жизненных поворотах, и когда Марко выпала возможность приехать в Россию, он за два месяца начал писать Рае о том, как они будут проводить время.

Они сидели в каком-то ужасно дорогом ресторане. Как и много лет назад, здесь тоже слышна была иностранная речь и хорошая музыка. Марко не столько постарел, сколько стал более мужественным. Он был наголо выбрит, но это ему удивительно шло, подчеркивало элегантность. Голос его стал ниже и мелодичнее, хоть на этот раз они больше молчали, нежели говорили. Как будто и говорить было не о чем. Вроде и так всё знали. Или, может быть, их жизни стали столь непохожими за эти десять лет... Рае казалось, что она выглядит и ощущает себя гораздо старше Марко. От этой мысли и всей этой странной роскоши, существовавшей в её же стране, но где-то в параллельном закрытом для неё мире, она начинала стесняться и даже раздражаться. Как будто всё это отвлекало её и других от более важных событий, назревающих каждый день все сильнее. Скоро должно всё поменяться. Так хотели все, в том числе и Рая. Так верили, этого ждали. И сейчас ей казалось, будто вся её личная энергия должна быть направлена в помощь этой неведомой силе, которая изменит жизнь её страны. Рая задумалась, как каждый человек своей верой и силой помогает сдвигать горизонты, строить совсем иную жизнь.

— Я снова предлагаю тебе приехать в Италию. Ты хочешь?

— Марко! Ты, как и десять лет назад, такой импульсивный!

Мне очень приятно, но сейчас не лучший период для поездок. У нас в стране грядут глобальные перемены. Жизнь немного нестабильная. Такие вопросы нужно хорошо обдумать.

— На этот раз я много думал. Я предлагаю тебе приехать насовсем. Или хотя бы на месяц, чтобы присмотреться.

— К чему?

— Рая. Мы можем с тобой жить вместе. Мы много знаем друг о друге: характер, хобби, особенности работы, любимые вещи. Совместная жизнь – это не страсть, как я теперь уже понял. Это – взаимопонимание. Я много думал, Рая. Мне кажется, мы очень хорошо друг друга понимаем, чувствуем. Я постоянно практикую русский: у нас в компании много ваших эмигрантов. Как видишь, мы легко общаемся.

— Марко, это конечно звучит заманчиво. Но что я там буду делать? Где я найду работу?

— Я достаточно зарабатываю, Рая. А в Италии женщина может не работать, и её не будут осуждать.

— Дело не в осуждении, а в том, чем я буду заниматься?

— Чем? Ты будешь заниматься домом, своим мужчиной. Ты наверняка хорошо готовишь. У меня много родственников и друзей, они будут приходить к нам в гости. Ты будешь заниматься собой. Как все женщины: ходить в парикмахерскую и на массаж, покупать фрукты на базаре, что-нибудь шить, гулять с собакой.

— У тебя появилась собака? – Рая машинально поддерживала ход его беседы, как будто и не воспринимая всерьез столь внезапно обрушившееся на неё предложение.

— Нет, но я бы хотел. Я сам часто бываю в разъездах, ты же знаешь. Очень хочется приезжать домой, где тебя ждут. Ты понимаешь?

— Понимаю. Я бы хотела английского дога... Это такие высокие с острыми ушами, знаешь?

— Нет, большого – это неудобно. Ему нужно много места и он слишком много ест.

— Да, ты прав... – всё это звучало так странно, как будто с киноэкрана. Ещё несколько лет назад Рая фантазировала о том, как Марко предложит ей выйти замуж, как это будет волшебным, как он встанет на колени и откроет маленькую бархатную коробочку. Но сейчас это было не похоже на те её фантазии. Как-то сухо или официально... Все-таки они такие разные... – Я не знаю, Марко...

— Я тебя не тороплю. Просто приезжай сначала хотя бы на две недели. Если нужно – я куплю тебе билет. А потом, если ты захочешь остаться, ты сможешь оформить себе документы. У меня есть хороший знакомый. Очень много русских через него оформляют, как беженцы. У вас здесь действительно сейчас всё очень сложно, этим можно воспользоваться, чтобы получить полит убежище. Подумай, у нас есть время. Но все-таки мне бы не хотелось затягивать, я устал жить один.

Целую неделю они ходили вечерами гулять, потом ехали на ночь к нему в гостиницу, скучный интерьер которой возмущал Марко. Рая стеснялась привести его к себе в ещё более скудно обставленную квартиру.

На прощание Марко вручил ей бордовую коробку с золотой лентой:

— Я хочу, чтобы ты прилетела ко мне в этом платье. В аэропорту все будут смотреть только на тебя...

Это платье Рая помнила хорошо, хотя ни разу его не надевала. Желтое с золотыми нитями, струящееся почти до самого пола. Платье даже пахло чем-то заграничным, сейчас уже и не вспомнить точно. Она его «съела». Вскоре после отъезда Марко Раин завод вместе с лабораторией закрыли, а через пару месяцев сотрудники перестали строить иллюзии, что кто-то о них позаботится. Рая обнаружила, что её профессия

новой стране вовсе не нужна. Более того, её образование тоже оказалось невостребованным. Стране нужны были продавцы, вышибалы, официанты, бандиты. Первые полгода получалось протянуть на сбережениях. А потом пришлось продать платье. Оно прокормило Раю ещё добрых три месяца, хотя и очень скромно. Но за это время удалось устроиться учителем в школу. Зарплата конечно мизерная, но хотя бы какая-то. Рая не очень понимала, как работать с детьми, первое время переживала, но на фоне общего хаоса в стране её внутренние сомнения не были заметны. Дети быстро к ней привыкли, а через год начали появляться частные ученики, планировавшие покорять медицинские ВУЗы.

Что же касается Марко... Во всей кутерьме и страхе девяностых, тот разговор превратился для Раи в какую-то добрую сказку. Очень старую, почти забытую. Марко напоминал о себе письмами и фотографиями. Но каждый раз, перечитывая их, всё сложнее ей было представить себя бесцельно расхаживающей по солнечным улицам или лежащей на диване в ожидании своего мужчины. О чём им говорить? Чем заниматься вечерами в его маленьком городочке? Что делать целыми днями, когда он будет в командировке? Да и можно ли всю жизнь поменять теперь... Она всё откладывала и откладывала решение. Ведь он все-таки слишком «чужой», чтобы стать близким человеком. А Марко спустя пару лет снова женился, потом через четыре года развёлся, всё также продолжая её звать в Италию, хоть и с меньшей настойчивостью.

О продаже золотого платья Рая не жалела: как будто и не для неё оно было, про какую-то другую жизнь. А о Марко намного лучше напоминало то самое, олимпийское. Рядом с ним в шкафу висели два самых невзрачных «экспоната». Первый – подарок брата в 85-ом. После смерти отца он хотел продолжить традицию и привез из Латвии что-то вроде сарафана. Со

вкусом у брата было намного хуже, чем у папы, но сама забота очень трогала, и Рая надевала подарок для простых выходов в магазин, но все-таки сохранила. А второй экспонат она купила сама в 95-ом. Денег заранее не накопила, потому и платье пришлось купить достаточно простое. Хотя для школьных праздников оно было в самый раз. После этого Рая решила обязательно откладывать с каждой зарплаты по чуть-чуть.

И вот в 2000-ом, Рая со старшими классами поехала в Чехию. Там ученицы конечно же выведали у любимой учительницы про её коллекцию. Платье подбирали со всеми девочками группы: они приносили ей в примерочную лучшие варианты, а потом Рая, смущаясь от такого внимания, выходила к ним, как на подиум, и терпеливо слушала комментарии судей. Наряд выбирали два дня, казалось, обошли все магазинчики Праги. Раю до слёз трогало такое внимание. Остановились на серебряном вечернем платье с рукавом три четверти. Под давлением своих учениц пришлось разориться и на туфли. Рая вздыхала, что и носить эту красоту некуда, на что девчонки шуточно обижались: дескать, их выпускной как будто не повод для такого наряда.

В школе слух о её традиции платьев-пятилеток быстро долетел до учительской. Да и наряд из Чехии пришлось показать – так активно девочки болтали о совместной покупке. На выпускном вечере платье действительно смотрелось шикарно. «Рая Максимовна, да от вас глаз не оторвать!» – слышала она от многих. Тем теплее ей было, что эту вещь выбирали её ученики.

А спустя три года с некоторым опережением пятилетки на её юбилей коллеги преподнесли сюрприз – платье в стиле индийского сари удивительного незабудкового цвета. На такое она сама бы не рискнула и посмотреть! Не по-возрасту оно казалось, да и какое-то сказочное. Даже сейчас она доставала

его с каким-то особым трепетом. И вдруг на плече заметила зацепку.

— Э-эх! Это всё, небось, ты, старый скрипуч! Об твои петли наверное задела. Придется вправлять. Шелк-то, вон какой, нежный, как бы следов не осталось.

Рая бережно отложила сари на кресло и потянулась к последней вешалке. На ней висело приятное сиреневое платье в мелкий серебристый цветок. Красивое. Но совсем бессюжетное. Рая смотрела на него и не могла вспомнить ничего примечательного, чтобы сопровождало её покупку или вообще тот ее 2010-ый год. Вроде бы и деньги отложены были, вроде и выбирала долго. А вот вспомнить и нечего...

* * *

Шкаф был разобран и протёрт, петли смазаны, зацепка успешно спрятана. Рая принесла с кухни чайник, чашку и коробочку с безе, расставила всё на столике, села в мягкое кресло и включила телевизор. Голубой Огонек уже начался.

— Ну, вот и год прошёл. В понедельник магазины откроются, надо будет сходить примерить то кружевное с накидкой.

МАЛЬЧИКИ

КЛАД

- Слышь, пацан, что за барахло у тебя?
- Дяденька, купите тюльпаны! Красивые какие! Жене подарите!
- Где нарвал-то?
- Да в парке, далеко отсюда! Там много!
- И почём продаёшь?
- 100 рублей за штуку!
- Ну ты борзый! Вон в цветочном – 50.
- Мне деньги нужны, очень!
- Так у родаков попроси.
- Нету...
- Денег нет?
- Родителей нет. Бабушка нас с сестрой воспитывает. Мамка умерла зимой, а отца я не знаю.
- Ну и чё, бабка тебя сюда послала? Или на сигареты деньги стреляешь?
- Нет, я не курю! Бабушка не знает. Она в больницу попала, старая уже.
- На лекарства что ли ей? Сколько надо?
- Да нет. На Крещение. Сестренке.
- А это зачем?
- Если бабушка умрёт, нас с сестрой в детский дом сдадут. Сказали, что в разные, она маленькая совсем, а мне уже десять лет! А там в детдоме чего только не творят! Кто за неё заступится, если меня рядом не будет? Только Бог! А она не крещеная. Раз не крещёная – то и не заступится!
- М-м, это тебе кто сказал?
- Бабушка сказала, что когда родителей нет, только Бог заступится, никому другому верить нельзя. Меня крестили маленьким, а сестру так и не успели. А вот теперь вдруг ба-

бушка умереть может. Нужно обязательно крестить, пока нас не забрали. Соседка говорит, она дня три присмотрит за сестрой, а потом уже не сможет, надо будет в приют звонить.

Мужчина посмотрел на Витьку, на его тюльпаны.

— Мороженого может хочешь?

— Не хочу. Мне деньги нужно заработать.

Мужчина постоял некоторое время, как будто оценивая Витькин товар.

— Пойдём, отойдём что ли, где потенистей, куплю парочку.

Витька, воодушевленный мыслями о первых деньгах, помчался в сторону сквера. Мужчина неспешно пошёл за ним.

— А мамка у тебя от чего умерла?

— Не знаю, бабушка говорит, уколы какие-то плохие делала и умерла. Кто-то подсунул плохие лекарства.

Мужчина хмыкнул и пробежал взглядом по Витьке.

— Да, уколы нынче часто плохие. Тебе не колола она свои уколы?

— Да нет, я же не болел. А мама много болела. Ей всё время было плохо, она лежала белая-белая и тряслась. Только уколы и помогали... – Витька переминался с ноги на ногу, не решаясь уже попросить денег за цветы. Времени оставалось мало. – А вам какие дать: желтые или красные?

Мужчина помолчал немного. Потом как-то недовольно сморщился.

— Что-то они совсем хилые у тебя. Слушай, а ты по-другому заработать не хочешь?

— Да нигде не берут! Я уже просился и в кафе, и газетами торговать. Говорят я для такого слишком маленький! Только с четырнадцати лет работать можно, иначе полиция поймает.

— Есть у меня работёнка, для которой ты в самый раз подойдешь. И полиция таких не ловит... Хочешь?

— Хочу, конечно! На мойке что ли?

— Нет, у нас интереснее. Тебя как звать-то?

— Витёк!

— Ты, Витёк, клады когда-нибудь искал?

— Ну да, – радость Витьки поугасла. Времени на клады у него не оставалось. – Только вон в фонтане проще монеток набрать, чем клад найти.

— Это верно. Но у нас работа наоборот: клады прятать, чтобы потом другие находили, понимаешь?

— Понимаю! – Витька не очень понимал, но хотел сойти за взрослого, вдруг и правда работу предложит. Да ещё такую интересную.

— В общем, давай через полчаса подходи вон в ту цветочную палатку через дорогу. Там скажешь, что от дяди Миши.

— А при чем тут клад?

— Там тебе дадут клад. Ничего интересного: маленький пакетик, семена. Вот тебе их нужно будет спрятать. Тебе скажут, куда.

— И всё?

— И всё. Если справишься – получишь 100 рублей. Для первого раза. А потом получишь ещё клад, и за него уже сможешь получить больше. Чем больше кладов спрячешь, тем больше зарабатываешь.

— А не обманите?

Мужчина улыбнулся и потрепал Витьку по голове.

— Вот, вижу умный, правильно, что интересуешься. Тюльпаны мне твои не нужны, но я дам тебе сто рублей, чтобы ты был уверен, что не обману.

— Просто так?

— Просто так. Я же тоже надеюсь, что ты не обманешь и спрячешь клад правильно. Потом вернешься к палатке, тебе там отдадут твои заработанные сто рублей.

Витька выжидательно смотрел на мужчину.

— А можно сразу несколько взять, чтобы больше заработать?

— А ты, малый, не промах! – мужчина хмыкнул и достал из кармана сотню. – Давай для начала с первым справишься, а я посмотрю, на что ты способен. Вот, держи. Только уговор: никому об этом не говорить, понял?

— Понял! Это ж клад!

— Вот-вот. Этот клад очень нужен определенным людям. Но другие могут тоже захотеть его получить. За просто так. – Мужчина протянул сотню и улыбнулся. – Не забудь, подходи через час к палатке со своими тюльпанами.

Витька с нетерпением ждал дядю Мишу. Работа оказалась ерундовой. Он спрятал малюсенький сверток за трубой дома в соседнем дворе. Все, как сказали в цветочном. Его не обманули, сто рублей дали. Но следующий клад сказали, даст дядя Миша. И вот теперь он ждал.

Витька уже посчитал, сколько кладов ему надо спрятать, чтобы хватило на Крещение. Он представлял, как придёт с гордостью в церковь, покажет деньги, и та вредная бабка запишет сестренку. Он вспомнил, как прогнала она его утром... Витька долго стоял при входе, не зная, к кому обратиться в пустом и тихом пространстве церкви. А потом увидел бабульку, которая гасила и выбрасывала свечки. Она сказала, что Крещение – это тоже работа, и за неё надо платить. На Витькины объяснения, что денег нет, она начала подталкивать его к выходу – «чтобы не шумел в приличном месте».

Дядя Миша подошёл, когда уже начало темнеть. Он издалека увидел Витьку и махнул ему головой, показывая в сторону подземного перехода. Витька помчался вслед.

— Ну что, малой – молодец! Проверили, сказали, ты отлично справился.

— А кто проверил? Уже нашли клад?!

— Да, нашли! Всё правильно спрятал.

Витька немного растерялся. Он не понимал, зачем кому-то рассказали, где спрятан клад, чтобы его так быстро нашли. Но дядя Миша был вроде доволен.

— А ещё дадите?

— Да. Но не здесь. Сейчас зайдём в метро. Держи проездной. Зайдёшь со мной в один вагон, но сядь подальше, чтобы никто не знал, что мы вместе. Понял?

— Понял! А то следить будут?

— Вот-вот. Игра такая. Следить будут. Выйдем через четыре остановки на конечной. Там тоже будет палатка с цветами. Я уйду по делам, а ты к ним подойдёшь, они дадут тебе сразу два клада и два места, где спрятать. Справишься – получишь еще 250 рублей.

— Справлюсь! А можно сразу много кладов?

— Сразу нельзя. Ты можешь забыть, где прятать, и пропадёт товар. Семена то есть.

— А они дорогие?

— Конечно! Так что если ты вдруг потеряешь или не там спрячешь, придётся тебе за них самому платить или отрабатывать. Пакетик – четыреста рублей. У нас с этим строго! А то бабушке твоей придётся отдавать.

— Понял! Нет, я не напутаю ничего. Пойдёмте скорее, может, успею ещё больше спрятать!

— Может и успеешь. Но не забудь: если кто спросит, ты меня не знаешь. Просто играешь с мальчишками, прячешь клад, кто дал – не знаю, сам нашел. Понял?

— Да понял-понял! Я всё сделаю!

— Ну, вперед. Да, и в том цветочном скажешь, что ты от Стаса.

Витька счастливый шёл домой. В кармане у него лежали семьсот рублей. Он почти не устал. Только с одним кладом

оказалось сложно: сказали закопать возле дерева и сверху прикрыть камнем. А совка с собой не было. Земля из-за жары была сухая, пришлось ковырять её пальцами. Он посчитал, что за два дня соберёт всю сумму. А если вдруг повезёт, то и за завтра.

Бабушка говорила, что в случае беды, им с сестрой надо идти в церковь: «Там никого не бросят. Бог всех, кто к нему приходит, любит и оберегает». Теперь Витька был доволен. Он заработает столько, чтобы и сестренку Бог полюбил.

В ХОРОШИЕ РУКИ

— Уважаемые члены комиссии! Начнём, наконец!

Гомон собравшихся в большой комнате начал стихать. В раскрытые окна ни ветерка, только крики детворы со спортплощадки.

— Рыжик, давай же, съезжай! – веснушчатый мальчишка, упираясь в перила, пытался столкнуть растерянного пса с горки.

— Сам ты – Рыжик! А он – Мустанг! Муста-а-а-анг, иди ко мне, ну давай, ну скатись, тебе понравится! – девчушка лет восьми приманивала собаку у подножия горки, изображая, что в руках у неё есть что-то вкусное.

— Такого имени вообще нет, не выдумывай! Ну давай, я сразу за тобой съеду, это не страшно! – мальчишка погладил пса по холке.

— Если хочешь знать – есть такое имя! И он на него отзывается! Давай, толкни сильнее! – она застучала по горке, отвлекая собаку. Мальчик выпрямился, пёс воспользовался моментом и, проскочив под его рукой, неуклюже заскакал вниз по ступенькам лестницы.

— Не удалось причинить добро! – засмеялся молодой парень, повернувшись от окна к стоящей рядом девушке. Его рубашка прилипла к спине от пота. Девушка коснулась его плеча и улыбнулась в ответ.

— Аня, хватит кокетничать! Работать надо! – нарочито громко объявила председательница, тётка лет пятидесяти с бородавкой на брови.

Девушка смущённо порскнула за столик секретаря.

— И вы, Игорь Алексеевич, присядьте тоже, – довольная эффектом, продолжила чиновница. – Мы подбирали время, в том числе и под вас, поэтому затягивать не будем. Что у нас сегодня?

— У нас Саша Савельев... – на столике суетливо зашур-

шали листы. – Саше десять. На право опеки подал дед, Виктор Анатольевич Савельев. Его старшая дочь, мать мальчика, покончила с собой в пьяной горячке. Там история такая: не рассчитала – хотела напугать, но оступилась и выпала с двенадцатого этажа. То есть, это как бы не суицид, а несчастный случай. После чего над мальчиком взяла опеку тётка, младшая сестра погибшей, тоже пьющая. Через три года она умерла...

— Это всё мы уже знаем, что там по факту: отдавать – не отдавать, давайте порасторопней. Что с документами?

— Да-да, Татьяна Михайловна, я просто подумала... у нас же тут приглашённые специалисты, чтобы они тоже были в курсе дела.

— Специалистам все эти детали ни к чему. Игорь Алексеевич — психолог, а не следователь.

“Психолог? А это ещё зачем? – Саша с тревогой поднял глаза. – Ребята в приюте говорили, что эти психологи всегда что-нибудь навыспрашивают, а потом в психушку сдадут!”

— А Александра Ильинична из детской комнаты полиции, – с раздражением продолжала тётка, – нужна нам, чтобы подтвердить положительную характеристику на подростка. Чтобы дедушка знал, что мальчика мы отдаём вполне нормального, на учёте не состоящего, и ответственность опекуна перед государством — сохранить такой статус ребёнка, — на этой фразе тётка перевела недовольный взгляд с тощей девушки на Сашу с дедом.

“Взгляд у неё неприятный. Раньше ласково говорила, обещала, что в обиду не даст, что у него всё в жизни будет хорошо. А теперь пугает. Психолог, полиция... Сандалии дурацкие, ступни от пота скользят, теперь мозоль натрут”.

— Так, значит, вы, Виктор Анатольевич, решили забрать Сашу к себе? – тётка выразительно посмотрела на деда поверх очков.

— Ну да, вон документы, – дед кивнул головой в сторону шуршащей бумажками секретарши.

— Да-да, мы уже ознакомились. А почему?

— Чего “почему”? – нахмурился дед.

“Зачем она вопросы задаёт? Раз решил, так чего тянуть. Вдруг он передумает и уйдёт!” – Саша сидел, скрестив пальцы. Он загадал, что если так просидит до самого конца, то его обязательно отдадут деду, а если не сможет, всё пропало. Так уже было в шесть лет. Он попросил у Деда Мороза полицейскую машину с сиреной. Он хотел запускать её на кухню, когда мать и тётка будут ругаться, надеясь, что звук сирены заставит их замолчать. Тогда он загадал, что, если по дороге домой наступит на все чёточки между плитками тротуара, то желание точно сбудется.

На пути дворник расчищал снег. Саша хотел переждать, но мать была не в духе и, резко дёрнув его за руку, потащила к подъезду. Машины он так и не получил. В тот Новый год он вообще ничего не получил. Утром 1 января мать сказала, что он плохой мальчик, и Дед Мороз ничего ему не принёс. До самого вечера он ещё надеялся на подарок. А вечером, протрезвев, мать подошла к нему и, погладив по голове, сказала, что Деда Мороза нет. “Ты теперь взрослый, Сашенька. А это сказки для детей. Просто родители покупают деткам подарки и кладут под ёлочку. И я тебе так клала. А в этом году у мамочки денежек нет, ты же знаешь. Мамочка тебя любит. Но теперь давай без подарков”. Следующей зимой за неделю до Нового года мать умерла. Подарков он больше не получал.

— Почему вы решили взять Сашу к себе именно сейчас? Почему не раньше?

— Так мать у него была и тётка, – дед достал из кармана вибрирующий телефон и посмотрел на экран.

— Ну, у матери были проблемы с употреблением алко-

ля. Мальчик рос в некомфортной обстановке, почему раньше не забрали? – с напором продолжала председательница.

— А я с ними не общался.

— Из-за того, что они пили?

Он нажал клавишу и убрал телефон в карман. Тётка замолчала, дед стоял спокойно. Саша решил, что надо обязательно сказать что-то хорошее о нём. Но ничего кроме давно подаренного самосвала вспомнить не мог.

— Он мне подарки давал, дедушка мой! – зачастил Саша высоким ломким голосом. — Самосвал! Кузов поднимался.

— Ну вот видишь, – председательница мельком глянула на Сашу, попытавшись изобразить улыбку. И уже обращаясь к деду, жёстко спросила: – Вы не могли бы уточнить, по какой причине перестали общаться? Мы должны представлять, какова ситуация. Поймите правильно, родственников больше у Саши нет. Вас-то разыскали с трудом только через месяц после смерти Сашиной тёти.

— Если отдавать не хотите, – проворчал дед, – так и скажите...

— Нет-нет, вы не поняли. Ребёнок государственный. Есть определённые нормативы ведения дел. Никто же не хочет, чтобы потом Сашу у вас забрали, решив, что вы не подходите.

— А чего забирать-то? Ну если им надо, пускай делают, как знают, – дед засунул руки в карманы и начал раскачиваться. Саша испугался, что, качнувшись в очередной раз, он пойдёт к выходу.

— Виктор Анатольевич, вы не раздражайтесь. Это формальные требования. Мы обязаны собрать информацию. Собственно, даже если соvrёте – мы и проверить-то не сможем! – примирительно продолжила тётка. – Спросить больше не у кого.

— А чего мне врать? – снова насупил дед. – Я и не врал никогда. Как забрюхателя она, так и ушёл.

— Кто, простите?

— Да Маша, кто ж ещё, старшая. Забеременела она в шестнадцать. Я ей: “Иди избавляйся, дура!”. А она: “Рожать буду!”. Ну я и рывкнул, мол, не позволю. Сам к врачу отвезу, позорище такое! А тут мать её нашла повод заступаться: грех это, грех!

— То есть вы были против того, чтобы дочь родила?

— А вы бы дали своей родить в шестнадцать? Школу даже не закончила! Впереди экзамены, институт, или техникум хотя бы. “Всю жизнь изломаешь!” – говорю.

Дед сильно покраснел. Саше стало его жаль. Он не знал про эту историю.

— Конечно, вы переживали за дочь...

— Говорил жене: я с таким срамом жить не стану! Да и кому он нужен будет – ребёнок этот безродный?! Но нет, кто ж меня послушал! А результат? – дед вытянул руку и начал загибать пальцы. – Я из семьи ушёл, жена через три года померла, дочь сама спилась, да ещё и сестру споила! И вот, – дед ткнул пальцем в сторону внука, – сидит: кому он теперь нужен?

Слова деда не сразу дошли до сознания Саши. Так, значит, он ушёл... из-за него?!

— Ну что вы, нам каждый ребёнок нужен! – приторный голос председательницы вывел Сашу из забытья.

— Да не придирайтесь к словам! – раздражённо махнул рукой дед. – Вы же понимаете, о чём я. Что у него теперь – ни дома, ни родителей, ни жизни нормальной.

— Ну, у него есть вы, раз решили забрать...

Психолог при этих словах выразительно хмыкнул.

“Чего ты лыбишься, – разозлился на него Саша, – как будто что смешное говорят! Лезут все не в своё дело”

— Да, чего он по приютам мотаться будет, – уже спокойнее произнёс дед.

— Ну, почему мотаться, – приосанилась председательница. – Государство устраивает сирот, предоставляет хорошие условия. Но вы родной человек, будете заботиться с душой.

— Вырастим как-нибудь.

— Трудностей не боитесь? Подростковый возраст всё-таки, нелёгкие времена мальчик пережил.

“Нелёгкие. Тебе спасибо! – ехидно подумал Саша. – Сразу ты мне не понравилась, ещё тогда, когда решали про приют. Наобещала всякого: ты там всего на пару неделек, там будет хорошо, друзья появятся, в цирк сводят, в театр, на экскурсии...”

В первую ночь, в туалете его обступили мальчишки. Он попытался спрятаться в кабинке, но все щеколды были давно выбиты, и ребята с гоготом начали его лупить. Так происходило со всеми новичками. Саша тогда не знал, что первая драка – это как проверка, после неё всем станет ясно, чего ты стоишь... На весь следующий месяц – самый ужасный месяц в его жизни – за ним закрепилась репутация лузера. Он пытался жаловаться, но становилось хуже. Правда, уже не били. Мстили по-другому: наливали воду в кровать, могли и помочиться. Саша терпел, надеясь только на то, что скоро заберут. А теперь... Детский дом? Да он ничем от приюта не отличается: народ там такой же, и лупят так же...

При воспоминании о драках всё внутри съёжилось. Обрывки беседы с трудом доходили до него.

— У меня всё есть, вон список документов: квартира двухкомнатная, машина наша, зарплата нормальная, можете проверить, на еду хватит.

— Да-да, вы молодец, все документы в порядке. Вы же опеку захотели оформлять, а не усыновление, – значит, государство будет выплачивать на Сашу пособие, льготы предоставит...

— Пособие сейчас оформлять будем, или отдельно приходить?

— Ну вы погодите, – улыбка неловкости скользнула по лицу. – Мы сначала должны решить, остаётся ли Саша у вас или нет.

— А что, в детский дом его что ли решили?

Саша вздрогнул. Если в детдом – сбежит, он уже решил. Ему Костик рассказывал, как потом устроиться. В приюте Костик появлялся раз в три месяца. Он был вроде как сам по себе, пацаны его не трогали, потому что знали, что у Костика в друзьях воры Казанского вокзала. А в тюрьме его батя – выйдет, всем отомстит. Костик приходил в приют сам, получал полный комплект одежды, обуви, немного отъедался и отдыхал от своей воровской жизни и через месяц уходил снова. Он именно уходил, неспешно, обдуманно, загодя аккуратно сложив всё положенное государством добро. Вещи он тут же продавал, спуская получку на игровые автоматы. А потом жил и “работал” на вокзале, пока снова не тянуло в тепло.

— Да нет, нам бы не хотелось, естественно.

Саша испугался, что из-за своих воспоминаний пропустил что-то важное, и не мог понять, чего именно тётке “не хотелось бы”. В какой-то момент он перестал понимать, чего теперь бояться. В детский дом? Нет, туда точно нет... Дед?..

“Да отвяжитесь, наконец, от меня! Всё, всё! – Незнакомая прежде ярость ударила ему в голову. – Тётка, ишь, заботу изображает: “Нам каждый ребёнок нужен”, а ведь ей на него плевать, Саша это сразу понял. И дед не лучше! За столько лет даже не поинтересовался, как там внучёк. Другим подарки к каждому празднику. А ему – за всё это время – самосвал: двери не открываются, огонёчки не зажигаются... Один проживу! с Костиком на вокзале!”

Саша будто заглянул в бездомную пугающую неизвестность. Ему стало так жалко себя. Ожесточение схлынуло. Он растерянно прислушивался к разговору взрослых.

— Мы здесь за тем и собрались, чтобы решить вопрос об опеке, — председательница напряжённо оглядела присутствующих. — Уважаемые члены комиссии, есть ли у вас вопросы?

Судя по скучающим лицам, вопросов не было.

— Ну, вы тогда подождите в коридоре, а мы обсудим и вам скажем.

— Сейчас скажете? А то мне ещё на работу сегодня надо заехать.

— Да-да, мы сегодня примем решение. Вы пока можете пойти передохнуть.

Как только дверь прикрыли, дед начал отзваниваться на работу, что-то раздражённо объясняя. Саша проводил его взглядом до лестницы и прильнул к щели, оставленной для сквозняка.

— Ну что, я так понимаю, будем отдавать? – после выхода деда с внуком все зашевелились, кто-то снимал пиджак, кто-то жадно пил уже нагретую воду. – Проблем с документами, я так понимаю, нет, Ольга Анатольевна?

— Нет, он всё принёс. По доходу всё нормально, квартира на него оформлена, никто больше не прописан. Мальчику по исполнению восемнадцати лет предоставлять жильё не нужно, за ним будет числиться эта жилплощадь.

— Хорошо, меньше инстанций, меньше бумаг. А остальные — что скажете? Вроде дед нормальный?

— Да вообще-то по нему не поймёшь, — откашлялся окончательно взмокший Игорь Алексеевич. — Может, нам надо побольше о нём узнать, пригласить их на наши тренинги или консультации, а там и решать?

— Вот вы, психологи, молодцы какие! – взъелась председательница. — И куда ж мы его должны деть, пока они к вам ходить будут? Сейчас конец мая, если не отдать деду, то нужно Сашу в

приют или детский дом пристраивать. А они все с июня разъезжаются по лагерям. Ему нужно будет срочно путёвку с кем-то оформлять. Вы представляете себе, как на государственного ребёнка оформить путёвку за неделю? Это гонка невозможная: ходить, выпрашивать, выбивать – списки-то все оформляются чуть ли не с зимы. А если не возьмут – тогда в инфекционную больницу придётся, сидеть мальчику как минимум месяц, если на июль смогут пристроить! Вы считаете, это лучше будет?

— Да не то что бы... – уже с меньшей уверенностью продолжил психолог. – Может, обязать их походить к нам в ближайшие месяцы. Не понятно, где раньше-то дед был, почему вдруг объявился? Восемь лет с семьёй не общался, не интересовался никем, а теперь вдруг решил мальчика взять. Опека подразумевает приличное финансирование от государства, тоже настораживает. Всё-таки не котёнка отдаём...

— При чём тут котятка? Вы один тут озабочены судьбой ребёнка? Мы все ищем наилучший вариант для мальчика. Мало ли какие споры в семьях могут быть. Дочери алкоголички, вот и не хотел общаться, что тут непонятного! Вам нужны консультации, чтобы это узнать? Человек в будни работает, вот лично вы готовы по выходным с ними заниматься?

— По выходным не хотелось бы... Ну, давайте хотя бы предложим?

— Конечно, предложим, посоветуем, проконсультируем. Всё как обычно, приложим максимум усилий!

— Да, как обычно... – ухмыльнулся психолог.

— Вы хотите что-то конкретное предложить, Игорь Алексеевич? — голос зазвучал озлобленно.

— Нет, конкретного пока ничего, надо подумать...

— У нас нет времени думать! – оборвала председательница. — Мы должны принять решение сейчас. Пригласите их, пожалуйста!

* * *

...Вошли. Мысли в голове у Саши кружились, он не знал, за какую ухватиться.

— Виктор Анатольевич, на сегодняшний момент комиссия решила передать вам право опеки. Поздравляю! – она активно изображала улыбку. – Вы вполне подходите по всем параметрам. Мы надеемся, что у вас всё получится. Документы будут оформлять некоторое время, так что вам ещё придётся к нам приехать, но уж такова система.

— Долго ещё надо-то будет? – дед методично укладывал в папку бумаги. – Чтоб с работы отпускали, нужно договариваться.

— Да-да, мы понимаем. Вся процедура займёт около месяца. Но забрать Сашу вы можете уже сейчас!

— Месяц, ладно. Понял, забираю.

— Мы бы хотели вам рекомендовать занятия у психолога.

— Это зачем? Он же нормальный вроде, – буркнул дед, постукивая листами по столу, чтобы стопка была ровнее.

— Это для вас обоих, чтобы лучше привыкнуть друг к другу, всё-таки давно не общались, могут быть конфликты...

— А без этого никак? – он перестал складывать бумаги и удивлённо посмотрел на председательницу. – Работа у меня.

— Ну, не то, чтобы никак! – заторопилась та, как будто тоже переживая, что дед передумает. – Это наши рекомендации. Может, позже, в июле.

— Нет, в июле у меня отпуск. Мы на дачу поедem к моему другу, – бумаги отправились в портфель.

— А, ну на дачу – это замечательно. Отдохнёте на свежем воздухе. Ну что, Саш, я же говорила тебе: всё будет хорошо! Ты-то рад?

Саша молча глядел в пол — в приюте это вошло у него в привычку. Он хотел было взглянуть на тётку, но никак не мог

поднять глаза. Почувствовав, что на него смотрят и ждут ответа, он едва заметно кивнул.

— Что ж, тогда всего вам хорошего. Остальные бумаги вам сейчас передадут в 102-м кабинете. Удачи!

Когда они вышли на улицу, начинало темнеть. Собиравшиеся всю неделю тучи, казалось, готовы были вот-вот затушить раскалённый асфальт. Мамочки спешили увести детей с площадки и собирали разбросанные игрушки, пока разгорячённая детвора пыталась наиграться впрок.

Рыжий пёс бродил по площадке, провожая взглядом убегающих ребят.

— Рыжик, Рыжик, на, чё дам! – кричал ему Саша. Пёс подбежал к незнакомому мальчишке, как будто знал его целую вечность. Саше вдруг захотелось уткнуться в эту длинную пушистую шерсть, почувствовать тёплое прикосновение, мокрый нос... Пёс улыбнулся открытой пастью, обнюхал протянутую руку.

— Нечего дразнить собаку, если у тебя ничего нет, – нахмурился дед.

— Да я просто погладить хотел! – Саша присел было на корточки, чтобы потрепать пса, но остановился и перевёл глаза на деда, боясь его неодобрения. Только теперь он понял, что совсем не знает этого человека. Не знает, что можно делать, а что нет. А ещё не знает, любит ли дед футбол, умеет ли жарить картошку, и как его нужно называть: дед, дедушка или по имени-отчеству.

— Бездомная собака – чего её гладить, только подцепишь что-нибудь! – Дед посмотрел на часы. – На работу не успел! – Он ещё раз открыл портфель, проверил бумаги, и, махнув Саше головой, пошёл к машине. Саша выпрямился и поплёлся за ним. Под ногами замелькали бледные от засухи чёрточки тротуарной плитки.

СЛАВА

Звонок в дверь. Вот уроды, к матери что ли? Скоро вроде Рождество, наверняка кто-то из её церковных, кто ещё придёт в такую рань, когда у страны двухнедельный запой – только эти, святоши. Башка раскалывается. Надо Филу набрать, сегодня хоть выйти освежиться. Что ж так долго не открывает?! Убил бы, весь мозг прозвонили!

Не вынимая головы из-под одеяла, он нащупал на полу липкий мобильник. Дрянь какая, опять залили. На раздражающем глаз дисплее высветилось 7:30. – Что за... Ну это уж слишком! К матери в такую рань никогда не приходили. Совесть-то у них должна быть... Или не к матери?.. – неприятный холодок пробежал по хребту до самой макушки. – Спокойно, что дергаться, уже три дня прошло. Черт, в голове застучало, как молотком. “Славик, тебе же врачи говорили, нельзя пить столько – у тебя давление!” – скривя лицо, он спародировал мамину интонацию. – Забавно. Он начал вспоминать лысого Игоря Владимировича, который через тройные бифокалы внимательно разглядывал волны его ЭКГ: “Ну и куда ж вы, молодой человек такими темпами приедете? Сначала алкоголь, потом пьяные выходки, незащищенные половые связи, наркотики... а с вашим сердцем, не дай Бог!” – Да уж, мужик, тебе-то Бог явно всего этого не дал, так что не завидуй.

Воспоминания оборвал повторившийся звонок. Неожиданно для себя он съёжился и вжался в спинку дивана. – Да что это я? Сейчас мать откроет или спровадит, кого там принесло. – В коридоре послышались спешные шаги, а из спальни – недовольное ворчание отчима. Секунды превратились в тягучую смолу. – Почему не открывает? – Поддавшись какому-то животному страху, он вытащил голову из душного тепла и начал прислушиваться. Мать явно была растеряна, открывала

медленно, осторожно. Мужские голоса. — Неужели всё-таки к нему?! — Забыв о тяжести похмелья, он в одном скачке дотянулся до двери и задвинул щеколду. Глупый детский каприз, когда он потребовал от матери замок на дверь, кажется, впервые в жизни помог ему почувствовать себя в безопасности. Тогда, в двенадцать лет, его раздражало её вторжение в самый разгар игры в “приставку” с ребятами с её стандартными “мальчишки-не-хотите-покушать”. Он нахмурился – сейчас не время для детских воспоминаний, надо срочно прийти в себя.

— Вот, пожалуйста, ордер на обыск, – посылалось размеренно из коридора. – Да вы не переживайте, вы же знаете – Слава у нас на учете давно. Разговор, конечно, серьезный. Думаю, он сам сейчас все расскажет.

— А обыск зачем? – голос матери звучал встревоженно. На него накатила паника. Он замер, зацепившись взглядом за книжную полку. – Черт, книги! – Две полки готовых улик, всё вперемешку. – Скорей, думай же!

Стук в дверь. И следом бешеный стук – сердце.

— Слава, к тебе пришли. Из милиции. – Мать всеми силами старалась придать голосу твердость и спокойствие. Получалось плохо. Задрожав, как в детстве после холодной речки, он с трудом нарочито безразлично выдавил:

— Ща, мам, я голый. Сейчас штаны натяну.

— Может, вам пока чаю? Давайте я документы заодно поищу. У него выписки есть, характеристика из колледжа хорошая. Мы тогда для комиссии брали, после их собраний на Манежной площади, помните?

— Да уж как не вспомнить, Татьяна Борисовна. Собрание вышло у них на славу. Это уже какой – третий его приезд был? Давайте, несите бумажки, они ему пригодятся.

Думай, думай же! Ты же умный! Среди всех этих тупых баранов ты из тех единиц, которые реально понимают суть дви-

жения. Вот они – доказательства твоего интеллекта – черные обложки, затертые страницы... Это же могила – точно зона!.. Окно... Еще темно, холодно, все спят, никто не услышит! Он подбежал к подоконнику – от рамы потягивало зябкой промозглостью, на улице медленно падали редкие снежинки. – Плохо, не заметет – вдруг найдут? Хотя как докажут? Тогда, на Манежке, у них даже на камерах мелькала его фигура – и то не сумели, не пойман на месте – не вор. Пришлось отпустить за неимением доказательств. Скорей, в запасе минуты две, не больше.

Старые распатанные стеклопакеты открылись бесшумно. Он сгреб с полки полную охапку, свалил на подоконник и неловкими движениями начал выкидывать книги как можно дальше в окно, чтобы не ударились о балконы или карнизы нижних этажей. Внутри все кипело. Казалось, он теряет драгоценное время, не в силах поворачиваться быстрее. В любой момент они могут ворваться. Вторая полка, самое дорогое, его любимое. Книги будто цепляются за шкаф, возмущаются. Их совсем немного – но этого достаточно, чтобы всё сломать. Последняя партия почти растаяла в окне. Осталась только она – его гордость, святыня, книга “великого тирана”. Он в ярости крутился по комнате, пытаясь пристроить ее куда-нибудь, где не найдут.

— Идиот, раньше надо было думать, никаких секретных мест или лазеек. Все на виду. Эта привычка с кадетского корпуса – там быстро “объясняли” новичкам, что такое “прятать”: твои вещи никогда не могли быть только твоими, если ты не из сильнейших. Три года кадетства – три года тоски, унижения, бесконечной борьбы за выживание. Он так и не смог простить матери все эти скитания – пятидневки в саду, лагеря на все три смены и, наконец, – подобие армии для сотни брошенных мальчишек. Первое время он тайком плакал, каждые выходные жаловался ей, просил забрать, обещая прекратить школьные драки и прогулы. Она только разводила руками: у

неё работа, надо на что-то жить, тянуть его в одиночку, совсем не остается времени за ним следить. Он кивал, старался понять, вытирал слёзы и снова возвращался туда каждое воскресенье. Он старался, но так и не смог простить. Там было совсем не так, как показывали в старых военных фильмах. Чтобы выжить, нужно было драться. Постоянно, за всё: за очередь в душ, за вторую котлету, за свою койку у окна. Он дрался с яростью, мысленно представляя в каждом обидчике пьяного отца, которого так и не запомнил. Он с недетской жестокостью бил в лицо, под дых, представляя, как отец корчится от боли. Сначала он дрался, чтобы выжить, защитить себя, затем, завоевывая все больший авторитет, он дрался уже просто, чтобы удержать позицию. Ему нравились восхищенные взгляды ребят, когда он входил в “качалку”, нравилось чувствовать бешеный стук сердца, привкус крови во рту.

Стук сердца... Сейчас оно билось так быстро, будто боялось, что скоро замолкнет. Прятать некуда – последняя книжка полетела в окно. Он глубоко вздохнул, вытер потные ладони о простыню, натянул домашние треники и направился к двери.

— Здрасьте, а вы ко мне? – он не пытался сделать вид, что удивлён.

— Ну привет, Слава. К тебе, давно не виделись, – лицо лейтенанта изображало пародию на улыбку. Второй с раздраженно скучающим видом мешал сахар, мерзко позвякивая ложкой. Звук отдавался в голове долгим эхом.

— Да вроде не так уж и давно, – просиял как можно более беззаботно Слава, – с прошедшими вас!

— Ну что, сам расскажешь или освежить твою память? – поздравление с праздниками не добавило лицам гостей доброжелательности.

— А что, случилось что-то?

— Значит, освежить...

— Мм, да вы начните, а я, может, вспомню. Сами понимаете – Новый год, каникулы. – Желудок начал ныть и выкручиваться, к горлу подступила тошнота, во рту пересохло.

— Где ты был в ночь с первого на второе января?

Конец. Время остановилось, стук внутри тоже замер. Они знают. Откуда?! Это точно конец. Сколько раз всё проходило гладко, неужели Фил? Да нет, не мог он. Хотя если взяли с чем-то, надавили, мог и сдать... Сами идиоты, без масок вышли. Но ведь смотрели по сторонам – никого вокруг. Этот второй не мог знать ни имён, ни адресов. Он и опознать бы их вряд ли смог – темно было, все на одно лицо. Сколько таких ходит по району в праздники. Не доглядели. Да что там – в пьяном угаре можно и не такое проглядеть.

Главное – не молчать слишком долго, а то точно уцепятся. Так, пришли в 7:30. Значит, боялись не застать. Значит, дело ещё не завели – выслали бы повестку, наверное. Возможно, ничего у них и нет, пришли так, просто подозревают. Районная база состоящих на учёте не такая уж большая, вот и ходят, выискивают, может, кто сам дрогнет – сознается. От этих мыслей стало легче: вывернусь. Презумпция невиновности, всё такое.

— Ну, с первого на второе... я как все! – так же безмятежно улыбнулся он.

— Как кто – все? – Тот, что пониже ростом – Павел Сергеевич – начал заметно раздражаться. Он лично вёл дела Славы, был его “куратором”. Нормальный в принципе мужик, сколько раз болтали вне стен отделения, бывало смеялись вместе. Но сейчас... сейчас он смотрел совсем по-другому, как будто у себя в кабинете, полном других ментов. Может, дело во втором, что пришёл? А зачем они пришли вдвоем, раньше такого не было... Спокойно, надо прекращать улыбаться, лучше прощупать, что у них реально есть.

— Как все – пил с ребятами. Потом ещё с девчонками из колледжа. Вы скажите время, чтоб я припомнил.

— Время, Слава, с 23:00 до полуночи. Ну и, собственно, после полуночи тоже.

Знают. Пропал. Всё сходится. Лицо начало гореть, на лбу выступили капли пота. Теперь бы понять, как много они уже знают, да не сказать лишнего.

— Думаю, мы гуляли. Вроде... Да, гуляли по району, петарды пускали. Ничего особенного.

— Ну да, действительно. А что было потом?

Просто дают, разводят. До последнего надо отпираться.

— Да всю ночь и гуляли. Потом... под утро домой. Вроде.

— Да, он пришёл около пяти. Ключ не взял, мне пришлось открывать, – всё это время мать молчала, боясь пошевелиться.

— Татьяна Борисовна, ваши показания нам понадобятся позже! — мать невольно замолчала, оборванная на полуслове, и начала бесцельно переставлять предметы.

Они и правда начинали злиться. Пятое января, 7:30, выезд с обыском. За смену заплатят по праздничному тарифу, но всё же они надеялись провести её в теплом кабинете, по очереди отсыпаясь и просматривая повторения новогодних “Огоньков”. Но на них повесили эпизод с нанесением тяжких телесных повреждений, да, возможно, еще и по 282-й статье. А с нынешним мэром вся верхушка готова выслуживаться по этой линии, целые блоки профилактической работы разработали. На бумаге, конечно, но трудились же. И вот тебе – малолетние придурки не рассчитали силы. А по шапке получит весь отдел.

— Слава, мы тут до ночи сидеть не будем. Или сам расскажешь, или посидишь у нас сутки, поумнеешь.

— У вас? Да что он сделал? Он мой сын, я имею право знать, с какой целью вы его допрашиваете! Он несовершеннолетний! – голос матери звучал истерически.

— Татьяна Борисовна, – уже на повышенных тонах продолжал Павел, – ваш сын, Слава, подозревается в нанесении тяжких телесных повреждений в виде ножевых ранений. Радайтесь, что ещё не с летальным исходом. Но это – уже возможно реальные сроки, а не условка. А это, соответственно, значит – и вам, и Славе стоит с нами сотрудничать. Вы меня хорошо понимаете?

“Радайтесь, что не с летальным”?! – Идиоты, не добились, не проверили. Баран, надо ж было так, ведь нож был, столько ударов – все мимо что ли?!

Голова закружилась. Перед глазами замелькали едва сохранившиеся в памяти картинки. Он выходит из дома с ножом. Просто так, весь день пил, и адреналин зашкаливает. Фил и Лось ждут у подъезда. Пьяные. От холода, наверное, их понесло. Им весело и хочется беситься, как в детстве, тупо громко ржать и бегать. Провал. Сколько прошло времени – час, два? Потом картинка: убегающий мужик под их громкие улюлюкивания... Жалкий трус – сбежал, бросив дружка на расправу. Его уже повалили и дубасят ногами, прыгают, довольно скалятся. Это вкус власти над чьей-то жизнью, с каждым разом он всё сильнее и сильнее. А потом – нож. Он не мог вспомнить, в какой момент достал его, и как решился... Да вряд ли он вообще мог тогда думать. Картинки сменяли друг друга, как за окном поезда. Он ударил его ножом, он помнил это ощущение – раньше не знал, как это – когда лезвие протыкает кожу, входит в мышцы, застревая меж ребрами. Раньше он дрался только руками и кастетом. Было холодно, от удара рука начала заливаться теплой кровью этого урода. Это было чем-то новым, и он вспомнил, как замер, разглядывая стекающие по рукоятке капли. Что произошло дальше – никто не понял. За эти дни они ещё не успели протрезветь настолько, чтобы всё это обсудить. Только картинка в голове, как этот бежит к ближайшему подъезду,

бормоча что-то на своем языке. Как он мог бежать? Может, показалось? Пьяный угар? Нет, он помнил пик своего бешенства – это было уже в подъезде. Он не орал, он хотел просто убить. – Убить, убить эту тварь – снова застучало в голове, как в ту ночь.

— А почему я? – он уже не мог прятаться за маской беззаботной улыбки.

— А тебе доказательства что ли нужны? Ордер на обыск ни о чем не говорит? – в хмылке Павла читалось раздражение вместе с досадой. Он как будто и не хотел особо заморачиваться, да работа такая.

— Насколько я знаю, мне адвокат полагается. Я ведь могу без него ничего не говорить?

Выражение досады сменилось безразличием.

— Можешь, конечно. Насмотрелись американских боевиков, адвоката ему. Раньше чем думал?

— Только в отделение все равно с нами придётся пройти, – впервые подал голос второй, который был крупнее и, видимо, тупее Павла, – бумаги подписать должен, что мы приходили, протокол оформить нужно.

— Да и полезно тебе будет кое-что увидеть. Может, и адвокат не понадобится. Ну, а обыск мы сейчас должны провести. Понятых бы надо, Татьяна Борисовна. Видимо, соседей ваших придется будить.

Взглянув на мать, он заметил, что она будто постарела за эти несколько минут. Она не поднимала глаз на Славу. Она стояла, как тогда, когда он видел ее на воскресной службе в церкви. Она затащила его в тот раз только потому, что ему нужно было получить её согласие на бойцовский лагерь. Взамен Слава согласился отстоять службу: пара часов скуки за три недели настоящей свободы – небольшая цена. Он с тоской разглядывал толстых тёток в платочках (если они все постят-

ся – почему такого размера?) и странных мужиков с блаженными лицами. Неужели мать думает его таким способом изменить? Глупо. Кроме отвращения ничего. Ну и смех иногда берет, глядя, как они чуть ли не лбы расшибают в поклонах. А потом он увидел её... как-то по-новому увидел. Они никогда не были близки: она постоянно его куда-то сдавала, перепоручала, избегала разговоров, редко обнимала. Но в тот момент она показалась совсем чужой и далёкой, как из другого мира. В этом своём смирении, в этих шепчущих губах, складках на лбу – она была пугающе чужой. В тот момент ему стало так больно, так горько от своего одиночества. Он возненавидел её Бога и всю его церковь. Возненавидел со всей детской беспощадной ревностью. И с каждым годом, с каждым очередным церковным праздником, с каждой новой книгой, которую она пыталась ему подсунуть, – эта ненависть только росла.

И сейчас она стояла перед ними, как тогда, в этой смиренной позе. Ему стало тошно и гадко, она была ему отвратительна, она всегда пыталась вызвать у него чувство вины, это бесило. Где же ее дорогой Бог? Что ж не поможет? Ах, ну да, ей-то он поможет, но не Славе. Ведь это же она любит Его. Раньше её слова вызывали боль и обиду: “Славик, больше всех я люблю Бога, а на втором месте навсегда будешь только ты. Так должно быть у верующих, ты не можешь обижаться!” – Ну да, конечно. На втором месте у родной матери! Никогда я не буду вторым, я – первый, я – лидер! – он жил этой идеей лет с двенадцати, с тех пор, как мать, по его выражению, вдарилась в религию, променяв на неё, – он с горечью повторял это, травляя душу, – его, Славу, единственного сына.

На зону не хочется. Хотя малолетка ему уже не светит, можно не бояться этого зверья, а по законам взрослой за его статью будут только уважать. Для некоторых, особо ценных в сообществе, специально есть фонд – из него на зону шлют

деньги, технику. Он сам переписывался с одним таким: шесть только доказанных убийств в Воронеже, уже вторая судимость. За это свои его не забыли: ноутбук с круглосуточным интернетом – выкладывает фотки каждый день! Ну и ничего так – живёт там, не напрягаясь вроде. Не всё так страшно... Да и вообще пока рано ещё волноваться, пока кроме учета у него даже условия нет, всё только грозятся.

Пришли соседи, он проводил их всех в свою комнату и вышел. Не хотелось всё это видеть. Книги выкинул, нож ещё в ту же ночь спустили в канализационный сток, одежда, выстиранная на балконе – следов крови там не было. Пусть сами шарят. Сначала он подумал остаться – посмотрелся сериалов, где менты что-то подбрасывают по ходу обыска, но поразмыслив, решил, что это не его случай. Его же не в распространении подозревают. Да и Павел вроде нормальный мужик. Голова гудела, каждый шаг был в тягость, хотелось сигарет и пива. Он вышел на балкон в гостиной. Уже светало, редкие снежинки исчезли, оголив грязные тротуары. Там снаружи было также паршиво, как внутри: грязно и холодно. Паника сменилась какой-то обреченностью. Он просто ждал. Сил не было спорить, что-то доказывать, отмазываться. Он долго стоял прищурившись в поисках решения, как вести себя дальше. Бороться сил не было, да и глупо, обыск есть – значит зацепок достаточно. Но просто сдать ментам с чистосердечным и молча вздохнуть – это не для него... После нескольких затычек немного отпустило. Руки перестали дрожать, морозный воздух остудил голову. Выходил с балкона он уже с твердой стратегией. Он не будет опровергать того, что они уже доказали. Но и ничего нового им не сообщит. Только не с повинной, не со страхом перед этими волками!

В отделении было тепло и мрачно. Обыск ничего не дал, по пути в ОВД все трое молчали. Слава списал это уныние ментов на отсутствие у них прямых доказательств. Скорее всего,

привод сведётся к подписанию бумажек. Вроде и порадоваться можно, но день уже был испорчен. Хотелось поскорее уйти отсюда, отоспаться и хорошенько напиться вечером с пацанами, поржать над ментовским проколом с книжками.

— Вадик, принеси там из сейфа конверт желтый, – Павел проводил напарника взглядом, бросил на стул куртку и внимательно посмотрел на Славу.

Вадик вышел, и Славе стало как-то некомфортно от этого пристального взгляда. Отшучиваться настроения не было, скорее, хотелось наругать. Он начал рассматривать уже давно изученные щели в полу, свои кеды, запачканные джинсы.

— На, держи, – желтый объемный конверт глухо стукнулся о стол.

— Ну что ж, тогда приступим.

Последующие манипуляции не вызывали у Славы интереса, поскольку ни один, ни другой не обращали на него никакого внимания, и Слава решил, что конверт к нему отношения не имеет, а его подержат здесь подольше просто для профилактики. К этому он был уже привычный и постепенно начал задремывать в мягком старом кресле.

Но когда его окликнули и подозвали к монитору, что-то неприятно кольнуло внутри.

— Ты с креслом двигайся, полюбуйся с комфортом.

Несколько секунд на экране рябили черно-серые полосы, ничего не происходило. Потом появилось какое-то размытое изображение. Постепенно картинка выровнялась и выдала обзор лестничной клетки и, по-видимому, входной двери. Вид сверху, как будто через лупу, немного искаженный. Несколько секунд картинка просто висела, наконец дверь открылась и кто-то вошел. Точнее, вбежал. Через секунду показалось застывшее от страха лицо. Вбежавший пытался захлопнуть дверь, что-то кричал. Внезапно дверь снова открылась. Толка-

ясь, ввалились три фигуры и начали хаотично двигаться перед лестницей. Один оторвался и стал медленно подниматься по ступенькам, потряхивая каким-то предметом в правой руке. Его походка отличалась от метаний того, первого. Он шёл твердо, вытянув шею и широко расставив руки. Пленка периодически чуть-чуть зависала, и картинка шла как будто в замедленном темпе. Двое других так и замерли почти у самого входа. Звуча не было, но Слава уже знал, что кричит этот здоровенный бритый бугай. Крупным планом, почти глядя на них с экрана, он занес свой нож и несколько раз с силой воткнул его в медленно сползающую по стене фигуру. Она сползла, как тряпичная кукла. Бугай пнул ногой лежащее тело и развернулся к другим двум прямо перед самым объективом. С экрана на сидящих в кабинете смотрел Слава.

* * *

Оглашается приговор... согласно Уголовному кодексу Российской Федерации... дело номер... два года колонии общего режима... условно.

Из зала заседания начали медленно выходить присутствовавшие на слушании. Слава шёл, растерянно слушая причитания матери. За последние месяцы он слышал это сотни раз: как она ездила с сумками еды к раненому в больницу, как отчим переводил ему деньги сразу на родину, потому что Сулейман боялся, что сам не выживет, а раз деньги предлагают — надо все переслать семье. Она столько раз пыталась потащить с собой Славу в больницу, чтобы он извинился, но после его резких слов, что он не сожалеет ни о чем, мать решила не рисковать и уладить все самостоятельно.

— Ну что, доволен своей “Минутой Славы”? — отчим ухмыльнулся собственной находчивости, но, встретив каменный взгляд, быстро отвёл глаза.

ЗАЧЕМ ИМ ЖИТЬ?

ЗАЧЕМ ИМ ЖИТЬ?

ЮЛЯ

*"...А я хочу так страстно жить, веровать, чувствовать!..
Я ведь умру, умру, а так хочется жить, уехать, жить, жить!..."*

*Дневник ленинградского подростка-блокадника
Юры Рябинкина*

Дети Великой Отечественной – что видели они до 1941-го года? Успели ли запечатлеть в памяти те самые мимолетные мгновения детского счастья, которые греют потом нас всю жизнь? Да что там – сохранить в памяти, довелось ли этим ребятам хотя бы испытать их? Что успела им дать жизнь до войны, чтобы они запомнили, ради чего им стоит бороться? Откуда-то в них было это отчаянное желание – выжить, несмотря ни на что. Блокадный Ленинград. До нас долетели лишь обрывки хроник, отголоски рассказов, страшные черно-белые кадры умирающих прямо на улице людей... Потомки хранят эти свидетельства, создают по ним новые фильмы, ставят спектакли, стараясь отдать дань тому подвигу, причины которого останутся для нас тайной. А может, у подвига и не должно быть причин, его просто совершают, не успевая задуматься.

2014-й. Юле пятнадцать лет. Для чего жить – она не знает. О таких, как она, говорят много похожих фраз: “заелись... бессовестные... горя не хлебнули – вот и не ценят ничего...”. Она слышала это много раз. Возможно, раньше ей было обидно и хотелось заплакать. Сейчас ей всё равно – бессмысленно отвечать. Юлиной маме тридцать пять. Она наркоманка. Уже

четырнадцать лет. Юле повезло: в отличие от младших Коли и Насти её сама мама успела родить до того, как начала колотья. Коле восемь, а Насте четыре. Юля не знает, любит ли она их. Она вообще не знает, любит ли она, умеет ли любить – это для неё какое-то странное чужое слово из сказок. Папа у Юли тоже есть. Вроде как даже полная семья получается, когда папа бывает с ними в перерывах между сроками в тюрьме.

Когда Юля была маленькая, она играла с маминими шприцами в больницу. Потом домой стали часто приходиться из милиции. Она знала, что это плохо: в фильмах и передачах милиция приходила, когда делали что-то плохое. Маме было всё равно, а бабушка начинала бегать по дому и убирать все мамини “лекарства”. Когда Юле было пять, маму лишили родительских прав. Милиция решила оградить ребёнка от матери-наркоманки. И Юлю отдали под опеку... её бабушке. Об этом Юля узнала случайно уже лет в двенадцать, потому что в её жизни с решением чиновников ничего не изменилось: она осталась жить в той же квартире с мамой-наркоманкой и бабушкой, выросшей наркоманку.

Наркоманами не рождаются. Как правило, ими не становятся по принуждению. Ими вырастают: из бесконечных скандалов и ссор, из обвинений и сравнений со всеми, кто лучше, из унижений от близких, из конфликтов старших, из оскорблений и физических наказаний, из безразличия родных. Ими вырастают медленно, на виду у многих: родственников, соседей, учителей.

Умирают тоже часто на виду, тоже медленно, долго. Юлина тётя не хотела долго: она умерла быстро, одним шагом – из окна. Юля видела этот шаг. Бабушка много лет потом плакала и приговаривала, что Юля её последняя надежда. Теперь у бабушки есть ещё Коля и Настя. Они, может, и не хотели пробовать наркотики, но мама не спрашивала их во время бере-

менности. Ей было плохо, и ей нужно было “лекарство”. Юля всё это видела и теперь рассказывает с безразличием. И оно не показное, не надуманное. Возможно, на эмоции у неё просто не осталось сил. Все ушли на детские переживания, когда мама по несколько дней не появлялась дома, а бабушка то плакала, то кричала на Юлю по любому поводу. Ей было обидно: плохо вела себя мама, а ругалась бабушка на Юлю. Но она молчала, потому что боялась, что если бабушка будет ругаться на маму, та снова уйдёт и больше не вернётся.

Постепенно Юля стала все меньше переживать: то ли устала, то ли привыкла, то ли стала сухой и чёрствой. Она не любит документальное кино про войну. Она смотрит на чужое горе с таким же безразличием и скукой, с каким теперь воспринимает бабушкины слезы, мамины обещания про “последний раз”, папины редкие появления, ворчание учителей и бесконечные собственные скитания по больницам, приютам, реабилитационным центрам. Юля употребляет уже два года. И ей всё равно. В каждом новом месте, где ей говорят, что хотят помочь, она никому не врёт: она не хочет помощи, она хочет наркотики, и чтобы её не трогали, и да, ей всё равно, что будет потом.

Пробовали объяснять ей, ради чего стоит жить, рассказывая замечательные истории про то, как может ещё сложиться судьба, как много у неё будет счастья, любимый человек, дети, семья, работа, друзья, творчество. Ей приводили реальные примеры, люди, переставшие употреблять, делились своим опытом. За пару лет она слышала и уговоры, и обвинения, и наставления, и просьбы, и угрозы... Но после всего, что довелось ей увидеть, Юле больше не интересно. Нет, она пока не дошла до мыслей о самоубийстве, хотя специалисты и называют употребление наркотиков пролонгированным суицидом. Но и особых усилий, чтобы сохранить здоровье и свою жизнь, Юля прикладывать не станет.

Дети блокадного Ленинграда знали, что им нужно выжить, нужно обязательно постараться. Где-то глубоко внутри они наверняка верили, что война закончится, и у них будет лучшая жизнь. И им не нужны были уговоры, просьбы, наставления. Они хотели жить. А Юля не хочет. И таких, как она, сейчас очень много. Там, где они вырастают, почему-то не могут дать им ту уверенность, которая была у маленьких голодных замерзающих детей, что жить обязательно стоит. Очень просто обвинять Юлю и таких же, что они не могут взять себя в руки и жить по-человечески. Но ответственность за боль в их душах лежит на всех тех взрослых, которые не смогли вселить в них любовь к жизни, которые оставили там пустоту.

ВАСЬКА

"Выдержим ли? Главное и единственное желание – не потерять детей, не видеть их гибель... Я с ужасом смотрю на него [сына]. Боюсь, что он погибнет... Мальчика не узнать... Если так будет продолжаться, он погибнет. Делаю всё возможное, чтобы его лучше кормить, но всего этого слишком мало..."

"Годы скитаний: Из дневника одной ленинградки"

Елена Скрябина

Могли ли матери Ленинграда, каждый день сдавливаемые кольцом смерти, представить себе живущих в мирном комфорте женщин, которым не нужны будут их собственные дети...

Васе шестнадцать. Когда он смотрит без злобы, он похож на домашнего зверька, которого вытащили из его угла, но пока не известно зачем. Последние три года его постоянно пристраивают куда-нибудь на исправление. Он всё понимает, дает обещания и даже держится какое-то время. А потом

с ним что-то происходит, он даже не может объяснить — что. “Оно само” как-то так случается. Вроде просто гулял с друзьями, как-то само собой решили выпить, и тут угнали машину... покататься. А в другой раз хотели пошутить – на спор взломать киоск с мороженым, просто посмотреть, сколько его там, а вышло не “просто”.

“Мы хотим от него отказаться. Но я не знаю, как ему сказать. В общем, вы тут как-нибудь с ним поработайте, чтобы он сам понял, что ему лучше в детском доме, сам решил, что мы ему плохие родители, не справляемся. Ну вы же специалисты, это ваша работа в конце концов с ними разбираться!” – с таким запросом полная раздражения и претензий пришла Васькина мать. И больше не приезжала к нему. А Васька ждёт, каждые выходные ждёт, как будто от безделья подходя к окнам.

На звонки мать отвечает, говорит, что занята, даже спрашивает, как дела. После каждого такого звонка Вася что-нибудь ломает или дерётся с кем-то. А взрослым объясняет, что мать много работает, она в детской комнате полиции какой-то начальник, у неё много таких подопечных, как Васька, он сам виноват, а она очень устаёт, а отец и подавно. Никто не знает, о чем она думает. Может, вспоминает, как много лет назад увидела его глаза в “Доме малютки” и поняла, что больше не сможет заснуть, пока не заберет его к себе, навсегда. Потом были долгие недели оформления бумаг, бесконечные казённые коридоры, сухие разговоры, мрачные предупреждения о тяжелой наследственности, генах, последствиях.

Для неё “приготовили” в тот день девочку. Говорили, что интеллигентная семья, несовершеннолетняя дочь оступилась, благородные родители не могли позволить ей сделать аборт и убить крошечную жизнь. Но и оставить не могли, “это перечеркнуло бы карьеру трех поколений”. Маленькая Маша – любимица всего персонала, как будто в подтверждение семейной

истории была спокойной, ела по расписанию, ночью почти не просыпалась, развивалась с опережением. В тот день к новым родителям должна была уехать она, а не громкий, весь в диатезе Васька, не дающий ночами спать санитаркам своим не по-детски надрывным плачем. Но его глаза... Увидев их, женщина выбрала Ваську.

Эту историю мать рассказывает специалистам в каждом новом месте, куда пристраивает сына. При этом в завершение конечно же требует, чтобы “тайну усыновления” сохранили, грозитя судами, оставляя сотрудников в оковах молчания и переживания. Они смотрят на взрослого парня и все понимают, но права не имеют объяснить ему, почему с ним так часто “оно само происходит”, отводят глаза. Закон о тайне усыновления статья 139 СК РФ..

Приёмные дети в нашей стране не имеют законного права знать, что они усыновлены. Этот вопрос отнесли к “этическим” и решение его отдали целиком под ответственность усыновителей. Никто не задумался о том, что у человека есть право знать, откуда он. Принцип “а зачем ему знать?” защищает на самом деле интересы только приёмных родителей, которые по определенным причинам скрывают от окружающих факт усыновления. В большинстве цивилизованных стран усыновители обязаны с самого начала объяснить ребёнку, что он приёмный. Ему предоставляют право знать правду, оберегая от возможного “сюрприза” в будущем.

К таким законодательным изменениям пришли не спонтанно, а через массу исследований того, что происходит с приёмными детьми. Выяснили: в глубине детского сознания сохраняется память о биологической матери. И рано или поздно эта память начнёт проявляться в виде тоски и боли. Разница лишь в том, что ребёнок, знающий о своем усыновлении, может пожаловаться на эту боль, получить разъяснения, своего

рода “разрешение” на переживания. А оставленный в неведении не сможет найти объяснения своей тоски. Не понимая её причины (ведь вроде всё есть, и семья, и любовь), он начинает чувствовать вину за свои переживания, страх и непонимание, откуда взялись эти чувства. Душа маленького человека не способна сама справиться с таким наплывом непонятных эмоций. И они начнут выплёскиваться: в агрессии, в болезнях, в драках, в депрессиях. У каждого по-своему, но обязательно начнут выходить.

Вася не знает, что мать больше не хочет его забирать. Не известно, что будет, если узнает. Как не известно и то, узнает ли он когда-нибудь, что однажды другая мать уже отказалась от него. Та, в которой зародилась его жизнь, была этим крайне недовольна. Она колосась уже два года, как и её партнер. Они даже не рассматривали вариант, чтобы сохранить жизнь ребёнку. Но и для аборта нужно было приложить усилия – дойти до врача, записаться, назначить день. Жизнь наркомана непредсказуема, и в момент употребления мысли о других делах отходят на второй план. Ругались они между собой часто – денег постоянно не хватало. Отец Васи регулярно избивал его мать, и она думала, что зародыш скорей всего и сам надолго в ней не задержится. А в одну из пьяных драк она “нанесла смертельные ножевые ранения своему сожителю”. Так было озвучено на суде. Вроде и не хотела, но так уж случилось. Мать посадили, и уже в изоляторе знающие люди ей подсказали, что беременным создают более комфортные условия, заставить делать аборт не имеют права, ещё и срок сократят возможно. Вот тогда и нашёлся смысл для Васиной жизни. Мать решила его сохранить. Но для себя сразу решила, что напишет отказную.

Месяцы беременности давались тяжело, в колонии достать наркотик у неё не получалось (за будущими мамами следили отдельно), а тяжелые ломки изматывали и без того перегру-

женное новым бременем тело. Периодически она подумывала об аборте, но всё же удержалась. После родов она согласилась взглянуть на ребёнка, подержала его на руках и передала санитарке: “Ну, удачи тебе. Вы его заберите, кормить я не буду, пусть отдадут кому-нибудь”. Персонал думал, что мать всё же захочет оставить крошку себе, хотя бы на какое-то время. Они часто видели, как менялись лица заключенных при взгляде на малюток. Не случилось!

Мальш был совсем синюшным, врачи полагали, что долго он не продержится. К удивлению всех, он окреп и через несколько дней был переведён из тюремной больницы в детскую, где продолжал бороться, несмотря на выявленные патологии сердца. Имя ему подобрали из списка именинников. В Доме малютки к таким, как он, привыкли и радовались, что мальш не заразился ни ВИЧ, ни гепатитом, набирал вес на казенных смесях. Только плакал, то громко и надрывно, то тихо, поскуливая. Для своей биологической матери он выполнил миссию. Он пожил ради неё. Но больше он был ей не нужен.

Между прочим, проблема далеко не частная. В России в местах лишения свободы содержится более 700 беременных женщин и матерей с детьми до трёх лет. За статьи, связанные с наркотиками, сидит около 15% таких матерей. По достижении ребёнком трёх лет мать обязана его отдать на воспитание либо родным, либо в детский дом, и он станет “отказником”, даже если мать того не хочет. А вот “на воле” статистики матерей-наркоманок как таковой нет. В нашей стране официальная статистика основывается на данных учёта в наркологических диспансерах. Между тем очевидно, что выявлены и поставлены на учёт далеко не все зависимые. Соответственно подсчитать количество рожающих наркоманок практически невозможно.

Но можно точно говорить о том, что предположение, будто младенцы-отказники в большинстве своем дети наркома-

нов и алкоголиков, – это миф. Большинство так называемых “ранних” отказников – это дети несовершеннолетних мамочек, дети приезжих. Зависимые пациентки редко отказываются от своих детей будучи “на воле”. Обычно таких матерей лишают родительских прав значительно позже, так как государство до последнего пытается предоставить матери шанс на исправление, даже если цена этого шанса – искалеченное детство.

А вот статистика усыновления исследуется активно, но она достаточно противоречива. В нашей стране существует много видов взятия ребенка в семью: усыновление, опека, патронаж. Также существует и несколько этапов изъятия ребенка из семьи: ограничение в правах, лишение родительских прав, передача под опеку близким родственникам. В связи с этим достаточно сложно определить статистические показатели по ситуациям с отказниками и усыновлением. По некоторым данным, в России ежегодно происходит 10–11 тысяч случаев отказа от детей в родильных домах. Тысячи детей становятся сиротами при живых родителях. При этом статистика усыновления, как уже говорилось ранее, крайне расплывчата в связи с разными формами помещения ребенка в семью. В среднем в семью ежегодно забирают около 7–8 тысяч детей. Вроде бы и неплохая цифра, скольким могут – столько и помогают. Но страшны другие цифры, которые мало где публикуются. Цитирую: “Ольга Голодец, заместитель председателя правительства РФ, рассказала во время своего выступления в Госдуме, что в 2012 году в детдома было возвращено более 4,5 тысячи детей” (<http://deti.mail.ru/news/bolee-45-tysyach-detej-vernuli-v-detdoma-v-2012-go/>). Таким образом, получается, что каждого второго взятого в семью ребёнка снова возвращают в детский дом. Фактически бросают дважды! И вряд ли найдётся специалист, который будет спорить с тем, что

страшнее повторного отказа не может быть ничего, уж лучше бы и не затевали.

Социальная реклама пестрит пропагандистскими лозунгами “измени одну жизнь – возьми ребёнка”, “каждому ребёнку – свою семью” и прочее и прочее. Вроде бы замечательная идея, не придерёшься. Только слишком много иллюзий в этих ярких роликах, похожих на рекламу товаров. Никто не предупреждает приёмных родителей, как много им предстоит разочарований. А эти разочарования рождаются из иллюзий большого светлого будущего без изъянов. Мало кто задумывается, что однажды душе такого ребенка мир взрослых людей нанес страшную боль. И эта психологическая травма при каждой ссоре или обиде станет давать о себе знать. А новые родители будут обижаться, что не заслужили такой агрессии и неблагодарности от приёмного ребенка, будут укорять его, винить, провоцируя тем самым всё больше злости и обиды.

Васька берёт на себя целиком ответственность за всё, что с ним происходило, никого не виня, оправдывая и родителей, и учителей, и всех тех, кто пытался помочь. Его чувства вины хватит на целую дюжину таких подростков. Оно пожирает его душу изнутри, прорываясь наружу... яркими вспышками агрессии. Тогда открывается другой Васька. Глаза темнеют, взгляд мгновенно меняется, все мышцы как будто собираются в панцирь. Геннадий Полока отхватил бы его без раздумий для своей “Республики ШКИД”. Любой попадающий в поле его зрения может услышать жесткие оскорбления и ругательства. Он выкрикивает всё это с вызовом, как будто ожидая в ответ удара. Не получая его, он озлобленно бродит на присогнутых ногах, стуча кулаками о стену. Понимающие взрослые молчат, выжидая спада ярости, слыша тот поток боли, который не уместается в задавленном сердце Васьки. Другие ругают его и жалеют Васьки-

ных родителей. Он слышит слова осуждения, даже если их не произносят вслух. Он знает их наизусть за столько лет, они постоянно сами жужжат в его голове. Васька идёт в дальний угол и начинает бить себя, царапать, щипать, стучать ногами о стены до тех пор, пока хватит сил. Он ненавидит себя и не хочет жить. Он не знает, зачем ему жить, если он сам себя не может полюбить. Его тело привыкло к физической расправе с раннего детства, он по инерции продолжает сам себя наказывать, если никто другой не включается в этот замкнутый круг его “воспитания”.

Били Ваську, сколько он себя помнит. За чавканье за столом – подзатыльник, за порванную рубашку – ремня, за сломанный магнитофон – палкой. Васька рассказывает это смеясь, когда кто-то из взрослых спрашивает о шрамах. Он улыбается по-детски искренне: “Да если б не били меня, я бы вообще непонятно кем вырос! Другого пути со мной и не было! Хорошо, что били, хоть в башке что-то осталось, а то бы...”. Нет у него ответа, что бы было, если б не били. Мать после каждой такой выволочки подзывала его к себе и объясняла, что она его любит, поэтому и бьет, что это для его же пользы... Так и лупит он теперь сам себя, чтобы польза была или потому, что правда верит, что это такое проявление любви. Приступы агрессии и самоагрессии проходят, и Васька устало ложится на свою койку и несколько часов молча лежит. Потом пару дней ходит с недовольным лицом, о чём-то думая. А вскоре снова появляется тот искренний взгляд, который делает его похожим на зверька, но домашнего, потерянного. Его и зовут обычно ласково – Васька, за добрые глаза с едва заметными искрами тоски.

Когда его спрашивают про употребление, он растерянно отвечает, что это его способ успокоиться. Так он не чувствует вины хоть какое-то время. Он знает, к чему это приведёт. Полгода назад он начал колотиться. Васька считает, что после этого

он стал спокойнее, потому что наркотик выключает в нём все чувства. Чувства Васе мешают, их слишком много, и они тяжёлые. На жизнь он смотрит философски: “Я для мамы живу. Она столько в меня вложила, столько мучилась. Так бы я и не стал напрягаться, устал я что-то жить, надоело вроде. Если б кто убил там или машина сбила – было б проще. Самому тоже хочется, я уже пробовал несколько раз, но маму жалко, не поймёт, плакать будет, что я так. Ради матери я исправлюсь, ей очень нужно...”. Он говорит это снова и снова, давая обещания, ставя новые цели, выполняя задания специалистов в каждом новом месте исправления.

Никому никогда не узнать, отчего так особенно горько плачут отказные младенцы: понимают ли, что больше никому не нужны, тоскуют ли или просто ослаблены. Но глаза у них особенные, это замечает весь персонал и родильных домов и детских больниц.

Что-то сломалось в человеческих отношениях, в семейных ценностях. И, как сломанный заводской механизм, выдающий брак, деструктивные семьи ломают ещё только зарождающиеся жизни.

Можно сослаться на тяготы 90-х, потерянность старшего поколения, погруженность в страхи и переживания за неопределённость будущего – собственного и страны. Мол, не до духовного воспитания детей было. Но если разобраться – кто растил тех мальчишек и девчонок, уходивших на фронт в 40-е? Их растили люди, родившиеся точно так же во времена развала одной страны и драматических попыток строительства другой. Но они смогли не только сохранить духовность, но и воспитать её в своих детях, вырастить из них героев.

Во все времена во всех странах существовали неблагополучные семьи. Но таких, как Юля и Васька, было значитель-

но меньше. Вместе с прогрессом мы приобрели замкнутость и безразличие. Начиная с безразличия внутри семьи, и дальше – безразличие соседей, учителей, коллег, просто людей на улицах, проходящих мимо, безразличие государственных структур... А за безразличием приходит жестокость. И она тоже начинается с семьи. Физические наказания появляются от бессилия родителей, от незнания, как можно по-другому. Но и рождают они лишь страх и обиду, которые обязательно выплеснутся на кого-то в будущем.

Возможно, сила русского человека не в идеологии, которая не раз менялась (от язычества к Христианству, от монархии к коммунизму, от коммунизма к...). Его сила в родовой духовности, самобытности. Это, безусловно, лишь субъективное мнение, сложившееся из определенного профессионального опыта. Но, быть может, опора на эти корни, напоминание о них помогут воссоединиться с духовным началом, заложенным в нас. Мы, как страна, как отдельно взятые её представители, постоянно смотрим либо вперёд (будущее, прогресс, развитие), либо на тех, кто “бежит” на соседних дорожках (опережающий Запад, догоняющий Восток, отстающие страны). Но будучи ориентированными вовне, мы слишком редко заглядываем вглубь себя, в глубину наших традиций и достижений, не используя и со временем теряя уникальную силу, переданную нам от поколений предшествующих. Возможно, именно эта сила способна восстановить ту духовность и любовь во внутрисемейных отношениях, которые позволяют детям жить ради самой жизни, как умели наши предки, не изводя себя вопросом: стоит ли?

ПОЧЁМ ДЕТИ?

На семейной консультации в реабилитационном центре сидят двое взрослых и девочка пятнадцати лет. Девочка руки скрестила, нога на ногу, смотрит исподлобья, кожа вокруг ногтей в болячках от обкусанных заусенцев. Страшно ей. Хотя она-то страха навидалась и похлеще от родных родителей-наркоманов, убитых у неё на глазах их обкурившимися друзьями. Страх девочка маскирует грубостью и безразличием.

Маша из опекунской семьи. Стандартные особенности трудных подростков: прогулы, частые ссоры дома, выпивает в компаниях. Пока ничего криминального, но она же "государственный ребёнок", потому каждый её шаг фиксируется. Она в семье не одна: их шесть детей. Все взяты под опеку. Родители с ней не справляются: "Все остальные нормальные дети, а Маша – с ней просто невозможно! Да она ещё и младшим пример подает!" Почти час родители снова и снова срываются на критику и обвинения, несмотря на замечания психолога.

Маша психует, шлёт всех по известному адресу и выбегает из кабинета. Родители, закатив глаза ("Вот, вы посмотрите на неё!") продолжают жаловаться, представляя Машу необыкновенным монстром (жаль, нас не впечатлишь, мы-то Машу уже вполне оценили, у нас есть, с чем сравнить). Провокационный вопрос специалистов, чтобы как-то побудить опекунов вспомнить, зачем они Машу когда-то взяли: "А почему не откажетесь?". Если бы семья была родная, то на такой вопрос мы бы увидели недоуменный взгляд ("Вы вообще в себе?") или, если случай совсем тяжёлый (колется три года, мать бьет, из дома всё выносит) – тихое: "Люблю её. Она моя дочь, моя кровь. Я до последнего за неё бороться буду".

Но Маша не родная. Хотя в этой семье уже семь лет. Поэтому опекуны Маши доверительно снизив тон сообщают: "От

государства у нас жилплощадь, которую выдали именно под воспитание шестерых детей. Пока было трое, ничего не полагалось. А теперь вот дом дали, с участком. А если Машу вернуть, то могут дом забрать. Шестерых надо или лучше даже побольше". А сил у Машиных родителей на её выкрутасы больше нет. Поэтому они решили с Машей договориться: чтобы сама отказалась от них. А пока она у нас в реабилитационном центре полежит, они себе присмотрят другого шестого ребёнка... Им дадут, у них хорошие показатели: остальные дети нормально учатся, на секции ходят, дисциплинированные. Вот если б ещё от нас выписку, что Маша совсем неадекватная...

Наблюдая за всё набирающей обороты социальной пропагандой, ощущаешь, что государство явно наметило цель: покончить с детскими домами и распределить воспитанников по приёмным семьям. Ролики по ТВ, билборды вдоль трасс, фестивали, плакаты на остановках, рекламные брошюры... Идея взятия ребёнка в семью пропагандируется повсеместно. И, вроде бы, цель-то благая, да вот только бороться с социальным сиротством (когда дети стали сиротами при живых родных) с помощью подобных акций не слишком эффективно. Ведь проблема не в том, что детей не хотят брать, проблема в том, что дети почему-то оказываются в детских домах. И если рассортировать нынешних детдомовских, через пару лет снова появятся дети, выброшенные из семей, кстати, многие из них будут выброшены вторично – уже из семей приёмных, но об этом чуть позже.

Вопрос нужно решать на уровне профилактики сиротства в принципе. Отказываются чаще всего несколько категорий: несовершеннолетние мамы под давлением семьи, да большое количество иммигранток из стран СНГ. Остальные категории женщин либо в состоянии самостоятельно ребенка вырастить (если связь с его отцом была случайной), либо делают аборт.

Конечно, бывают и исключения, но все же в основе отказа от ребёнка – невозможность его вырастить. А если копать глубже, то в незнании/невозможности своевременно использовать контрацептивные средства. Если ты знаешь, что не готова к детям, так есть много известных способов это предотвратить.

Но это звено наше правительство, кажется, игнорирует. И если где-нибудь в Малави из-за высочайшего уровня ВИЧ-инфекций контрацептивы раздают бесплатно в любом сельском магазине, то в нашей стране стоимость упаковки презервативов сравнима со стоимостью нескольких банок алкогольных коктейлей. Неудивительно, что молодые отцы делают выбор в пользу выпивки.

Следующее звено – поддержка матерей, которые остались в трудном положении. Существуют так называемые центры помощи молодым мамам. Но многие ли о них знают? Видели ли вы рекламы на остановках, в метро или по телевидению? Слышали ли о телефонах доверия для девушек, задумывающихся об аборте?

Зато обороты рекламы передачи детей из детского дома в семьи колоссальны. Вряд ли где-то ещё в мире можно найти такое количество форм помещения ребёнка в новую семью, как в России. У нас это и патронатные родители, и опека над ребёнком, и попечительство, и так называемые деревни SOS, где на 7–9 детей одна приемная мама (папы приемным детям, видимо, не полагаются, не напасёшься пап, в родных-то семьях не всегда имеются). Есть и различные формы госучреждений: социальные центры, приюты, интернаты.

Зачем людям, желающим взять чужого ребёнка, так много вариантов по форме усыновления? Отличие по сути только в степени ответственности и... в размерах ВЫПЛАТ. В прежние времена был только один вариант: усыновление. Хочет семья брать ребёнка – берёт. Без пособий, денег, льгот. И живёт, как

любая обычная семья со своим ребёнком: сами содержат, об-учают, терпят, спорят, решают, ругают. Родители несут пол-ную ответственность за усыновленного ребёнка. Но и права у них полные, вмешательство государства только согласно общему законодательству. Теперь же помимо классического (увы, всё менее популярного в наши дни) способа, появились разнообразные варианты, как можно взять ребёнка: ребёнок выходного дня или летних каникул, ребёнок на время (при-смотреться), ребёнок на довоспитание (берем в 16 лет и в 18 отпускаем), патронатная семья, опекуны и прочее.

Большинство этих форм сопровождается выплатами го-сударства. То есть замечательную маркетинговую стратегию выработали где-то там, наверху: раз у нас не берут детей из детских домов, надо к ним в придачу давать какой-то бонус: единовременные выплаты, ежемесячные пособия, дополни-тельные льготы, а то и, может, жилплощадь, пусть хоть на вре-мя! Аوصь, и возьмут! Очень в духе рыночной экономики.

Стимул нашли, теперь надо придумать, как это получше обозвать, чтобы не совсем по-торговому смотрелось. А пре-подносят это вот так: опекунство – тоже работа. Такой труд нужно оплачивать достойно, как труд работников детских до-мов. И вроде, если не вдумываться, то вполне ничего так объ-яснение, правда? А вдумываться-то не хочется, если тебя это не касается, если это происходит с чужими детьми. А вот если вдуматься... про что это: "Моя работа – быть матерью, госу-дарство платит мне за это. Я выполняю свои функции матери и отчитываюсь перед государством". Это про любовь? Про тепло? Это вообще про чувства? Это правда про материнство и семью? Работу, особенно тяжёлую, всегда можно поменять...

В поисках официальной статистики возвратов приёмных детей (которая нигде не афишируется, дабы не пугать воз-можных будущих кандидатов в усыновители), можно нат-

кнуться на статью Александра Шмелёва на сайте pravmir.ru. Статья называется обнадеживающе: "Процент возврата усыновленных детей сильно преувеличен" (pravmir.ru/alexandr-shmelevprocent-vozvrata-usynovlennyx-detej-silno-preuvelichen). Открыла её с надеждой на реальные цифры. Автор приводит доводы, что сенатор Петренко в своем нашумевшем (увы, только в среде специалистов) докладе обнародовала завышенные цифры по возврату усыновленных детей, а именно из 6,5 тысяч вернули 4,5. И вот интересно, Александр Шмелёв делает вывод, что всё не так плохо с усыновлением, цитирую: "Итак, реальное положение дел таково: на семейные формы устройства в 2012 году в семьи российских граждан было передано 58,8 тыс. детей. Из них 6,5 тыс. – на усыновление (эта цифра и попалась на глаза сенатору Петренко), 37,3 тыс. – на безвозмездную форму опеки (попечительства), 15 тыс. – на возмездную форму опеки (попечительства), в том числе 13 тыс. – в приёмные семьи, 0,2 тыс. – на патронатное воспитание. Возвращено же в детские дома из числа ранее взятых оттуда сирот было, действительно, около 4500 детей. Но не только и не столько усыновленных, а в основном тех, кого брали под опеку или под патронаж. Т. е. процент возврата равен не 70% (4500 от 6500), как считают сенатор Петренко и блогеры-ретрансляторы, а в 10 раз меньше – примерно 7% (4500 от 58800). Причём, усыновленных среди них – единицы (точную статистику сейчас не могу найти, но знаю, что именно усыновлённых и удочерённых возвращают крайне редко)".

Конечно, замечательно, что процент оказался не 70, а 7. Но вдумаясь, что испытали эти 4500 (вы произнесите эту цифру медленно вслух) детей, которых бросили дважды! Четыре тысячи пятьсот детей... И это цифры одного только года! Многие ли из них после такого смогут прийти к нормальной жизни?

А вот в рамках моего вопроса о смысле такого разнообразия форм опеки, статья Шмельёва даёт вполне внятный ответ. Он указывает на то, что усыновленных-то (имеется ввиду официальное классическое усыновление) редко возвращают (далее в статье автор упоминает, что это сложный волокитный процесс), возвращают тех, кого взяли в рамках так называемой "возмездной" формы опеки. Мол, не страшно, этих возвращенцев ещё ж не усыновили насовсем, их так, на время брали, посмотреть. Действительно, дети-то должны понимать разницу, что официально их ещё не забирали из детского дома! Что тут сложного? Это был испытательный срок. И "родители" его не выдержали. Раз отношения возмездные, то и подход как в магазине: не подошло, извините, возвращаем.

Не стану осуждать этих несостоявшихся родителей и восхвалять тех, кто любой ценой вырастит приёмного ребёнка в своей семье. Увы, мы работаем с патологией, потому возможно многих позитивных исходов усыновления не видим. Не могу сказать, что классическое усыновление даёт больше шансов на то, что от ребёнка не откажутся. Увы, вариантов "спихнуть" такого ребёнка неофициально тоже много. Часто бывают у нас такие усыновлённые, которых отправляют не только в реабилитационные центры на годовое пребывание, но и в школы-интернаты, школы-пансионы (иногда очень даже элитные и платные, и творческие и интеллектуальные). При желании детей всегда можно куда-то отправить, пусть и не обратно в детский дом.

Вопрос в том, что государство, размышляя и создавая проекты в сфере социальной, использует те же технологии, что и в бизнесе. Поставили цель – осуществим цель. Рекламой и финансами стимулировать на усыновление можно тех, кто раньше не рассматривал всерьёз вариант взять чужого ребёнка. Ведь те, кто действительно хотят его вырастить, они и без рекламы своё желание реализуют.

Законодатели уравнивают детские судьбы с экономической судьбой российского туризма. Можно сагитировать любителя египетского "всё включено" таки поехать отдохнуть на наш юг. По-разному можно простимулировать: ценами, запретами, обещанным сервисом... Он может даже и поедет на русское Черное море. Правда ехать будет насторожено. Он раньше-то, пока санкций не было, и не задумывался, что на нашем море отдыхать можно. И смотреть он на всё будет через призму сравнения. Но ведь есть шанс, что кому-то из таких новоиспеченных туристов наш юг понравится! Да так понравится, что он приедет снова, и вполне себе будет счастлив! Правда, остальные после такой поездки могут передумать... Но что нам до них! Они и сами справятся.

Вот только Чёрное море никак не пострадает от того, что кто-то в нём разочаровался и больше не приедет. А четыре тысячи пятьсот детей, к которым больше не приедут вернувшие обратно, разочарованные в них родители, вряд ли смогут с этим справиться. И их страдания, выливающиеся в асоциальное поведение, агрессию и наркотики, спишут на плохую генетику или влияние компьютерных игр.

Проводится ли анализ эффективности таких программ? Возможно, вкладывать нужно не в рекламу усыновления и пособия опекунам, а в более продуктивную работу школ приёмных родителей, в психологическое курирование таких семей на протяжении всего пути, в формирование у взрослых реального, а не иллюзорного представления о том, что их ждёт. Ведь детско-родительские отношения устроены несколько сложнее, чем экономическая модель спроса и предложения. Хочется, чтобы и подход к решению проблемы социального сиротства основывался не только на экономических факторах.

ВЫСТРЕЛЫ В ШКОЛЕ

С начала этого года в США произошло 18 случаев стрельбы в школах (<http://theguardian.com/world/2018/feb/14>). Даже в сводках американских теленовостей не все эпизоды были освещены. В русских же СМИ анонсировали не более трех эпизодов. И проблема не том, что кто-то хочет занижить или скрыть цифры. Проблема в привычности подобных ситуаций в Америке. Освещают лишь те эпизоды, в которых было большое количество жертв.

До недавнего времени русский зритель смотрел подобные репортажи с ужасом, но и со вздохом облегчения: у нас такого нет, это у них там из-за того, что разрешено оружие. Но последние годы открыли глаза: чумой школьных расправ заразилась Россия. Наша статистика не такая жуткая по количеству жертв, но по количеству эпизодов она пугает. Только случаев стрельбы за последние 4 года не меньше 10 (<http://tass.ru/info/4533764>). Но как часто водится, в набат забили только тогда, когда начались массовые эпидемии школьных расправ.

Однако до сих пор мы не получили хотя бы самые приблизительные ответы на то, почему это случилось, каковы были мотивы, чего смогло добиться следствие в поисках причин и какие перспективы нас ждут.

Конечно же все сведущие и особенно не сведущие в подростковой психике тут же начали предлагать гипотезы. Во многих статьях "по горячим следам" обнаруживается стремление списать происходящее на увлечение компьютерными играми, жестокими фильмами. Но кто выпускает для детей эти видеоигры? Кто рекламирует их? Кто покупает и позволяет своим чадам сидеть часами, аккумулируя свою агрессию? Сколько можно сваливать на подростков, что они такие?! Ведь вырастили их мы. Те самые учителя в школах, на которых они

идут с ружьем, их родители, которых подростки игнорируют, служащие бесконечных инстанций, вроде опеки, занятые бесконечной бессмысленной писаниной.

Нынешние подростки – дети двухтысячных. Их родители – дети начала восьмидесятых. Те, на кого девяностые обрушились в разгар их взросления. Обрушились и на годы придавили возможность самовыражения, мысли о выборе, творчество и многое-многое другое. Они росли, вставали на ноги, крутились сутками в поисках зарплаты, которую не сожрет дефолт или девальвация, старались поддержать своих не выдерживающих новой жизни родителей... Пытались приткнуться, где могли, пробиться. Им было не до проблем образования и воспитания. Своих бы детей вырастить – и хорошо. А в глобальном смысле школы и институты общество не интересовали.

С чем сталкивается современный подросток? Со странной образовательной системой, слепленной из осколков советского наследия и западных технологий. Причём из обеих частей взяли не самое лучшее. Поменяли выстроенную десятилетиями систему воспитания в школах. Пионерские организации, бесплатные кружки, спортивные секции, школьные походы, летние лагеря – всё это теперь заменено платными услугами: платная продлёнка, платные лагеря со всевозможными программами от экстремальных до творческих, полностью платный детский спорт. Куда может пойти подросток, если у его родителей нет денег? На улицу. Или в интернет пространство (сейчас это самый дешёвый из всех способов досуга).

Стержень образования – связка учитель-ученик – исчез из современной школы. Может, прежде наставник порой давил на ученика своим авторитетом. Но и принимал на себя ответственность за учащегося. За его воспитание, за его судьбу. И если замечал опасные отклонения в развитии, немедленно принимал меры. Вызывал родителей в школу, а иной раз и сам

наведывался домой к ученику, ставил в известность руководство школы, а если и это не помогало – детскую комнату милиции.

Кого сейчас заботит так называемое девиантное поведение подростков? Школьного психолога? Но что он может, если в каждом классе три-четыре сложных ребёнка? Не обязательно агрессивных, может просто замкнутых или переживающих развод родителей. Каждому такому ребёнку нужна поддержка. А на школу их оказывается 40–60. В результате максимум, что делает школьный психолог – проводит общее тестирование и составляет статистику.

Отношение в нашем обществе к психологам всё ещё носит некий первобытный характер: либо страх (вдруг что выявит и куда-то сообщит), либо обесценивание (слабаки идут к психологам, сильные справляются сами), либо агрессия (психологи сами больные и т. п.). Это легко заметить на примере детских клинических больниц. Должности психолога там просто не значится. В лучшем случае в онкологии. А зачем детям, ждущим операцию на сердце или на желудке помощь психолога? На это есть родители. Запуганные, тревожные, ждущие родители.

Вы скажете, что раньше как-то справлялись и без психологов. Да, конечно. Не во всём, но там, где справлялись, была система поддержки. В детской сфере это были кураторы, тренеры, учителя – люди, для которых идея взращивания личности главенствовала над финансовым интересом. Время меняется, люди переориентировались на собственную выгоду. И вокруг детей образовалась пустота. Пустота, которую ребенок заполняет чем придется.

В нашей образовательной системе полностью разрушена воспитательная и поддерживающая структура. Куда может податься современный подросток, не распотрошив родительский кошелек? Спорт? – Увы. Только если ты с детства за

родительские деньги тренировался и смог показать высокие результаты, и это окупилось тем, что тебя взяли на бесплатной основе в школу резерва. "Неодаренным" детям места нет.

Бесплатными остаются только детские площадки, на которых и отираются подростки под раздраженное ворчание молодых мам и старушек. А куда им идти-то? Все развлечения платные. Даже футбольные матчи любительских команд нельзя посетить без денег.

Остается реализовываться дома. А слышат ли ребёнка дома? Есть ли кому слышать, если родители вынуждены работать сутками, чтобы просто прилично одеть и накормить. А может и не работают сутками, но тогда, скорее всего, сидят у голубого экрана или пьют. Кому там есть дело до подростка?

И ведь школьные массовые убийства это лишь одна сторона катастрофы детства. А суициды подростков? В прессе тему "замяли", но самоубийства продолжаются. Об этом знают в узких кругах медицинских и правоохранительных органов. СМИ не до того: курсы валют, война в Сирии, выборы и, конечно же, санкции. Куда там до вас, растущее поколение, нам есть, о чём говорить.

Ещё одна сторона – те подростки, которые выбирают смерть медленную, прикрытую пеленой удовольствия. Наркотики и алкоголь. На всю нашу страну существует три реабилитационных бесплатных центра, да и те в Москве. Но и туда не примут бесплатно ребёнка из регионов, потому как система здравоохранения претерпела модернизацию. В регионах для подростков с зависимостью лишь выделяют койку в местной наркологической больнице, где он будет "учиться жизни" у взрослых алкоголиков. Что же до подростков с трудностями поведения, но ещё не употребляющих психоактивные вещества – то для них НИКАКИХ реабилитационных центров и лагерей нет.

Не имея возможности вовремя остановить разрушительный выбор подростка, близкие могут лишь наблюдать его деградацию. За последний месяц ко мне обратились две мамы из отдаленных от Москвы городов с похожими проблемами: мальчикам 12 лет, у обоих очень трудный характер, отцов нет, в школу ходить отказываются, грубят, ведут себя агрессивно. Дома сидят или у телевизора, или в соцсетях. Интересов нет. Порасспросив коллег в регионах, я поняла, что никаких вариантов предложить не могу. В наркологические центры ребят не возьмут, а других у нас нет. В итоге эти дети просто останутся в группе риска до тех пор, пока не совершат нечто противоправное.

Отдельная тема – женское воспитание мальчиков. Каждый второй брак в России заканчивается разводом. То есть ровно половина семей распадается. В 90 процентах случаев дети остаются с матерями. Может это и лучше, чем когда пьющий или бьющий мать отец остается в семье. Но все же основное воспитание мальчика – это мамины и бабушкины наставления. А где мальчику искать ответы на свои мужские вопросы? С кем поговорить о том, куда приложить свою природную энергию? В деревне он конечно ещё может взвалить на себя мужские обязанности, физический труд, дающий чувство гордости и значимости. А в городе? Со всех сторон ему твердят: учись, у тебя есть возможности. Но школа – это те же женщины. Преподавателей-мужчин практически нет. Мужского воспитания соответственно. Нет образов, на которые можно равняться.

А каких мужчин видит мальчик? Первый вариант – пьющих. Не важно – сильно или нет, тихо выпивающих вечерами или буйных, запойных. Второй вариант – успешных, но чаще всего очень занятых. Пребывающих на высотах бизнеса, где-то в другом далеком мире. Третий вариант – мужики протестующие и борющиеся. Они чем-то всё время недовольны, что-то пытаются доказать. Но ведь и этим не до детей.

Подростковый кризис, говорят нам, был всегда. Однако согласно антропологическим исследованиям в племенах, приближенных к древним способам выживания, подобной проблемы нет. Да, там дети не получают достойного образования, не познают мир, не имеют возможности выбраться на большую землю. Но может нашему, такому цивилизованному и защищающему детские права, обществу есть чему поучиться у племён Амазонки? Наша система образования включает одиннадцать лет школы! Восемнадцатилетние мужчины сидят за партой. Физической силы хватит для работы на заводе, а они просиживают часы в школе, потом дома за компьютером. Школьные уроки физкультуры – два часа в неделю – сути не меняют. Куда им деть свою силу? Она превращается в агрессию, потому как сила эта сдерживается, подавляется обществом: не ходи туда, этих прав у тебя пока нет, ты можешь только учиться.

В "отсталых" племенах мальчика оценивают по тому, чего он добился. Проявил себя на охоте, как взрослый – ты теперь в клане взрослых. И согласитесь, это честно. Судят по способностям, а не по возрасту. Мы же пытаемся сдерживать наших чад, выходящих совсем не по-детски, а в 18 лет на них обрушивается жизнь со всеми своими проблемами, от которых их так долго ограждали и с которыми они не обучены справляться. Мощный стресс помноженный на долго копившуюся агрессию. Кого-то он калечит внутренне, а кого-то выталкивает на улицу, в ту же школу, побуждая калечить других.

Увы, политика детства и юношества у нас сильно хромает. Нам проще либо сваливать все проблемы на самих же подростков, обвиняя их в жестокости и агрессии, либо "откупаться", придумывая упрощенные схемы финансирования для решения проблем подрастающего поколения. Мы похожи на молодых родителей, которые не планировали ребенка, оттого заняты пока что налаживанием своей жизни, полагая, что

сейчас пока не до детей, надо встать на ноги, а уж потом будут время и средства, чтобы вложить в своё чадо...

Но наши дети здесь, рядом. Они подрастают, пока мы работаем, воюем, придумываем законы. Они вот вертятся под ногами, мешают своими вопросами, потребностями. А мы отмахиваемся, отправляем их "поиграть", просим не мешать. И забываем, что накормить-одеть-отвести в школу это лишь малая часть того, в чём они нуждаются. Мы механически выполняем обязанности "цивилизованного" общества перед несовершеннолетними, выделяем деньги, но забываем наполнить наши отношения эмоциями, чтобы потом истерически кричать: "Я ж тебя растила, ночами не спала, только работала, чтобы ты ни в чём не нуждался, а ты!"...

Чем оплатят они нам завтра?

НАДО ПОМОЧЬ ПЕРЕЖИТЬ

Беседа со студентами Кубанского
государственного университета

Новоселова К. Рассказ «Надо будет посмотреть» произвел на меня очень сильное впечатление. В своей жизни я встретила с похожей ситуацией. Один мой знакомый лишен зрения вот уже 16 лет. Он, как и герой вашего рассказа, испытывает чувство одиночества, ему не хватает внимания детей. Но мой знакомый не унывает: мечтает стать массажистом и открыть свое дело. В его речи часто звучат фразы, подобные тем, которые употребляет ваш герой: «Надо будет посмотреть», «Вот смотрю я и думаю...», «Я смотрю и не понимаю...». Герой вашего рассказа и мой знакомый во многом похожи. Как вы считаете, это сходство просто случайное совпадение или же это ожидаемый вами результат художественного обобщения?

Е.Т. Полагаю, что сходство. Мне хотелось, как раз сделать акцент на том, что такие люди в какой-то степени продолжают жить более интересно, чем нам, зрячим, кажется. И они меньше нуждаются в нашем сочувствии, скорее, в конкретных советах или какой-то помощи по мелочам.

Висицкая Е. Ваш рассказ «Мамы» вы обрываете на самом интересном месте. Возникает множество вопросов, которые остаются без ответа. Сможет ли Богдан снова назвать Веру мамой?

Е.Т. Ну, в этом, собственно, и основная идея: оставить читателя самого думать и предполагать, сможет или нет. Мне не

нравится подводить читателя к конкретному выводу. Я верю в умного читателя, которому интересно самому строить предположения, делать выводы. И ваш вопрос подтверждает мою теорию: для вас это интересное место, значит, фантазия начала работу.

Висицкая Е. Если бы к вам как специалисту за помощью обратился герой вашего рассказа «Мамы» Богдан, что бы вы ему сказали первым делом?

Е.Т. В нашем реабилитационном центре очень часто оказываются ребята с похожей историей. Они обижены и озлоблены. Первая задача – дать им возможность выговориться, пообижаться, прогоревать. Ведь им есть о чём горевать – так много обмана. Сейчас им не до того, почему обманывали. Поэтому первым делом, как и в большинстве случаев, я просто слушаю, мягко направляя вопросами в разные уголки души. Периодически поддерживаю словами: «Наверное, это очень больно. Наверное, ты сейчас обижен» и тому подобное. Важно не навязывать «мораль»: «Это всё равно твоя семья»... Ему больно. Он имеет право на эту боль. Не надо её подавлять. Надо помочь пережить. А затем в большинстве случаев ребята сами потихоньку начинают скучать по семье, невольно вспоминают теплые моменты, рассказывают добрые истории из детства. И из этих теплых чувств мы черпаем ресурс, чтобы помочь принять реальность, которая так обрушилась на пациента. Мы говорим о том, что это уже случилось. Что на уровне действий ничего в его жизни не поменяется, если он не захочет. Он может жить там же, в таком же ритме, распорядке дня и так далее.

Новоселова К. Как часто вам приходилось сталкиваться с ситуациями, подобными той, что происходит в рассказе «Слава»?

Е.Т. Конкретно с таким случаем, как в этом рассказе – к счастью, всего один раз. Увы, мальчик не остановился, теперь отбывает наказание за убийство в состоянии алкогольного опьянения. А ребята жестких националистических взглядов попадают к нам часто. Заканчивают все по-разному. И похожие отстраненные матери встречаются тоже нередко. Но я работаю в таком месте, куда не попадают благополучные подростки, так что это просто концентрат той детской боли, которая рассеяна по нашему городу.

Новоселова К. Один из ваших рассказов, по моему мнению, довольно сильно отличается от остальных. Я говорю о «Tu me manque». Он весь пропитан чувствами героини, особенно преобладает в нем тоска. Скажите, пожалуйста, а не о себе ли вы писали, не о тех ли чувствах, которые вас переполняли в то время, когда вы жили в США или во Франции? Ведь, наверное, вы, как и ваша героиня, очень тосковали по России?

Е.Т. Вы внимательно читали и вы абсолютно правы. На этот рассказ меня долго подбивали редакторы. Говорили, что это такой интересный опыт, это наверняка было увлекательно и так далее. После очень долгих колебаний (я не понимала, о чем писать) все же рискнула. И писала, в отличие от других рассказов, без конкретного замысла. Этот рассказ о самом нелёгком периоде моей жизни – обучении во Франции сразу после школы. Тоска была ведущим чувством в те годы. И она была по дому в целом, не только по стране, но по родным, друзьям, языку, образу мысли. Дом – как широкое понятие.

Чеснокова Я. А счастливы ли ваши герои? У каждого из них, безусловно, своя трагедия, которая заставила их многое пережить. Но пережили ли они хоть раз счастье?

Е.Т. Хороший вопрос... Для меня счастье – это исключительно момент. Полагаю, что такие моменты бывали в жизни у каждого из моих героев. Вопрос ведь в том, хотят ли они сконцентрироваться именно на этих моментах, замечать их каждый день. И Славе наверняка не раз было удивительно хорошо с мамой, иначе бы он так не горевал из-за её дистанцирования. И у Марины с братом были детские счастливые искры.

Чеснокова Я. Бойтесь ли вы, что ваши рассказы не будут читать?

Е.Т. Боюсь ли... Оттенок тут немного другой. Я в литературу попала абсолютно случайно. Я не из тех, кто писал с пяти лет. И дальнейшее продвижение для меня было не целью или планом, а, скорее, счастливым стечением обстоятельств. Я совершенно не предполагала, что мои рассказы будут читать кто-то кроме моих коллег или однокурсников Литинститута. Но как автору мне очень приятно, что рассказы читают. Не верьте писателям, высокомерно заявляющим, что им всё равно, кто их будет читать. Это фарс. Каждому автору важно, чтобы его читали. Если не читают – это, скорее, про чувство грусти. Грусть, что не получилось сказать то, что хотелось, что не получилось сказать так, чтобы услышали. Значит, неинтересно сказал, скучно, не о том сказал.

Семизарова Е. Есть ли у вас такие произведения, которые вы не опубликуете никогда? Почему?

Е.Т. Пока таких нет. Наверное, потому, что я не стану писать о том, что не будет предназначено для чтения другими. Свои переживания необязательно выплескивать в форме литературного произведения. Может быть, это только пока. Я пишу очень медленно, много правлю и работаю с текстами. Поэтому идей копится много. Возможно, когда они иссякнут, я и захочу написать что-то исключительно для себя. Но, честно говоря, даже не могу себе представить, что бы это могло быть.

Висицкая Е. Есть рассказы, которые просто описывают определенное явление или событие, отражая все его негативные и положительные стороны. А есть рассказы, которые несут в себе большую смысловую нагрузку, призывают задуматься о важных вещах. К какой категории относите свои произведения вы?

Е.Т. По-моему, это провокационный вопрос. Хочется верить, что мои рассказы из второй категории.

Висицкая Е. В основном вы пишете о трудностях нашей бытовой жизни, о социальных и личностных проблемах. А если вас попросят написать о чем-то прекрасном, что станет центральным предметом рассказа?

Е.Т. Уже написала. Почитайте «Чудес хочется».

Даниелян Ш. Что вы считаете самым большим несчастьем?

Е.Т. Потерю близких.

Новосёлова К. Не стали ли вы испытывать разочарование в людях, в жизни после тяжелой работы с трудными подростками, познакомившись на их примере с многочисленными несправедливостями, лишениями и другими испытаниями, выпадающими на долю людей?

Е.Т. Разочарование – нет. Часто появляется горечь, иногда обостряется чувство несправедливости происходящего. И чаще всего – бессилие. Но нужно понимать, что мы не боги. Вот это самое сложное: найти в себе мудрость и не пытаться изменить то, что тебе не дано изменить. Важно просто работать так, как будто это твой самый главный пациент.

Тяжелее всего переживаются такие моменты, как со Славой, когда узнаёшь спустя год, что не смог достучаться и парень убил невинного человека.

Семизарова Е. Вы работали с детьми из районов гетто, через полгода вернулись в Москву, продолжив работу в рамках программы «Духовность для детей», но уже с русскими детьми из детских домов и приютов. Ваши впечатления от работы с российскими и американскими детьми, есть ли разница?

Е.Т. Разницы в детях практически нет. Культурные отличия, школы другие, цвет кожи, язык, манеры... Но смеются они одинаково, и плачут над одним и тем же. В Америке нет такого количества брошенных детей. Их практически сразу усыновляют. Хотя некоторые дети в гетто живут в таких родных семьях, что лучше бы их оттуда изъяли. Но такое же есть и в России.

Семизарова Е. Интересуетесь ли вы судьбой трудных подростков, с которыми работали? Поддерживаете ли вы с ними связь?

Е.Т. Да, интересуемся, конечно. Их официально обзванивают наши соцработники, ведут статистику. А мы жадно ждём новостей. С единицами поддерживаем контакт напрямую. Это не очень корректно в рамках работы, но у меня есть три пациента, отлежавших целый год. Очень за них болею, сопереживаю. Им, конечно, не показываю, но они часто обращаются с вопросами, просто приходят в гости. В отделении каждый по желанию может оставить свое фото. Проходим, вспоминаем. Конкретно своих пациентов помню всех по именам, лицам, историям. Они же рассказывают о себе так много, ты становишься уже частью их жизни.

Висицкая Е. Почему вы стали работать с неблагополучными подростками? Легко ли вам это даётся? Многие ли из тех, с кем вы работали, изменили свои взгляды на жизнь, открыли в себе что-то новое, проявили желание меняться?

Е.Т. С подростками – как-то жизнь сама вывела. Это не было осознанным выбором. В частной практике я работаю со взрослыми, с детьми реже, так как корень детских проблем – во взрослых, начинать надо с них. Сложный вопрос про пациентов. Хочется верить, что да, многие. С другой стороны, может быть, они просто повзрослели и мы здесь ни при чём, они просто стали мудрее. Легко ли... смотря что. Когда у самой настроение хорошее, то с юмором воспринимаешь и их гнев, и мат. А когда у самого специалиста что-то на душе не так, то и тоскливо на работе, бывает, становится.

Даниелян Ш. В той или иной мере в каждом вашем произведении показаны пороки: скажите, какие людские пороки вам сложнее всего простить?

Е.Т. Наверное, глупость. Раньше думала, что ложь... но, поработав в разных областях психологии, начала понимать, как много бывает у человека причин для лжи. Страхи, воспитание, отсутствие другого примера в семье. А глупость я имею в виду уже осознанную – как нежелание человека развиваться. Не как врождённую, конечно же.

Семизарова Е. Кого из писателей прошлого и настоящего вы считаете своим авторитетом?

Е.Т. Не знаю, как вам ответить. Само слово «авторитет» ... не идёт у меня к нему ничего. Мои литературные вкусы всё ещё в процессе формирования. Всегда притягательными были малые форматы Чехова, Бунина. В Литинституте открыла с новой стороны многих авторов. Например, Кафку. Особенно его «Письмо к отцу». У меня нет узких предпочтений по авторам. Скорее, отдельные произведения. Часто небольшие рассказы. Как «Белые холмы» или «Дары волхвов». У Достоевского «Записки из мертвого дома». Список можно продолжать и продолжать. Недавно открыла у Юрия Олеши рассказ «Лиомпа» – поразительное описание того, как уходит от умирающего человека мир. Без надрыва и горечи. Просто описание. Много читала Олешу. А вот этот рассказ нашла случайно. Несколько раз перечитала.

Семизарова Е. Думаете ли вы над созданием большего произведения? Каким вы его видите?

Е.Т. Думаю. Пока мысль об этом пугает. Я вообще не очень усидчивый человек. Править рассказы для меня титанические муки. Само слово «роман» для меня как бесконечное эхо-хо-хо. Повесть – может быть. Но пока я не вижу, о чем можно было бы написать. Ведь нужно держать внимание читателя. На форуме молодых писателей в Шанхае в декабре 2015 года моя речь была как раз о тенденции литературы к публицистичности. Читатель стал менее терпелив. Интернет, соцсети воспитывают в нём любовь к сжатым коротким сообщениям. Чтобы всё по существу. Нужно писать очень хорошо, чтобы читатель захотел хотя бы открыть твоё большое произведение, потратить на него свое время.

Семизарова Е. Почему вы решили начать писать, что вас на это подтолкнуло?

Е.Т. Спор. Обычный спор с другом. Он хотел поступать на ВЛК в Литинститут и сказал: «Там надо прислать 50 страниц текста! Ты можешь себе представить – 50 страниц!». Я ухмыльнулась: «Да что там писать! (Это я-то, которой мама до 8-го класса писала домашние сочинения.) Я о каждом пациенте могу страниц десять накатать». Ну и так, «на слабо», и написала. А потом уж надо было до конца довести: отправить в литинститут. А там приняли.

Чеснокова Я. В чём для себя вы видите смысл жизни?

Е.Т. Буду банальна: в самом процессе жизни. Вывела это для себя эмпирически, путём долгих хождений по граблям.

Семизарова Е. Какой совет вы можете дать нам, начинающим журналистам?

Е.Т. Читайте. Читайте как можно больше. Читайте разное, учась самостоятельно отсеивать некачественную литературу. Инвестируйте время в чтение – это отличное вложение. Оно пригодится вам вне зависимости от профессии и образа жизни. А с позиции основной моей профессии – старайтесь говорить себе правду. Может быть, только по ночам, под одеялом, чтобы никто другой не слышал. Но чтобы сами вы с собой были честны.

НАДО БУДЕТ
КАК-НИБУДЬ
ПОСМОТРЕТЬ

ВИНОЮ ВЫЖИВШЕГО *

- Сильней закручивай!
- Я закручиваю.
- Ты не закручиваешь, я же вижу!
- Сказал же, закручиваю.
- Да ты мне всю жизнь говоришь! Хоть бы сделал что... Вздыхает он! Закручивай нормально, опять сорвёт, мне вытирать всё!
- Не кричи, я делаю.
- Не кричи ему! Да тебе хоть оборись – услышишь что ли?! Сколько кричала, чтоб пить бросил – услышал?!
- Ну не могу я не пить, ты же знаешь, ну не кричи, утро же.
- Почему я могу, а ты не можешь?! Устроился! Утро у него: половина первого! Уже нажрался! Нормальные люди падут всюю!

Марина ещё несколько минут попробовала не открывать глаза, но вопли матери окончательно прогнали сон. – Нормальные люди... Когда-то они ещё могли бы претендовать на это звание. Когда-то давно, когда Марине было лет пять, и отец хоть и пил много, но только по праздникам. В разгар застолья он брал её себе на руки и, обдавая неприятным запахом алкоголя и лука, начинал громко на весь стол рассказывать о том, какая его Мариночка самая толковая в группе, что будет, как мама её – самая завидная невеста. Руки у отца становились холодными и липкими, сидеть было неудобно, а от его поцелуев на щеках оставались влажные следы. Но всё это казалось совсем не важным. Она сидела с восторженной улыбкой самого любимого ребёнка на свете: папа ею гордится, говорит, что она будет похожа на её мамочку!

---

* *Вина выжившего* – в психологии термин, обозначающий чувства человека, уцелевшего в катастрофе, в которой погибли другие.

Очередные крики матери резко оборвали воспоминания о детском счастье. “Как же достали уже, надо дверь поменять. Хотя эта и через бронированную проорется. Да и денег на это всё равно нет”, – мелькнуло в голове. Образ матери вторгся в сознание: руки в боки, ноги расставлены, как у мужика, голова приподнята, готовая обрушиться череду возмущенных претензий на каждого, попавшего в поле зрения её бегающих глаз. Видение окончательно заставило Марину открыть глаза и скинуть одеяло. От прикосновения к холодному полу стало зябко и неудобно. “Хорошенькую же перспективу ты мне предлагал, папочка,” – размышляла она, рассматривая себя в зеркальную дверь шкафа, с облегчением не обнаруживая следов внешнего сходства с матерью. О вчерашних посиделках напоминали воспаленные глаза и пародия укладки на голове. Она карикатурно себе улыбнулась, отражение ответило совсем не дружелюбно.

Судя по продолжающимся воплям матери, кран они так и не прикрутили. Кутаясь в старый свитер, она выглянула в коридор.

— Когда в душ попасть можно будет?

— Здрасьте тебе! Неужель проснулась? А чёй-то так рано? – мать, как паук, готова была переключиться на новую жертву, застрявшую в паутине её квартиры.

Марина вопрос матери проигнорировала, обратившись к открытой двери ванной:

— Пап, скоро закончишь?

— Да хрен его поймет, мать кран купила дурной, резьба слетает.

— Ах, это я ещё и кран не тот купила?! – паук заметил остатки теплившейся жизни в первой жертве и поспешил закончить свою миссию. – Да ты б хоть раз зад свой поднял, да сам купил! За столько лет в доме никакого проку! Кран не тот! Руки у тебя от водки не те!

— Да я что, я кран, говорю, не наш. Импортный, не подходит сюда.

— Чем это тебе ихние краны не угодили?! Ты на него работой сначала, а потом обхайвай!

Раздался треск, что-то звякнуло о ванну, послышался шум воды.

— Да что б тебя, твою же...

В заключение отцовского мата обреченно прозвучало: “Не вышло, Надь, треснул”.

— Не вышло?! Замуж я б за тебя не вышла, тогда б всё у меня в жизни вышло куда надо!

— Ну, я так понимаю, отечественное производство рулит! – бросила Марина.

— Ишь ты, оживилась как! Мы уж и не думали тебя до ужина увидеть! – полная капитуляция отца добавила пауку новых сил, и он надвигался, потирая лапки.

— У меня выходной. Захочу – и до ужина спать буду. Я не трогаю никого. Если б не твои крики – спала бы дальше.

— Ну конечно, чем еще заниматься-то. Всю ночь шляется, потом спит сутками. Хоть бы раз за месяц в комнате разобралась, гадюшник развела, зайти страшно!

— А нечего заходить – это моя комната.

— Ещё ты мне указывать будешь, куда заходить в собственной квартире! Заработай для начала себе хоть на угол!

— Будешь трогать мою комнату – я её таджикам сдам, я тут прописана. Нечего было ту квартиру Мише отдавать, я бы с удовольствием облегчила вашу жизнь своим переездом.

При словах о Мише лицо матери исказилось болью и досадой, руки машинально опустились, и вся она как будто ссутулилась, совсем поникла. “Ну вот, опять сейчас начнется”. – Марине стало жалко мать.

— На кухне он. Иди, поговори, – голос матери звучал глухо, в нём уже не слышалось злости, скорее отчаянье и безысходность.

— Мишка?

— Случилось, видимо, что-то. Но молчит, тебя, может, ждёт. Ты поговори с ним? – взгляд у матери стал мягким, болезненным.

— Денег он, небось, ждёт, что еще у него случается? Вот и приехал. – Марина не выносила этот жертвенный образ мамы и с годами привыкла отсекалть все сентиментальности жестким тоном и жестокой правдой.

Мать молча проводила её взглядом и машинально зашла в ванную.

— На, Коль, старый пока давай закрутим.

— Старый – это можно. А что он подтекает – да это я сейчас прокладку новую поставлю, лучше этого будет.

На кухне было холодно, пахло газом и кофе.

— Привет! – произнесла Марина как можно дружелюбней, стараясь вытянуть себя из утренней злости. – Как дела? – и, не дождавшись ответа, она начала включать остальные конфорки, потирая над плитой озябшие пальцы.

— Нормально. Сама как? – он по привычке не поднимал глаз от дымящейся кружки.

— Путём. Если б не эти – вообще неплохо.

— Да уж, мать жжёт. Я в детстве думал, у неё когда-нибудь голос кончится, и она всю оставшуюся жизнь шепотом будет разговаривать.

Марина улыбнулась воспоминаниям, как они в детстве прятались от матери в ванной, и как однажды замок заело, и они не смогли открыть дверь. В итоге отцу пришлось замок выламывать, а мать орала потом ещё неделю.

— У этой не кончится. Я в детстве думала, что когда вырасту – никогда кричать на своих детей не буду. Но, чую, гены своё возьмут.

— Как работа? Всё пытаешься спасти мир? – ухмыльнулся Миша.

— А ты всё пытаешься спастись от мира? – попыталась уколоть она.

— Каждому своё, выживаем, как можем.

Марина насыпала кофе, залила кипятком и, развернувшись, села напротив брата.

— На какие деньги выживаешь-то? Воруеть? – почти с утверждением вывела она.

— Когда как. Где так, где приторговать перепадёт. Да всё как раньше. Тут вот дед подкинул немного, типа к дню рождения.

— Ну да, он говорил мне. Я его предупредила, что это тебе на похороны, – она шумно отхлебнула глоток и поморщилась.

— Все там будем.

— Ну, ты-то торопишься первым.

Она хотела продолжить стандартный обмен колкостями, но наконец, взглянула на брата, и внутри защемило. За последний месяц, который они не виделись, он сильно похудел. На отливающем голубизной лице его глаза казались стеклянными лампочками. Редкая щетина прикрывала обветренную, местами в мелких язвочках, кожу. После второго срока он два месяца лечился в туберкулёзной санатории, но начавшие было появляться признаки жизни на его лице исчезли уже через пару недель, и сейчас ничто не напоминало о выздоровлении.

— На чём сейчас?

— Месяц чистый! – он широко улыбнулся, обнажив несколько новых дыр между зубами. После первого срока за грабёж мать отдала всю выручку с последней продажи на его имплантаты. Наивная, она надеялась, что тюрьма его изменит, а подремонтированная улыбка простимулирует найти приличную работу.

— Врёшь.

Он не ответил, неловко поднёс ко рту кружку, и стало заметно, что рука его не слушается. Он был похож на инвалида.

— “Винт”?

— Ух ты, профессорша, сечёшь. Где поднатаскалась? Это даже не наркотик. Захочу – брошу.

— Ну да. Я это каждый день слышу. Лечиться не надумал?

— Да всё нормально, расслабься! – нотации ему порядком надоели. – Проходили уже, Марин. Работай на работе.

— Извини. Это, скорей, вопрос риторический.

На кухне повисла пауза. Миша так и не отрывал взгляда от кружки, потирая её бледными пальцами – на костяшках выделялись многочисленные старые шрамы. В подростковом возрасте Мишу отдали на скалолазание, где он быстро освоился и заслуживал частые похвалы. Родители, поверив в способности сына, готовы были оплачивать и дорогостоящее снаряжение, и выезды на соревнования, несмотря на средний доход семьи. Младшей по возрасту Марине становилось завидно. Ей тоже хотелось, чтобы на неё что-то тратили, радовались успехам, подбадривали. Но денег на занятия для дочери не оставалось, в связи с чем никаких “талантов” у неё выявлено не было. Марина надеялась, что в чем-то сможет отличаться, но в школе она была из середнячков, а бесплатные кружки предлагали только бисероплетение и шитьё. Всей семьёй они приходили на соревнования поболеть за Мишу, и Марина с тоской переводила взгляд с восхищенных родителей на карабкающегося всё выше и выше брата. Ей хотелось тоже залезть высоко, ещё выше него, выше всех них, чтобы они задирали головы, чтобы увидеть ее. И тогда в ней родилась та самая детская, но совсем не девчачья мечта. Космос. Выше всех, даже выше этих альпинистов, поднимались только они в своих огромных кораблях. За их подъёмом следят на мониторах сотни людей, а по телевизору и целый мир. От одной мечты о таком полёте у неё замирало сердце.

Как идти к своей мечте, Марина не знала, и никто ей не мог подсказать: мечта была сокровенной тайной. Поэтому Марина просто ждала. Ждала, что оно обязательно как-то получится, что мечта сбудется и поможет ей тоже заслужить восхищенные взгляды... Ей так хотелось стать лучше Миши, хоть в чём-то.

Судьба помогла Марине стать лучше брата, но совсем другим способом. В то время, пока она ждала исполнения мечты, в школе заключили договор с социально-психологическим колледжем, куда Марина и отправилась после девятого класса. А из колледжа предлагалось без экзаменов попасть на вечернее отделение института. Космос почему-то всё не появлялся в её жизни, как и сами космонавты. Зато начали появляться мотоциклисты. Не заменят, конечно, но тоже в шлемах и “летают”. Жизнь вела Марину вперёд. Мысль об институте немного пугала: в их семье ни у кого высшего образования не было, и насколько все будет сложно или интересно, никто рассказать не мог. Но надежда на то, что её тоже наконец похвалят, манила. Миша к тому времени застрял на уровне училища. Сначала бросил одно, потом исключили из другого, и он год отдыхал, в третьем у него “не сложились отношения”. Родители списывали неудачи сына на загруженность тренировками, но вскоре выяснилось, что тренировки Миша посещает так же, как и учебу. А потом... Потом всё закрутилось.

Марина безумно уставала на последнем курсе колледжа, постоянно подрабатывая вечерами. Она периодически замечала странные компании брата в квартире, но на её жалобы мама не реагировала: “Мише необходимо отдохнуть!” Да вроде ребята и не пили у них дома, просто общались. Со временем Марине начало казаться, что она стала рассеянной: не могла найти вещи, куда-то засунула новый плеер, потеряла сережки, деньги все время улетучивались из кошелька. Она старалась дольше спать, завела записную книжку с напоминаниями, подсчитывала траты.

Но когда к ней обратилась мама с вопросом о пропаже шкатулки со скромным содержимым из двух золотых цепочек и обручального кольца, уже не налезавшего на палец, они обе напряглись.

Сначала подумали на выпивающего отца. Но мать всегда оставляла ему деньги на алкоголь, и ему вроде хватало. Пил он запоями, раз в два-три месяца, а деньги и ценности пропадали регулярно. Мать валила всё на дружков Миши, гневно обижаясь на попытки Марины “очернить” брата. А потом Марине уже и не пришлось спорить и ругаться. Реальность обрушилась на мать. Миша резко похудел, у него побледнела кожа, настроение менялось от благодушного безразличия до ярости, он постоянно “терял” телефоны, просил деньги “выручить друга”, не оставляя матери возможности для отказа своими криками и ударами кулаков о стену. В доме появлялись чужие люди, никогда не смотревшие в глаза, деньги и ценности приходилось прятать, на дверях поставили замки, которые постоянно “ломались”. Мать отказывалась принимать реальность, даже обнаруживая в ведре шприцы. А потом им позвонили из больницы, куда Мишу забрали с передозировкой. И диагноз в карте не оставил вариантов.

Дальше были споры, крики, пропажи, платные клиники и побеги, мамины слёзы и Мишины шантажи, мольбы, просьбы, обещания. Бесконечная вереница, затянувшаяся на несколько лет. Марина разрывалась между институтом и работой в школе, стараясь полностью себя обеспечивать, понимая, куда уходят все средства родителей. Она старалась поддерживать мать, воздействовать на брата, выбрала в институте специализацию по работе с зависимыми, чтобы лучше понимать происходящее и помочь Мише. Она очень старалась ничем не огорчать родителей, чтобы хоть с ней у них не было проблем, хотела дать им повод для радости. Но, поглощенные бедами сына, отец с матерью были не в состоянии замечать дочь. И опять все их внимание было приковано к Мише, только теперь

уже к его падению. Когда Марина прилетела домой с заветной “корочкой” диплома о высшем образовании, единственной в их семье мама со слезами выдавила: “А Миша-то, ведь и Миша бы тоже мог! Как же это мы не уследили...”

Сейчас она смотрела на него, и ей первый раз за долгое время захотелось о нем поплакать. Было понятно, что он не выдержит слёз и уйдёт, но они уже полились. Она оплакивала их детскую дружбу, его заботу о ней и защиту в школе, его стремления и победы, свою детскую ревность и обиды. Она оплакивала все то, что уйдёт вместе с ним, уже совсем скоро. Она оплакивала своё будущее одиночество и это не покидающее чувство вины за свои успехи, свои планы и мечты, вины за свою жизнь, которая у неё будет, а у него нет.

Миша увидел слёзы и без слов ушёл в родительскую спальню. Она ещё несколько минут беззвучно плакала. Сейчас она пойдёт в свою комнату, наденет новые джинсы и свежевывстиранный белый свитер. Она уложит упрямые рыжие волосы, вставит в нос пирсинг с золотой ласточкой, капнет на запястья любимые духи. Она выйдет из дома, поймает частника и поедет в турагентство доплатить за поездку на Мальту. Потом встретится со своим “космонавтом”, будет кататься по летней Москве, проведёт с ним ночь и, счастливая пробуждением с той дремотной утренней негой, поедет на работу, попытается спасти кого-то, как не смогла спасти его.

Он выкурил оставленные отцом сигареты, выпросил у матери ещё немного денег и, сев в дребезжащий троллейбус, поплелся на окраину Москвы, в свою квартиру, коротать день в окружении таких же, как он, даже не загадывая, наступит ли завтра.

НАДО БУДЕТ КАК-НИБУДЬ ПОСМОТРЕТЬ!

— Здравствуйте, Максим Иванович!

— Добрый день, проходите, пожалуйста. Принесли? – он аккуратно прошёл, прижимаясь к стене. Закрывшаяся дверь втокнула в прихожую запах уличной влаги.

— А то! Думала, опоздаю! Последний оторвала!

— Ну, ничего себе! – сказал он просто, чтобы как-то заполнить паузу.

— Вот, держите! Мокрый только, снег с дождём – не укрыться, хорошо в упаковке! – шелестящий в капельках пакет лёг в нетерпеливые ладони.

— Ну-ка, что там сегодня... Нет-нет, не говорите, попробую сам. Проходите, пожалуйста, я сейчас.

Он быстро прошёл на кухню, привычно придвинул ногой табуретку, сел за стол и потрогал шов пакета. Затем провёл пальцами по упаковке и улыбнулся... Долгожданный момент: можно пару мгновений пофантазировать, напридумывать что-то особенное, вытащив из памяти поблекшие картинки, пока руки осторожно вскрывают шуршащий заводской целлофан. Ради таких моментов он умеет ждать.

— Восемнадцать часов ровно, – механически проговорили часы.

— Всё, иду-иду! – сказал он машинально. Работа всегда оставалась на первом месте, несмотря на маленькие слабости. – Ну и противный же у тебя всё-таки голос! – комически рассердился он на бездушный аппарат.

— Ну как, угадали? – девушка смотрела на него с любопытством.

— Мусоровоз! – удовлетворённо отозвался он. – Не зря ждал, на целую неделю задержали! Потрясающие детали, наощупь чувствуется.

— Почитать вам как обычно?

— Нет-нет, спасибо. Сегодня ко мне Ира зайдёт.

— Молодец, сейчас дети редко заботятся о родителях.

— А обо мне не надо заботиться! – без обиды, хотя и с нажимом произнёс он. – Сам всех тяну! И бывшую жену, и нынешнюю, и Иришку.

— Сколько ей?

— Двадцать четыре. Но папина помощь в любом возрасте нужна. – Его лицо осветилось нежностью. И, словно смутившись, он подчёркнуто деловито произнёс: «Легли? Сейчас приступим».

— Ну, как ваши дела? – подошёл он к массажному столу.

— Да как всегда, одни проблемы. И за окном мерзко: утром встаёшь – темно, с работы выходишь – снова темно. Тоска, хоть в окна не смотри, – она сбоку наблюдала за ним. – А это что за модель? Я таких не видела, вроде.

— О, это уже усовершенствованная. Выполнена, кстати, отлично, на удивление!

— Всё на месте или как в тот раз?

— Да нет, тут они постарались. В прошлый раз тоже всё было на месте, но выполнено уж очень схематично. Да и сама модель – "школьный автобус" – ну согласитесь, совсем неинтересна. Даже дворники поленились приделать. – Он растёр руки кремом и приступил к работе. По комнате рассыпался запах летних луговых цветов.

— А вы видели? – удивилась она, тут же смутившись от некорректности вопроса.

— Да, старые автобусы – успел. И мусоровозы застал. Кабины у них были зелёные сначала, а потом стали выкрашивать в оранжевый.

— По-моему их как не крась, всё равно отвратительно пахнут. Никогда не понимала, почему люди выбирают профессию мусорщика, – она сморщила нос и коротко выдохнула.

— Да-да, запах от них во все времена был достаточно гадкий. Но идея... Мусоровозы, бетономешалки, асфальтоукладчики – всё это произведения инженерной мысли... Что-то я заговорился, – одёрнул он себя. – Так не больно?

— Нормально!

— Вот и отлично, – массажист работал не спеша, выверенными плавными движениями. Затем достал из кармана носовой платок, чтобы не испачкать аппаратуру, подошёл к музыкальному центру и через ткань аккуратно начал нажимать кнопки, выбирая что-нибудь под настроение. – Шопен. Успокаивает.

Лёжа, она разглядывала стеллажи, уставленные моделями машин, танков, самолётов. Их ровные, как будто по линейке вымеренные ряды не менялись годами, только добавлялись новые полки. Плавно сменяющие друг друга мелодии и размеренные движения массажиста умиротворяли, наполняли покоем. Комната как будто дремала в этом привычном замедленном ритме.

— А серию вертолётов ещё не выпустили?

— Да не дай Бог, что вы! – рассмеялся он. Это ж мне новый шкаф заказывать придётся, – улыбка удивительно шла ему, лицо становилось значительно моложе.

— А вы только готовые коллекционируете? Ау, больно. Только можно сегодня без хруста? А то мне страшно даже.

— Конечно, можно. Кто ж вас заставляет – не хрустите, – добродушно усмехнулся он. – Да, теперь могу только готовые. Лет пятнадцать назад, пожалуй, мог бы собрать, но тогда протых в сборке моделей не выпускали. Как-то купил подводную

лодку, но детали совсем мелкие оказались. Другу отдал – пусть мучается. – Он водил подбородком в такт движениям рук.

— Ай-ай, правда больно, Максим Иванович!

— Не обращайтесь внимания!

— Но это мои пальцы, как мне не обращаться: вдруг сломаются – ходить не смогу! – при каждом хрусте она зажмурилась, вжимаясь в массажный стол.

— Пока ещё все уходили сами. Ну вот и всё, отлично справились! Одевайтесь, а я пойду передохну.

— Спасибо!

До следующего пациента оставалось двадцать минут, его руки потянулись к телефону. Пока наливал чай, раздражающие пустые гудки прервались:

— Да, папуль!

— Ириш, привет! Как дела у тебя? Всё в силе? – он любил слушать голос дочери, но всё время сдерживался, чтобы не звонить чаще, боясь надоесть.

— Па, я не успела набрать! Да ужасно дела! За машиной в сервис приехала, а они, представляешь, закрасили царапины, а на свету видно, что цвет вообще не потрудились подобрать! Пятно на полдвери! Ну как так можно?! Элементарный вишнёвый смешать не могут, закрасили обычным малиновым!

— Обидно, наверное. Ну ты не переживай, Может, не очень заметно будет. Это же не самое главное в машине, главное – что ездит.

— Шутишь?! Ещё как заметно! Скандал им закатила, вызвала директора! Обещали за три дня исправить.

— Ого, ты молодец, боевая. Тут у меня последний пациент остался. Как раз успеваю в кондитерскую. Тебе как обычно? – он улыбнулся, предвкушая вечерние посиделки с её любимыми пирожными и длинными разговорами.

— Папу-у-уль, – протянула она по-детски. – Я не смогу сегодня. Видишь, как с машиной вышло. Я из-за этого с Мишкой

не увиделась, а мы с ним договаривались в кино сегодня, он так давно ждал – обидится...

Улыбка соскользнула, оставив на лице выражение неловкости. Он поспешил успокоить дочь:

— Ириш, конечно, сходи с ним. А мы с тобой в следующий раз.

— Точно, па? Ты не обидишься? Видишь, кто ж знал!

— Да-да, – заторопился он. – Когда там у тебя будет время, тогда и увидимся. Зачем же мне обижаться, я всё понимаю.

— Спасибо, папуль! А то он такой обидчивый стал, ссоримся постоянно. Фильм, уже две недели идёт, а я всё vybrаться не могла. Мишка злится, мол, не на боевики же меня тащит, как мужики обычно, нормальное кино, а я всё времени не найду.

— Расскажешь потом?

— Для вас как всегда включён подробнейший пересказ: сюжет в деталях, спецэффекты, операторская работа, киноляпы – всё, что уловит наше вездесущее око! – пародийно пропела она в стиле ведущих ток-шоу.

— Да, пожалуйста! – рассмеялся он. – И ещё сладкий попкорн, будьте добры!

— Нет уж, от нас только дикторские услуги. Кстати, тебе там кто-нибудь сможет журнал почитать?

— Да, как раз сейчас пациентка предлагала. Мы с ней чая попьём. Всё нормально, не переживай. А ты со своим помягче, ссоры – они ведь, Ириш, – всё потихоньку разрушают... – Ему захотелось обнять её покрепче, и лицо снова засветилось улыбкой, нежной и мягкой.

— Вот и отлично! А мы во вторник увидимся! Целую!

— До вторника! Береги себя! – Дочь отключила связь, он договаривал уже молчащему телефону, – обнимаю, очень соскучился.

До вторника оставалось ещё четыре дня. Ждать он привык с детства, после того злосчастного гриппа, когда мать начала замечать в его тетрадях расплывающиеся строчки. Тогда пролеживая неделями в больницах, пока очередной врач не вынесет свой вердикт, ему оставалось только ждать. Ожидание было тяжёлым, гнетущим. Каждый день, наполненный страхом и лишь иногда редкими искрами надежды. С годами он сжился со своими детскими воспоминаниями, перестал отгонять их, заглушать музыкой и аудиокнигами, перестал выбирать из них только что-то приятное. Он научился ценить всё, что когда-то успел увидеть, часами перебирая даже больничные детали: узоры на пижаме, зеленые стены палат с облезшей краской, весёлых зверей с Айболитом, украшавших пролёты лестниц, коллекцию машинок, которую они собирали всем отделением, странную бурую жижу на завтрак. Формы, цвета, очертания складывались в предметы, предметы – в картины, картины – в фильмы. Он любил смотреть свои "видео". Это единственное, что у него осталось от той зрячей жизни, которая теперь напоминала о себе лишь полутеньями.

— Максим Иванович, я пошла! – он не сразу вспомнил, чей это голос.

— А, да-да, иду!

— Вот, держите. Спасибо!

— Кажется, многовато. Тут три бумажки.

— Это три по пятьсот, всё правильно.

— А, тогда хорошо, – он убрал шелестящие купюры в карман.

— Вам точно не почитать? У меня есть время!

— Нет-нет, спасибо! Ко мне Ира зайдёт, я её попрошу. Всего доброго!

Он закрыл дверь и вернулся на кухню. Чай остыл. Нажав на часах кнопку оповещения, он услышал "Девятнадцать часов

двадцать минут". Ещё оставалось десять минут. Он прошёл в комнату, нащупал журнал, вдохнул запах глянцевого бумаги и убрал его в шкаф. Он подождёт Иру, всему своё время. Он открыл сервант и ловко достал сегодняшнюю новинку. Пальцы заскользили, ощупывая детали.

Мусоровоз... Интересно, во сколько у нас обычно мусор забирают? Каждое утро, выходил он из дома в полшестого, чтобы в семь уже принять первого пациента из вечно спешащих офисных работников, он слышал ещё спящий город. По вечерам, после десяти, он заставал город уже готовящимся ко сну. Жизнь проходила за окнами его кабинета, пока он работал. Он вспомнил, что давно не слышал звуков стройки, нетерпеливых сигналов пробок, шелеста метлы дворника, и как-то заскучал по этим голосам обычной рабочей жизни. Ему захотелось оказаться в центре этих звуков и запахов, выстраивая в своей фантазии разнообразные картинки того, как всё это могло бы выглядеть.

— Мусоровоз, значит... Надо будет как-нибудь сходить, посмотреть! – подмигнул он сам себе.

ПОДАРОК

- Дядь Егор, а ты в Деда Мороза когда верить перестал?
- Так я до сих пор верю!
- Да ну тебя! Я уже не маленький. Я всё понял ещё в прошлом году! – Валерка обиженно спрятал руки в карманы.
- Расстроился?
- Ну, немного.
- Бывает. Дай саморез. Да не шуруп, а саморез, вон тот, в маленьком ящичке... Ты просто повзрослел, это тоже хорошо, хотя иногда и кажется грустным. А чудеса – они и во взрослом возрасте происходят, просто уже называются не "дедмороз", а как-то по-другому.
- В смысле?
- В смысле, что подарков ждёшь всегда, просто они другие, и не обязательно на Новый Год. Вот, например, самый главный подарок для твоей мамы – это ты. А моя бабушка говорила, что главный подарок её жизни – когда дед единственный из всей деревни с войны живым вернулся.
- Это другое... – Валерка махнул рукой, нахмурившись. – Дядь Егор, а вот ты как узнал, что его нет?
- Дед Мороза?.. Знаешь, я, может, и не верил в него особо... – Егор отмерил расстояние и отметил карандашом точку.
- Не верил? А говоришь, чудеса всегда происходят!
- Да я просто не могу вспомнить тот возраст, когда верил.
- Может тебе просто подарки не дарили?
- Да нет. Подарки как раз дарили. Мамка даже письма от Деда Мороза писала! В стихах. Правда, почерк не меняла, но я делал вид, что верю.
- А что ж она их на компьютере не печатала?
- Не было тогда компьютеров, принтеров тем более, хотя машинка печатная у нас была... Но почему-то мама от руки пи-

сала. Как-то не предусмотрела этот момент. – Егор порывлся в ящичке, отыскивая четыре одинаковых самореза. – Забавно то, что она ведь этим же почерком при мне утром папе записки писала, что поесть оставила в холодильнике... Но всё равно я подыгрывал, что верю.

— Зачем? Ты же не верил? Обманывал что ли?

— Как сказать... Жаль было обижать. И вот каждый Новый Год под ёлкой лежали подарки, а я каждый раз делал вид, что удивлён, и радовался, и родителям показывал, что мне Дед Мороз принёс. А они тоже делали вид, что удивлялись, рассматривали, как будто до этого и не видели их.

— Странно...

— Ну может. Тогда мне казалось, что это правильно. Хотя мы с твоим папкой потом даже узнали, где родители подарки прячут. Собственно, не сильно-то они их и прятали – у себя в шкафу, внизу, только руку протяни – и вон они.

— Так это тебе папка рассказал, что Деда Мороза нет? Или он подарки показал, и ты понял?

— Нет, лазить мы туда начали уже позже, лет в шесть. А я как будто и до этого знал... – Егор молча вкручивал саморез, проваливаясь куда-то в одиночество. Неужели и правда у него не было этой сказки... Даже обидно как-то, у всех было чудо, а у него как будто и не было... Он попытался вспомнить самый лучший подарок – и не смог. Он как будто вообще не мог вспомнить, что ему дарили. Нет, с памятью у него порядок. Он помнил, какого цвета росли розы у бабушки в саду, и выкованный дедом узор на калитке. А у бабушки он был последний раз в пять лет. А ещё помнил Машу Петличенко, которая пришла новенькой самой весной в их младшую группу, это значит года в три. У неё были синие бантики, очень красивые. Он к ней подбежал и дёрнул: хотел развязать бантик, а он оказался на резинке, в итоге бантик остался в руке, а Маша растрёпанная стояла и редела...

— Дядь Егор, а ты чего его весь вкрутил, его же к сиденью вторым концом надо, сам же сказал!

Егор рассеянно посмотрел на ножку от будущей табуретки. Задумался, видимо. А о чём? Да всё о том же, о странном и детском. Но как-то так тоскливо вдруг стало. Он посмотрел на племянника: тот вытирал пухлой ладошкой невидимый пот со лба. Как будто бы и правда "помогал" исправлять свою двойку по труду.

— Валерк, а ты вот почему верил в Дед Мороза?

— Как это – почему? Так вы же все про него говорили! Ведь все же вы! И ты сам!

— Ну так мы и про всяких там кощеев говорили или ерунду типа "выброшу игрушки, если не уберёшь". Ты же не всему верил-то?

Валерка нахмурился в растерянности.

— Ну как же... Мы же, помнишь, молоко ему на столе оставляли и печенки? А наутро всегда только крошки и стакан пустой!

Егор с улыбкой взглянул на мальчишку и вспомнил, как однажды встал, по традиции, выпить это молоко новогодней ночью, а стакан стоял уже пустой. Это было его, Егора миссией – выпивать молоко, никто другой в семье молоко не любил. А тут такое... Чуть сам не поверил в Деда. Наутро оказалось, это мама вылила, решила, что уж слишком Егор напился, и забудет ночью встать, а внук расстроится.

— Да, это точно. А следы помнишь?

— Ну конечно! Вот следы же под окнами были! И кусок бороды на форточке! Вы меня хорошенько обхитрили!

Егор вспоминал, как под утро после бурной новогодней ночи брат Саня вставал и вытапывал эти следы отцовскими полярными валенками.

Первые годы после рождения Валерки они все вместе жили: родители, Егор и Санька с женой и малышом. Жена

Саньки придумывала всегда какие-то трюки, чтобы создать сказку. Правда, выполнять задуманное приходилась Егору с Сашей, но они не роптали. Егору казалось, будто он заново проживает моменты детства. И в то же время такая печаль иногда накатывала... Для него почему-то никто следов Деда Мороза не вытаптывал... И бороду на окно не вешал.

— Дядь Егор, а ты чего?

— Что?

— Ну, ты это, загрустил что ли?

— Да с тобой загрустишь! – опомнился Егор. – Вон подкинул работёнки в единственный мой выходной! Давай вторую ножку сам прикручивать будешь. А я передохну.

— Сам я криво сделаю, Лопата опять ругаться будет.

— Кто?

— Да Анатолий Афанасич, по труду. Мы его лопатой зовём, потому что он всё время грозитя выбить из нас дурь. Лопатой.

— Это ж как надо было довести трудовика, чтобы он тебе двойкой угрожал? – улыбнулся Егор.

— Да я ему просто сказал, что человека от обезьяны отличает не физический труд, а интеллект... Он и разозлился.

— Ну ты брат даёшь! – расхохотался Егор. – Мамка что ль тебе это сказала?

— Да нет, бабушка так всегда говорит, когда за уроки сажусь. Ну я и сказал это Афанасичу... А он разорался – двойку влепит за полугодие, раз я такой "интеллектуал безрукий". Что не примет от меня никаких заготовок, только полностью собранную табуретку.

— Так, может, ему просто надо подарок какой подогнать к Новому Году?

— Да при чём тут Новый год, дядь Егор! – Валерка замаhal руками. – Он же хочет, чтобы я как все, строгал и пилил! Ему табуретка нужна, а не подарок!

— Ну, это ты брат брось. Подарки нужны всем, особенно под Новый Год. Табуретку мы конечно с тобой слатаем, но, чувствую, надо будет ещё что-то придумать. Ты ж ему какую душевную рану нанёс!

— Чего? А чё я сказал-то? Сами говорите, а мне нельзя получается?!

— Да ладно, успокойся. Лучше про подарок давай решим. Что он там любит у вас?

— Да откуда я знаю. Бабушке надо сказать, она что-нибудь придумает.

Егор задумчиво повертел заготовку.

— Вспомнил!

— Чего? Как табуретки делать?

— Да нет, про то, когда точно понял! Что нет его, Дед Мороза! Мы в магазин зашли тогда с мамой и братом. Магазин небольшой, тёмный. Мама смотрела ерунду какую-то хозяйственную, не помню. А я на полки гляжу – скукота: кастрюли, мочалки. На одной только пёс игрушечный. Странный такой, кудрявый. Тут мама подошла ко мне. Спрашивает: нравится? Я вроде кивнул. А что там ещё в этом магазине может нравиться? Она посмотрела на меня, а потом попросила нас на улице постоять. И вот мы стоим там, перед входом, обдираем с перил сосульки... а я... я вот помню, что как будто тогда уже понимал, что она там этого пса покупает... И всё думал – хоть бы не купила. И как ей сказать это – не знал... Мы ещё жили тогда в Чертаново... Значит, мне пяти не было...

— И чего?

Егор молчал, неопределённо щурясь. Валерка смотрел с нетерпением.

— Дядь Егор! Чего дальше-то?

— Дальше... – Егор как будто вновь оказался там: нечищенные улицы, сугробы, по которым идёшь от садика до дома целую вечность, как будто по снежной пустыне, увязая валенками. Снег сверкает, соколовища вокруг... Шубка ещё от брата, с заплатками на подкладке, пояс на шубе всё время расстёгивался, колючие рейтузы под штанами, дурацкие платки под шапку, как у девчонки. Площадки детские – огромные пустыри с вывернутыми "черепахами" и качелями, обязательно без дна. Длиннющие очереди за маслом, серые свёртки в магазинах. Снег кружится. И Новый Год как будто вот-вот, а все говорят через неделю или две... А как понять, сколько это ещё – их неделя... И столько надежда, столько радости при этом...

— Как оттуда шли, не помню. Помню только, что я очень хотел на тот Новый Год такую игрушку – "Ну, погоди". Что-то вроде тетриса...

— Вроде чего?

— Эх ты, темнота. Тетрис что ли не видел? "Ну погоди" было вроде как допотопный пиэспи твой. Только с одной игрой. Размером с телефон. Там экран и несколько кнопок. Игра примитивная: волк гоняется за зайцем. Сашка Рязанов в детский сад приносил! Давал поиграть за ватрушку с полдника. Тот ещё жук. Так вот я очень хотел эту игру.

— А что ж ты её не попросил вместо собаки?

— Хороший вопрос... Мне почему-то казалось, что просить родителей о таком нельзя. Не могу тебе объяснить, как это. Как будто это что-то из другого мира. У Сашки батя был каким-то чиновником. Наверное, в пищевой промышленности, Сашка у него жирный такой был, не мог кувыркатся на физкультуре: живот мешал. – Егор осёкся, глядя на нехрупкого Валерку. – Вот ты, между прочим, будешь свои чипсы хомячить, тоже таким станешь!

— Да это не от чипсов! Это гены!

— Ты где такой умный рос? Глянь на него, лучше б табуретку сам сделал!

— Так чем закончилось, дядь Егор?!

— Да ничем особенным. Я ходил тогда до Нового Года и всё время шептал Деду Морозу куда-то в небо, что очень хочу такую игру. Очень-очень. Даже готов был с папкой твоим пополам. Хотя понимал, что драться с ним придётся, чтобы поиграть. Мы с ним за все игрушки дрались. Только так, чтобы мама не видела. Она до сих пор считает, что наш лучший период в жизни был, когда мне было восемь, а ему двенадцать. Знала бы она!

— Дядь Егор, ты не отвлекайся! А ты письмо Деду написал?

— Я писать тогда не умел. Говорю ж, мне было года три-четыре наверное. Но игру нарисовал и положил на подоконник. Думал, что раз он за нами следит, значит, заглядывает в окна, увидит и принесёт...

— И что случилось в Новый Год?

— Да ничего не случилось. Праздник семьёй отмечали. Наутро мы как всегда рано-рано проснулись и к ёлке. А там подарки... Я до последнего очень надеялся, что там игра будет...

— А там эта собака, да? – грустно спросил Валерка.

— Собака...

— И всё?

— Нет. Ещё сапоги. Сапоги, а на них собака.

— Какие сапоги? При чём тут сапоги??

— Обыкновенные. Детские сапоги. Серые, резиновые. С белым мехом поверху.

Валерка сочувственно помолчал.

— Наверное, твой самый грустный Новый Год, да?

Егор осторожно присел на табуретку, покачался на неровных ножках...

— Да нет, этот, оказался вполне ничего. Вот на следующий год батя от нас ушёл.

— Как ушёл? Дедушка? Он же с вами живёт! Вернулся что ли?

— Вернулся. Через шесть лет. — Егор перевернул табуретку и начал подкручивать ножки.

— И тебе ничего не дарили на Новый Год всё это время?

— Почему же. Дарили... Как раз когда батя ушёл, он начал нам на Новый Год какие-то самые навороченные подарки дарить. Компенсировал. Только не нужны мне были все эти игрушки. Я всё смотрел на ту собаку и просил у кого-то там, наверху самый главный подарок... чтобы отец снова был дома.

Егор поставил табуретку, оперся руками и ещё раз попробовал покачать. Табуретка не шаталась.

— Так значит всё-таки получил подарок?

— Получил. Только не на Новый Год и не от Деда Мороза. Но это было совсем не важно.

РЕВНОСТЬ

— Алиса, родная моя. Никому тебя не отдам. Я найду выход. Я же тебя больше жизни люблю! – Костик утирал слёзы грязной ладонью, оставляя на щеках серые следы. – Ты же удивительная. Ты красивая, умная моя. Ты самая ласковая!

Алиса стояла молча, переминаясь на месте, только грустно смотрела большими карими глазами.

— Ненавижу этого дурака! Никуда ему тебя не отдам! Слышишь?! Они не смогут тебя забрать! Я обязательно что-нибудь придумаю!

Костик бессильно пинал ботинком деревянную подпору.

— Вот зачем ты ему? Он ведь ничего о тебе не знает! Он даже не разговаривает с тобой! А я люблю тебя! И ты меня, я же знаю! А этот... Что он? Ненавижу, когда он тебя трогает! Так бы и врезал! Он и погладить нормально не может, только для виду рукой коснётся!

Дверь отворилась, и он услышал за спиной торопливое:

— Костик, Никита приехал! Выводи давай!

Костик надвинул пониже козырек кепки, вытер рукавом нос и подошёл вплотную к Алисе.

— Приперся! Где его год носило? А теперь вот решил вдруг, что нравится ему! Через день приезжает!.. Умница моя, потерпи. Я обязательно что-нибудь придумаю. Я буду рядом, не переживай! Все будет хорошо!

Он поправил седло, проверил стремяна, похлопал любимую лошадь по длинной бархатной шее и прижался к теплой морде. Алиса пыхнула на него горячим воздухом. Её влажные ноздри нетерпеливо раздувались.

Костик отворил большие ворота и медленно повел Алису. Инструктор небрежно взял поводья и оглядел ремни. После недавнего случая с Алисой оба инструктора конюшни стали

проверять за Костиком каждую лошадь. В тот раз Никита свалился с Алисы, не успев даже до конца залезть. План не сработал. Костик рассчитывал, что плохо пристегнутое седло соскользнет где-нибудь в прыжке или на полном скаку. Но Никита видимо оказался слишком тяжелым, и, лишь ступив левой ногой в стремя, сдвинул седло и неуклюже упал с небольшой высоты. Тогда Костику сказали, что выгонят с конюшни, если не доглядит ещё раз. Пришлось на время оставить свои попытки.

Костик закрыл дверь и устроился возле большой щели. Он смотрел на Алису и тяжело тосковал. Вот Никита в начищенных сапогах и жокейке небрежно усаживается в седло. Он даже не смотрит на Алису, ему наверное всё равно, какая под ним лошадь. Просто отец купил ему именно эту ещё в позапрошлом году. И только несколько месяцев назад, Никита начал с ней заниматься.

Костик смотрел с ненавистью на Никиту и его охранника, постоянно перемещавшегося за вольером. Иногда приезжал и отец Никиты – ленивый толстый мужик с золотыми кольцами. Он усаживался неподалеку и иногда выкрикивал что-то инструктору. Он всегда хвалил сына, когда тот слезал с лошади, хотя наездник из Никиты был неважный. Тогда Костику становилось совсем тяжело. Вместо злости появлялась горечь, и хотелось уйти. В такие моменты Костик вспоминал то ноябрьское утро, когда он проснулся от маминого плача и топота людей в доме. Отца убили ночью, прямо во дворе, когда он наверное по привычке проверял, запер ли машину. Четыре выстрела в спину, пистолет с глушителем, отпечатков не оставили, вещи не забрали, машину не открывали – эти обрывки фраз эхом кружились по их квартире весь следующий месяц, повторяясь снова и снова для все новых и новых соболезнующих.

Их с мамой никак не оставляли одних, даже ночью кто-то всё время приезжал утешать и «присматривать». Костику было страшно и одиноко, как будто он и маму потерял. Все эти люди казались ему совсем лишними в их большой и внезапно ставшей такой мрачной квартире. Они что-то ему говорили, приносили игрушки и сладости и отправляли в комнату смотреть мультфильмы. Иногда они притаскивали своих сыновей. А те, со свойственным детям простотой и любопытством спрашивали Костика, как и за что убили его папу.

А потом Костик начал замечать, что эти люди куда-то стали исчезать. Постепенно куда-то ушли и те, кто работал у них: водитель, домработница, его учителя. Через год они переехали в другую, маленькую квартиру. С мамой они совсем отдалились. Целыми днями Костик после школы слонялся по улицам, не понимая, куда деть свою боль, с кем поделиться. Хотелось, чтобы можно было с кем-то поговорить.

А чуть позже, когда ему было двенадцать, он случайно попал на конюшню. Сначала просто приезжал поглядеть на лошадей. Что-то завораживающее в них было, в их силе и скорости, в этой их свободе. Его не прогоняли, даже разрешали смотреть, как в конюшне всё устроено. А потом и вовсе предложили убирать загоны, а взамен иногда кататься. Постепенно Костик научился ухаживать, кормить, седлать. Ему разрешили катать детей на пони по кругу парка. За два года конюшня стала ему родной. Он почти уже и забыл про то детство, наполненное яркими игрушками, сладостями, бесконечными походами в парки и кино. Всё это сейчас казалось глупостями. Здесь была взрослая жизнь. Обычная, серьезная жизнь. Он теперь редко улыбался, а смеющимся его и вовсе никогда не видели. Каждый день приезжал с утра, а вечером уезжал домой ночевать. С матерью отношения совсем разладились, в школе перевели на надомное обучение. А здесь, на конюшне

он просто жил. Ему не нравились люди, не нравились их вопросы. Ему нравилось оставаться наедине с лошадьми. Было спокойно и хорошо.

Год назад, когда на конюшню привезли Алису, он вдруг понял, что в груди у него что-то как будто горит. Сначала подумал, что заболевает, расстроился, что к лошадям теперь неделю не дадут подойти. Но потом заметил, что именно рядом с Алисой всё становится как-то по-другому. Костику и раньше с лошадьми было хорошо, но Алиса – казалось, не просто лошадь. Когда он с ней разговаривал, она будто понимала. То кивнёт, то отойдёт в сторону, то отвернется. Сначала он говорил ей только что-то простое, по привычке приучая лошадь к себе, чтобы легче было ухаживать. Алиса же всё время тянулась к нему мордой, подходила поближе, а когда видела мальчика с утра в конюшне, начинала нетерпеливо переминаться. Постепенно Костик стал рассказывать ей что-то из жизни, а потом и о прошлом. Как-то даже вспомнился фильм из детства, когда мужчина, разбившись в аварии, заново рождается уже собакой, и находит своего сына, чтобы оберегать. Костику уже было четырнадцать – не тот возраст, когда верят в сказки. Но то, что Алиса стала для него важнее всего на свете – это Костик понял, и старался теперь быть всегда рядом. Целыми днями выгуливал он её по парку, бережно вычесывал, каждый день осматривал подковы. Когда инструкторы дрессировали Алису, Костик всегда наблюдал, шепотом подбадривая любимицу: «Ну же, давай, ты всё правильно делаешь! Вот умница моя!».

И вот три месяца назад появился Никита. Он появился так сразу, как будто всегда здесь был. Костику казалось, что этот Никита заполнил всё пространство вокруг Алисы, занял всё её время. Лошадь была собственностью Никиты, потому он мог приехать в любой момент, и Костику не разрешили боль-

ше уводить Алису в парк. Теперь там иногда на ней ездил сам владелец, когда был не в настроении заниматься с инструкторами на площадке.

Костик смотрел в щель, не замечая ничего вокруг.

— Чего, Костян, за девчонками подглядываешь?

Костик вздрогнул от неожиданности и обернулся. Павел, главный хозяйственник по конюшне, лукаво улыбался, но, встретившись взглядом с Костиком, удивлённо поднял брови.

— Ну-ка, подвинься! Это чего там так тебя вышибло? – он подошёл к стене и кряхтя склонился к щели. – Лупят что ль кого?

Костик молчал. Павел постоял несколько мгновений, потом обернулся и озадаченно посмотрел на Костика.

— Что-то ни разу не видел, чтобы ты плакал... – Павел удивленно-вопросительно смотрел на Костика, но тот привычно молчал. – Из-за неё, что ли? – Павел мотнул головой в сторону площадки, – из-за Алиски?

Костик опустил взгляд и отвернулся. Он весь как будто ссутулился и съёжился. Хотел было взяться за что-то и начать мести или поменять воду, но только никак не мог сдвинуться с места.

— У, брат, ты попал... Ревность – это дело такое... – Павел ещё постоял немного, снова поглядел в щель. – Мда. Да не переживай ты, не последняя она – любовь у тебя. Попривыкнешь с ними расставаться.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

МОСКВА ОБЪЕДИНЯЕТ

На Московской международной книжной выставке-ярмарке

Несмолкаемый гул голосов, хаотично снующие толпы, пробивающиеся в поисках чего-то нового и свежего или же редкого и давно забытого, чего-то особенного, своего. В условиях пессимистических прогнозов, разговоров о вымирании литературы, исчезновения читателя Московская международная книжная выставка-ярмарка кажется маяком надежды для писателей, журналов, издательств. Тот ажиотаж, который каждый год разворачивается вокруг книжной ярмарки в Москве – городе, и так изобилующем последними книжными новинками, говорит о прицельном читательском интересе, желании не просто покупать книги, но выбирать их вдумчиво, изучая предложения издателей, разглядывая стенды, слушая выступления авторов.

Бурно было и у стенда так называемых “толстяков” – старейших литературных журналов России. Своих авторов представляли “Наш современник” и “Москва”, “Знамя” и “Октябрь”, “Дружба народов” и “Новый мир”. Были организованы встречи с редакторами и прозаиками, поэтами и критиками, презентации самих журналов или отдельных книг.

“Наш современник” в этом году презентовал молодежный номер. По уже сложившейся традиции один из номеров годового комплекта журнал полностью посвящает молодым. На ярмарке Андрей Тимофеев и Елена Тулушева – писатели, открытые “Нашим современником” и успевшие стать его постоянными авторами, представляли восьмой молодёжный номер, рассказали о сверстниках, делились творческими планами, предлагали читателям свои книги.

Нашу маленькую напористую команду (выступать пришлось без микрофона, в буквальном смысле слова идя в массы) возглавил заместитель главного редактора “Нашего современника” Александр Иванович Казинцев – вдохновитель молодёжного проекта журнала.

Дискуссия развернулась вокруг основных вопросов: кто вы – новые писатели? что хотите сказать? чем отличаетесь от поколения предыдущего? А если кратко, всё свелось к вопросу из памятной детской считалочки: “Кто ты будешь такой? Говори поскорей...” И мы говорили.

За последние три года на страницах “Нашего современника” появилось целое поколение молодых прозаиков. После того как они стали победителями российских и международных премий, участниками престижных литературных форумов, о них заговорили как о единой литературной группе, о явлении. Прозаик и критик Андрей Тимофеев назвал эту группу “молодыми традиционалистами”, чем дал толчок для бурной полемики, сопоставления с “новыми реалистами” – предыдущим ярким литературным явлением, объединившим Захара Прилепина, Романа Сенчина, Сергея Шаргунова.

Что отличает нас, что делает особенными? Несколько ярких критических статей о “новых традиционалистах” было напечатано за последние годы на страницах “Нашего современника”, “Литературной газеты”, “Литературной России”. В представленном на выставке восьмом номере “НС” опубликована статья Романа Сенчина “Время врываться”, где один из ведущих современных прозаиков обозначает свой интерес к пришедшему поколению, призывает действовать смелее, заявлять о себе громче.

Возможно, громкости нам не хватает. Той громкости, которой пресыщено акустическое пространство современности. Заяви о себе, привлекая внимание, эпатируй – диктует нам время.

Как психологу, мне всегда интересна личность автора, те внешние переменные, которые его сформировали. И, глядя на своих сверстников, слушая их истории во время литературных поездок и за кулисами церемоний вручения премий, у меня складывается вполне полноценная и понятная картинка “писателя нашего времени”.

Мы не пишем о мире с вызовом, не кричим “смотрите!”, не эпатуруем. Мы не ищем сюрреалистических форм и экспрессивных методов. Наш творческий мир – это та действительность, в которой мы формировались. О чём здесь кричать? Наше поколение родилось в середине 80-х, в период перестройки, огромных очередей, бесконечной нехватки чего бы то ни было. Мы пришли в школу с распадом СССР. Не успели застать то самое, созданное десятилетиями государство, потому и не ощущали девяностые как развал. Это была просто наша повседневность. Мы не успели узнать и полюбить то, что было до этого. И мы росли вместе с новой страной. Росли, пропитанные хаосом и неуютом, прорастали из бедности и страха, стремясь к стабильности и надежде. То, что пугало наших родителей, было для нас обыденностью. Мы не можем писать о девяностых, как о крахе, ведь мы формировались уже после этого “атомного взрыва”.

Это в школе наше поколение хотело стать юристами, экономистами и ещё кем-нибудь успешным и обеспеченным, а в итоге после окончания института пошло искать себя в совсем иных сферах, заканчивая второе высшее, бесконечные курсы, подрабатывая где угодно. Мы чуть ли не последнее поколение, готовое писать не за деньги, не конвертируя наши способности в заработок копирайтера.

Нас спрашивают, зачем новому поколению возвращаться к русской литературной традиции? Такой вопрос свойственен тем, кто рассматривает вопрос эволюции в литературе

исключительно линейно: либо мы повторяем, копируем предшественников/наставников, что скучно и неинтересно, либо мы должны представить что-то кардинально новое, кричащее, вызывающее, не имеющее ничего общего с прошлым. Но есть и другой, более вдумчивый, более проработанный подход. Так, например, в представлении знаменитого литературоведа Юрия Тынянова стилевая преемственность – это “не линейная преемственность”; она сложна, диалектична, включает в себя связи и полемику. “Нет продолжения прямой линии, есть отправление, отталкивание от известной точки – борьба”. Сам принцип литературного движения Тынянов определяет как “борьбу и смену”, борьбу, понятую как согласие и спор одновременно (<http://md-eksperiment.org/post/20170129-yu-tyunyanov-o-literaturnoj-lichnosti>). И “новые традиционалисты” не есть повторение или прямое продолжение классических традиций русской литературы, но отталкивание от нее, согласие с ее принципами и обновление её форм и задач.

В восьмом номере “НС” опубликовано двадцать молодых авторов. Восемь прозаиков – Дмитрий Филиппов из Питера, Юрий Лунин, Андрей Тимофеев и Алёна Белоусенко из Подмосковья, москвички Настя Чернова и Лена Тулушева, Мария Шурыгина из Красноярска, Юрий Фофин из Челябинска. География тоже важна! Она показывает, что журнал не замыкается в пределах Садового кольца, он предоставляет слово писателям всей страны. Это подтверждает и поэтическая тетрадка, включающая произведения десяти авторов. Тут и Мария Знобищева из Тамбова, Кристина Кармалита из Новосибирска, Марина Перова из Кургана, петербурженка Серафима Сапрыкина и её земляк Евгений Капустин, Борис Пейгин из Томска, Карина Сейдаметова и Олег Малинин из Подмосковья, юный (18 лет!) поэт Василий Нацентов из Воронежа. Из двух авторов раздела критики Ирина Шейко представляет Краснодар, Яна Сафронова – Подмосковье.

Представим, сколько труда нужно было потратить, какое знание современной литературы проявить, чтобы собрать эту дружину из дюжины городов и весей.

Эти тексты не кричат, не изобилуют восклицательными знаками, несмотря на порой страшные события, в них описываемые. Они не принаряжены диковинными постмодернистскими изысками. В них привлекает простота и прозрачность. И как бы ни страшна была жизненная история вырвавшегося из чеченского плена парня из рассказа Филиппова, об этом написано без кровавых деталей и описаний пыток, без ужаса и страха. Не обязательно описывать факты напрямую, куда плодотворнее предоставить пространство для читательской фантазии.

В этом, на мой взгляд, и заключается отличительная черта “молодых традиционалистов”. Они не выводят своих героев на эстраду, а размещают их в зрительном зале, и каждый читатель ощущает себя частью этого действия.

Особо отмечу глубоко тронувшее меня проявление писательской солидарности. Поддержать молодых авторов “Нашего современника” пришли известные писатели: главный редактор “Роман-газеты” Юрий Козлов, прозаик Михаил Попов, поэт Александр Бобров, недавно назначенный главред “Дружбы народов” Сергей Надеев, директор Института русской цивилизации Олег Платонов.

ШАНХАЙСКОЕ БРАТСТВО

Нас собрали со всей России. Пропустили через сито двойного отбора. Сначала свои кандидатуры предложила российская сторона, основываясь на рекомендациях преподавателей Литинститута, редакторов толстых журналов, руководителей региональных писательских организаций. Затем над списком основательно поработали китайцы. Они учитывали премии, полученные на конкурсах, отзывы в прессе.

И вот мы летим в Шанхай, и стюардесса по громкой связи напоминает – наш самолёт носит имя русского классика Антона Чехова.

Мы – это 16 прозаиков и поэтов, участников Форума молодых писателей России и Китая. Форум проводится в первый раз, и от того, насколько представительным он окажется, насколько содержательными и яркими будут выступления, во многом зависит судьба литературных связей молодёжи двух стран. Дома мы могли спорить, конкурировать, но здесь были единым целым. На несколько дней мы стали представителями всей молодой русской литературы.

После девяти часов полёта приятно ощутить твёрдость земли. Мы с наслаждением подставляли лица неверному предзимнему солнцу. Хотя какая там зима: в Шанхае – плюс 17!

Рассевшись в автобусе, мы с жадностью всматривались в мелькавшие за окнами образы незнакомой жизни. Слушали байки бывалого путешественника Олега Бавыкина, главы Иностранной комиссии, или, как его именуют в шутку, – министра иностранных дел Союза писателей. Забрасывали вопросами известного китаиста Игоря Егорова, переводившего Мо Яня задолго до вручения ему Нобелевской премии. Ловили забавное мелодическое произношение наших переводчиц. Мы оставили дома напряжение и трево-

ги и просто поплыли по течению, вверив себя заботливым хозяевам.

Со стороны мы не были похожи на типичную группу русских туристов. Ну, разве что однажды, когда пытались спросить местных, как пройти к станции метро. Увы, знание английского и французского не спасало. Нашу коллективную пантомиму – “поезд под землёй” – китайцы тоже не оценили. Хотя некоторые, видимо, из жалости к затерявшимся иностранцам, показывали нам дорогу – в противоположные стороны одновременно.

Днём мы скорее выглядели молчунами. А вот вечерами собиравшись в чьём-то номере, но не столько, чтобы поделиться впечатлениями, сколько чтобы добрать новых эмоций от общения друг с другом. Мурманск, Иркутск, Омск, Вологда, обе столицы... Увидимся ли мы ещё когда-то? Найдутся ли заинтересованные люди, такие, как Олег Бавыкин, которые приложат столько усилий, чтобы подарить молодым шанс? Хочется верить, что мы будем встречаться хотя бы на страницах литературных журналов. Кстати, многим из нас именно журналы открыли дорогу в литературу. Приятно, что наиболее широко на Форуме были представлены авторы “Нашего современника” – Андрей Антипин, Андрей Тимофеев, Настя Чернова, Лена Тулушева, Олег Сочалин.

Мы такие разные, с такими непохожими литературными историями. Время здесь летело ещё быстрее, чем в российской суете. Нам так много хотелось сказать друг другу, так много спросить и услышать, так много успеть запомнить, да и насмеяться вдоволь. Не говоря уже о нашем русском – попеть и попить. Ну ладно, будем честны, выпить. (Как ни пытались мы встроить местную еду в наше застолье, куриные лапки и маринованные водоросли всё-таки проиграли одному-единственному на всех батону колбасы с буханкой чёрного хлеба.)

Андрей Антипин догадался привезти с собой не только хлеб родного дома, но и видео родного края. Ночью в номере шанхайского отеля шумная русская компания смотрит в ноутбук на прохладные леса и медленные реки Прибайкалья, на глухие деревни и разошедшиеся домишки, слушает родные напевы...

Пусть читатели не думают, будто мы прохлаждались в Шанхае. Прохлаждаться? Где угодно, только не на китайских мероприятиях! Всё подчинено жёсткому графику.

В Шанхайском университете мы общались со студентами-филологами и переводчиками и были поражены их уровнем владения русским языком. И это при том, что некоторые изучают его всего пять-шесть лет. У нас возникли большие сомнения, могут ли русские студенты так же качественно овладеть китайским за столь короткое время.

Помимо профессионализма, наши переводчики приятно радовали своей открытостью, неподдельным интересом к русской культуре, своей начитанностью. В социальных сетях они размещают портреты Пушкина и русские пейзажи, цитаты Толстого и строчки Есенина!

Два дня Форума были расписаны по минутам. И, как ни пытались мы своей русской душой несколько раздвинуть рамки, перейти на формат бесконечной дискуссии, китайская сторона настойчиво соблюдала запланированные сроки. На открытии заседания от нашей делегации выступал Сергей Николаевич Есин, бывший ректор Литературного института. Его присутствие было не только ценным, но и символичным. В делегации немало выпускников Литературного института.

Андрей Тимофеев был приглашён выступить на пленарном заседании. Как и подобает официальному докладчику, Андрей был строг, но справедлив. Он анализировал тенденции современной русской литературы, сравнивал стили таких авторов, как Прилепин, Сенчин, Шаргунов, говорил о новых именах.

Выступления китайских филологов и писателей поражали своим разнообразием и глубоким знанием нашей литературы. В моей секции писатель Чжан Яньян восхищался русской традицией воспитания в детях любви к природе. “Вы учите детей бережно относиться ко всему живому, я люблю за это русскую прозу”. Чжан подкрепил свои выводы цитатами из Пришвина и Паустовского. Знают ли наши писатели китайских авторов так же хорошо? А ведь сказки Пушкина в Китае изучают в рамках школьной программы...

Мне захотелось порадовать китайских хозяев. Вспомнила в докладе и знакомые с детства мудрые и загадочные “Рассказы Ляо Чжая о необычайном” и “Речные заводи” – многослойный китайский роман о благородных разбойниках, воспринимавшийся в детстве как “Легенды и мифы Древней Греции и Рима”. Рассказала, что русскому читателю из современных китайских авторов известен не только Мо Янь, но и другие писатели, в частности, Лю Чжэньюнь. Его роман “Я не Пань Цзиньянь” часто называют сатирическим, хотя я увидела в нём психологическую драму.

Мы говорили и спорили о многом. В одной из секций развернулась дискуссия об образе Анны Карениной. Мы спросили китайских коллег: могла ли Анна Каренина появиться в Китае? Их молчание было таким затянувшимся, а лица столь удивлёнными, что казалось, будто вопрос неправильно перевели. Выяснилось – дело не в переводе. Удивились ребята самой мысли, что подобная героиня могла бы быть в Китае. Не удержусь и процитирую ответ: “Нет, это невозможно. Потратить жизнь на любовь – это не соответствует нашим традициям... Уходить из семьи ради любви? Китайская женщина даже не раздумывала бы об этом”. Мы были поражены. Мы – русские, люди чувств и эмоций, “коль рубить, так уж сплеча”. И они – как будто с другой планеты... Но сколько интереса и уважения

в них к нашей литературе, к нашим традициям. Китайцам далёк наш образ мысли, но они пытаются понять нас, изучают культуру, анализируют творчество. Как редко у русского человека встретишь такой интерес к тому, что отличается от его привычного мироощущения!

Самый неординарный формат ждал нас на поэтическом вечере. Китайские поэты читали свои стихотворения, а затем русские ребята – свой перевод. Русских поэтов китайцы также перевели и зачитывали вслух. Столь непохожая поэзия, столь непонятные китайцам наши рифмы и ритмы... Наверное, о поэтическом вечере лучше расскажут сами поэты. Им довелось поработать друг с другом, познакомиться через стихи. Мы, прозаики, просто получали эстетическое удовольствие, любуясь молодыми дарованиями.

Но финальный аккорд в калейдоскоп впечатлений внёс главный организатор Форума – директор Института мировой литературы Чжэн Тиу, прочитав нам Гумилёва. То, как читал последние строки китайский профессор, создало щемящее ощущение удивительной близости и духовного единства:

*...Ничего я в жизни не пойму,
Лишь шепчу: "Пусть плохо мне приходится,
Было хуже Богу моему,
И больше было Богородице".*

К слову, о поэзии. Мы исполнили свой паломнический долг, принесли букет символу почитания русской литературы в Китае – памятнику Пушкину. На пересечении двух скверов стоит, уже в третий раз восстановленный, бюст нашего великого поэта. И удивительно по-питерски выглядит этот квартал: тенистые аллеи, невысокие европейские усадьбы, вальс шуршащей листвы, русская речь... На мгновение показалось,

что мы дома. И каждый, наверное, о чём-то своём спросил у поэта, надеясь ещё когда-нибудь вернуться, может быть, уже известным русским писателем.

Ну а пока мы продолжали спорить, спрашивать, обсуждать... Одну из самых острых тем этого форума предложила китайская писательница. Она озаглавила доклад несколько туманно: “От русской матери к русскому брату”. Но после перевода её выступления нам стало печально. Писательница говорила о месте русской литературы в мироощущении китайцев. О том, что когда-то наша классическая литература была для китайской своего рода матерью. Современную нашу литературу они уже воспринимают лишь на уровне брата. Безмолвно повис вопрос, кем мы – молодые русские писатели – станем для китайских коллег в ближайшем будущем... младшим братом? учеником?

Возможно, именно такие выступления нужны молодым авторам, чтобы, вернувшись домой, приступить к творчеству более вдумчиво, осознавая ответственность за себя, как за русского автора, наследника тех уникальных традиций, которые должны быть достойно продолжены.

"O, DOLCE NAPOLI!"*

** Рассказ Елены Тулушевой "Клад" был отмечен
российско-итальянской премией "Радуга"!
Награждение прошло 23 июня в Неаполе.*

Неаполь... На Москву похож. Летнюю. Жаркий, шумный, неутомный. Не спящий. В полпервого ночи, уставшая – с позадавшего самолёта – вышла из отеля вдохнуть морской прохлады... Но подхватил, закружил, унёс в знойную ночь гвалт толпы, хаотично бродящей по широченной набережной. Фейерверки, уличные акробаты, жонглёры с факелами. Поспать бы, да велик соблазн раствориться в этом блаженно-бессмысленном потоке.

А утром – утром он яркий, заслоняет солнце своим великолепием. Только весь в строительных лесах, как моя Москва. Но здесь не ломают, здесь бережно реставрируют, подкрашивают, по кусочкам восстанавливают треснувшие витражи. Мой город варварски меняют, выкорчёвывают осколки памятного. Здесь – лелеют, гордятся. Как москвичке – обидно. И всё-таки радуешься тому, что хотя бы где-то сохраняют, берегут драгоценное наследие.

Что ж всё о высоком, ведь жизнь – она в каждом звуке, в каждом мгновении. Выпить чаю с воздушным канале в той самой кофейне, куда любил заходить Гоголь, – что может быть приятнее в начале дня. В кафе всё по старинке, как в моём московском доперестроечном детстве: в каждом отделе заказываешь, запоминаешь цифры, идёшь к общей кассе, пробиваешь, и снова с этими чеками по каждому отделу. Зной невозможный. За барной стойкой толчея, столиков внутри не предполагается, а снаружи не укрыться от разыгравшегося солнца. Но официанты, одетые с иголки, в белоснежных рубашках и отглажен-

ных брюках, в какую бы забегаловку ты ни заглянул, как будто и не замечают жаркого натиска лета. Это – уважение к себе, к профессии. Они демонстрируют его так, чтобы окружающие тоже их уважали. Какую работу ты ни делаешь – делай её достойно. Рядом со стойкой огромный поддон, в котором бурлит вода: кофейные чашки не просто моют – кипятят. В такую погоду предосторожность не лишняя.

Хочется бесконечно стоять вот так, разомлев, растворившись в этой сутолоке, слушать рассказы великолепного знатока Италии Евгения Солоновича. Замечательный переводчик, Евгений Михайлович, шестьдесят лет знакомит русских читателей с произведениями крупнейших итальянских авторов. Лучшего собеседника для знакомства со страной и её культурой не найти.

Италия – страна особенно благосклонная к творческим русским людям. Как много талантливых живописцев были отправлены сюда императорской Академией художеств для совершенствования мастерства. А сколько русских писателей и поэтов приезжали в Италию в поисках красоты и вдохновения. От Гоголя до Прилепина, всех и не перечешишь!

Именно Италия учредила сразу несколько совместных с Россией литературных премий. Крупнейшая – "Москва – Пенне", лауреатами были Валентин Распутин и Фазиль Искандер. Пушкинская премия присуждается за произведения, "демонстрирующие связи и преемственность между итальянской и российской культурами". Недавно заявила о себе поэтическая премия "Белла". И, наконец, "Радуга" – для молодых прозаиков и переводчиков. Примечательно, что название "Радуга" итальянцы не стали переводить, они используют транслитерацию "Raduga".

Уникальность этой премии в самом формате оценки. Прозаик может представить только один рассказ, причём совсем

короткий! Это отличает конкурс от прочих, награждающих за творческие достижения в целом или за опубликованные книги. Ведь развернуться в таком ограниченном пространстве безумно сложно! На нескольких страницах ты должен быть предельно убедительным, должен успеть сказать о главном, при этом сказать хорошо, интересно.

Конкурс прекрасен своей объективностью. Никакого бэкграунда. Твои прежние достижения, почести и книги – оставь себе, дорогой автор. На суд жюри, в которое с российской стороны входят нынешний ректор Литинститута Алексей Варламов и бывший ректор Борис Тарасов, представь несколько страничек, выбери достойное и рискни. Вот уж задача для молодого автора! Дашь промашку – жди следующего года. Многие заявлялись не раз, прежде чем стать победителями.

Лауреатами премии в разные годы были хорошо известные читателям "Нашего современника" Сергей Шаргунов, Юрий Лунин, Дмитрий Филиппов. В этом году в короткий список наряду со мной вошёл Андрей Тимофеев с трогательным рассказом "В тёплых лучах" о переосмыслении молодым человеком своих чувств к жене. В коротком списке и Евгения Декина, которую Андрей также включает в "поколение традиционалистов" (вместе с лауреатами – Луниным, Филипповым и Тулушевой). Рассказ Декиной "Мальчик" жёсткий, "ножевой".

Свободный от учёта прежних заслуг, конкурс даёт уникальный шанс новичкам. Так, лауреатом премии с итальянской стороны стала Элиза Гвидотти – антрополог по образованию. Разговорившись с Элизой, узнаю, что пишет она для души, нигде литературному мастерству не обучалась и до этой премии никогда не публиковалась! Для неё всё это – удивительная сказка. За Элизу приехала болеть вся её большая семья. В роскошном палаццо, где выставлены картины Караваджо, нам вручают премию, и семья Элизы занимает целый ряд,

болея за неё так, будто она ещё не победила, и ей очень нужны их волнение и поддержка.

Элиза только закончила бакалавриат, впереди магистратура. Премия даже по европейским меркам вполне солидная. Она потратит её, чтобы отправиться путешествовать. А рассказ её удивительно прост и близок по духу своему России. Поменять имена главных героев да традиционный итальянский соус на наши блины – и вот уже перед читателями такой знакомый, щемящий сюжет: одинокая мать не хочет перебраться из покинутой всеми деревни к сыну в город.

Кстати, переводчица рассказа Элизы – Яна Богданова так же стала лауреатом премии в номинации "переводчик". Яна учится на четвёртом курсе Литинститута и владеет не только итальянским, но и английским и норвежским! Для переводчиков конкурс проходит в два этапа – сначала ребята присылают переводы по своему выбору, а потом им предлагают выполнить перевод произведений из короткого списка премии. С Яной мы говорили о родном Литинституте. Только там, оказывается, есть кафедра художественного перевода с итальянского – место, собравшее удивительных людей, таких как Евгений Солонович и Анна Ямпольская, болеющих всей душой за своё дело, которых Яна благодарила за то, что они увлекли её любовью к итальянской литературе.

Утром в день награждения нас пригласили посмотреть полотна в залах Палаццо Дзеваллос-Стильяно, где размещается одно из художественных собраний спонсора премии Банка Интеза – Санпаоло, в котором несколько часов спустя и состоялась церемония вручения премии. Стоишь и смотришь на подготовку к вручению – расставленные стулья, разложенные буклеты, персонал, накрывающий скатерти и раскладывающий таблички с именами... Как будто ребёнок на сказку, которая произойдёт с тобой. Мы смотрели на эти приготовления

с высокой лестницы, заговорщицки улыбаясь посетителям галереи, зная, что именно нас здесь будут чествовать вечером. А пока – прохладные залы и полотна Караваджо.

С Борисом Николаевичем Тарасовым, крупнейшим современным мыслителем и историком литературы, мы говорили о путешествиях, о столь близкой ему Франции, не раз приглашавшей его работать. Профессор Тарасов знает не понаслышке, что такое молодой писатель, как нелегко ему пробиться, искать свой стиль. С какой мудростью и теплом говорит он о творческой молодёжи. Мы обсуждали современную литературу. О том, что развивается она всплшками. От Бориса Николаевича услышать похвалу в свой адрес – честь. Вечером, когда на церемонии нам вручили прекрасно напечатанные альманахи с собранием рассказов и их переводом, я увидела отзыв Б. Тарасова о моём рассказе: "Сумела в одном эпизоде из жизни мальчика ёмко раскрыть... болевые точки разных срезов общества, драматическое столкновение простодушного и чистого детского сознания – с его потребностью любить и спасать – и тупиковых проявлений окаменевшего бесчувствия взрослого мира".

Вручая премию, председатель Совета директоров Банка Интеза Антонио Фаллико подчеркнул: "Мы являемся свидетелями появления поколения молодых талантов, которые словом выражают свою креативность, жизненную силу, гуманизм и врождённую склонность к диалогу". Другие выступающие говорили о выразительной силе и проникновенности рассказов, о наших произведениях, "проникнутых стремлением к свободе". И с каждым словом становилось тепло от того, что старшее поколение действительно слышит и понимает нас, принимает и пытается помочь, поддержать.

Тронуло, что жюри выбрало мой рассказ. Он о боли начинающего взрослеть никому не нужного ребёнка. С этими ранними детскими травмами я сталкиваюсь на своей работе каж-

дый день. И если мой рассказ хоть одного читателя заставит задуматься и стать более чутким хотя бы к одному ребёнку, то моя цель достигнута.

Молодым, как и писателям старшего поколения, обидно от того, что вокруг много несправедливости. Мы тоже видим боль и чувствуем её так же остро, как и наши наставники. Мы ищем выход, как искали его писатели всех времён. Мы пытаемся сделать хоть что-то: достучаться, расшевелить. И если написанное нами кажется жёстче или грубее, так это не потому, что загубели наши души, а потому, что мы пытаемся обратить внимание читателя на то, что происходит вокруг. Ведь кто, если не мы, сможет запечатлеть несовершенство мира, чтобы остановился читающий и посмотрел в это отражение, чтобы заметил, задумался, захотел изменить.

РАДУШНЫЙ МИНСК

Минск, город, который успела полюбить. Неспешные проспекты, пряничное Троицкое предместье, космический кристалл Национальной библиотеки. Разноязыкий говор, где выделяется белорусская речь. «Стагоддзе» – вместо нашего столетия, «таксама» – так же, «ласкава запрашаем».

Меня пригласили на XXV Минскую международную книжную выставку-ярмарку, уже не в первый раз, есть с чем сравнивать.

Первое, что бросилось в глаза – значительно более насыщенная по сравнению с предыдущими годами программа. В ней и посещения музеев белорусских поэтов Ивана Купалы и Якуба Коласа, и вечер сербской поэзии, о котором хочется говорить отдельно, говорить много и тепло. Были и поездки в библиотеки, и посещение конференции на филологическом факультете БГУ, и круглый стол в Союзе Писателей, и всё это в рамках симпозиума «Писатель и время».

Приятно удивило и порадовало обилие иностранных писателей, особенно их вовлечение в программу симпозиума. Еще пару лет назад здесь выступали в основном белорусы и россияне, остальные только презентовали книги на стендах своих стран. Но форум растет и развивается, это невозможно не заметить. Это уже не белорусско-российский литературный обмен мнениями, но широкий взгляд на мировую литературу, разнообразную по жанрам и направлениям.

В этом году в качестве выступавших были охвачены как ближайшие соседи – Польша и Украина, их представляли Славомир Копер, автор многочисленных исторических романов и Юрий Ковальский – редактор киевского русскоязычного журнала «Радуга» (журнал держит приличные тиражи в 4

тыс. экз.), так и дальше зарубежье – Италия, Франция, Сербия, Казахстан и Китай.

Приехал Маттео Нуччи – лауреат самой крупной итальянской литературной премии (Premio Strega). В своей речи Нуччи говорил о необходимости создания литературы сложной, не развлекательной, а развивающей критическое мышление. Между мероприятиями форума я побеседовала с Маттео о его новом романе «Следует покориться ночи», о любимых им древнегреческих философах и о Фолкнере, с которым его часто сравнивают критики. Его роман, нашумевший на родине, повествует о перерождении человека за счет отказа от материальных ориентиров. Маттео специально ездил в рыбацкие селения Италии, где погружался в атмосферу местного быта, неспешной жизни простых людей, осознанно не стремящихся к современным ценностям прогресса.

Отогреваясь от минских морозов горячим чаем и какао, с удовольствием беседовали с гостями из Латвии – обаятельным, по-прибалтийски медлительным, председателем Союза писателей Латвии Арно Юндзе и очаровательной руководительницей программ Союза Еленой Буданцевой. Из разговоров – живых, откровенных, в которых не было и следа чиновной чванливости, выяснилось, что проблемы у писателей наших стран во многом схожи. Собеседники рассказывали о функции Союза, как защитника авторских прав, об огромном для такой небольшой страны количестве литературных проектов, поддержке писателей. На симпозиуме Арно говорил о первостепенной задаче писателя – сохранять родной язык. Ведь государство без своего языка и национальной литературы – это лишь огороженная территория. И смысл писательских организаций по мнению латышских коллег прежде всего в помощи автору, в создании условий для рождения новой литературы, которая становится опорой языка и государства.

После мероприятий мы делились впечатлением о путешествиях, современных музеях Прибалтики с их новейшими технологиями, русском кино. Договорились встретиться на Петербургском книжном салоне с новыми идеями и публикациями.

Удивительно теплый вечер сербской поэзии в Доме Дружбы тронул многих. Один из выступавших Горан Петрович обратился к писателям с просьбой замедлить темп времени, обратить внимание на красоту жизни. На вечере читали стихи сербских поэтов и их переводы на белорусский, сделанные Иваном Алексеичем Чаротой – знаменитым славистом, заведующим кафедрой славянских литератур филфака БГУ и членом Сербской академии наук. Его сын, Алексей Иванович Чарота, главный редактор журнала «Неман» и заместитель директора издательского дома «Звезда», лично курировал весь процесс писательского форума, бережно заботясь о полноценной включенности в программу всех участников.

На симпозиуме много говорили о проблемах литературы. Проблемы есть всегда, однако важны были конкретные предложения. Максим Замшев, главный редактор «Литературной Газеты», освещающей новости литературы и России и Белоруссии, говорил о наступлении эпохи варварства, как о некой попытке начать все сначала. Литература советская рухнула, затем рухнула и литература антисоветская. Замшев полагает, что наш литературный рынок находится сейчас на варварском первобытном уровне. Невозможно использовать рыночные механизмы для формирования культуры, литература – это всегда работа ради первенства страны, а не ради прибыли, что давно уже поняли англосаксы.

О тех же проблемах говорили и белорусские коллеги. Председатель Союза писателей Беларуси Николай Чергинец со вздохом отмечал отношение чиновников к людям литературы: писатель – не профессия. И такой подход сразу многое объясняет

в современном положении авторов и литературных журналов. Чергинец говорил об этом с болью, отмечая, что литература всегда была лекарем в период войн и тяжелых смут.

Приятно удивило широкое представительство российских регионов. Если прежде выступали в основном московские авторы и редакторы, то на этот раз пригласили писателей из регионов: Чечни, Татарстана, Чувашии, Астраханской области. Они говорили о прямых литературных контактах с Беларуссией, о переводах белорусских авторов на национальные языки, двусторонних изданиях поэтических сборников. Все эти инициативы хоть и поддерживаются лишь самими писателями и переводчиками, однако продолжают жить и давать плоды. В российских регионах организуют институты переводов, собирают материалы об истории взаимодействия с Беларуссией, поддерживают новые контакты. Такие речи воодушевляют, дают надежду на развитие литературного дела.

На фоне наших российско-белорусских проблем особому звучало выступление китайской писательницы Вен Чжень. Она с гордостью заявила об активном интересе их страны к мировым литературам. Правда, оговорилась, что исторически такой интерес был обусловлен желанием знать и побеждать соперника. Но, будем надеяться, в литературе подобная война никогда не развернется.

Сегодня китайская литература сама становится объектом пристального изучения. Об этом содержательные размышления талантливого белорусского писателя Алесь Бадака в газете «Литература и мастацтва» (аналог нашей «Литературки»), изданной к Минской выставке. В частности, упоминалось имя нобелевского лауреата Мо Яня.

Мне удалось не только выступить в рамках симпозиума, но и пообщаться с белорусскими друзьями. Особенно теплым было общение с Владимиром Саламахой – известным бело-

русским прозаиком и моим дорогим переводчиком, трепетно берущимся за каждый мой новый рассказ. Какой импульс поддержки дают такие встречи! Успела пообщаться и с совсем молодой моей переводчицей Юлией Алейченко, которая уже занимает должность ответственного секретаря журнала «Полюмя». Приятно, что в Беларуси дают дорогу молодым не на словах, а на деле.

Увы, не хватало мне голоса молодых на самом симпозиуме. Хочется, чтобы говорили они громче, заявляли о себе, чтобы мы слышали их имена, могли знакомиться с текстами, обсуждать их.

Для меня основным лейтмотивом этого форума стала идея сблизить мировые литературы, познакомить писателей из разных стран, дать им возможность общаться, обсуждать, узнавать друг друга, а, вернувшись домой, – помнить, списываться, встречаться, читать произведения новых друзей. Если посмотреть на литературу, как на мировую ценность, то писатели призваны выступать некими послами своих культур и своих народов, что успешно продемонстрировал симпозиум «Писатель и время» в рамках XXV Международной книжной выставки-ярмарки в Минске.

ОТГОЛОСКИ ИТАЛЬЯНСКИХ ВСТРЕЧ

Беседа с Анной Фёдоровой

Вечером 23 июня российско-итальянская премия “Радуга” для молодых писателей и переводчиков объявила победителей. В номинации молодой писатель победителем стала москвичка Елена Тулушева с рассказом “Про любовь”, в котором внимательный взгляд психолога и чуткое слово прозаика обнажают незащитность ребёнка перед ударами судьбы и безразличие и суровость к ним взрослого мира.

А.Ф. Как давно вы пишете? Что побуждает писать?

Е.Т. Пишу лет шесть. Как ни странно, в детстве я даже не пробовала писать, но очень любила рассказывать яркие истории. Первые рассказы были отражением моей работы, той боли и несправедливости, которую слышала каждый день в реабилитационном центре для подростков с трудностями в поведении. Постепенно круг тем начал расти, я стала больше слышать и видеть вокруг. Обрывки фраз, жестов, сцен, окружающих в жизни, складывались, как в калейдоскопе в новые узоры, новые рассказы. Сейчас я стала ещё более чувствительна к внешнему миру. Идея для рассказа может сложиться просто из смешной описки во время общения по смс.

А.Ф. О чём должен писать современный автор? Что основное в творчестве?

Е.Т. Мне кажется, что важно не о чем пишет автор, а как он это делает. Основное для меня – расшевелить читателя, вызвать в нём интерес к проблеме, желание задуматься. Если рассказ вызвал споры, дискуссии, это ничуть не менее ценно, чем если он вызвал просто эстетическое удовольствие.

А.Ф. Расскажите, как родился конкурсный рассказ? Выбор темы связан с вашей работой?

Е.Т. Да, безусловно, тема очень близка к моей работе. Но я имею ввиду не столько аспект вовлечения подростков в мир наркотиков, но, прежде всего, тему отсутствия так называемой безусловной любви и принятия в нашем мире.

Рассказ родился из сплетения нескольких услышанных диалогов. Я работаю с брошенными детьми. Но брошенными не физически (хотя и из детских домов у нас бывают ребята), а скорее духовно осиротевшими, одинокими в своих поисках морали. Мы, взрослые, в ответе за те истины, которые впитывает подрастающее поколение из нашего поведения. И часто мы растим их в формате двойных стандартов, требуя от них того, чего сами не исполняем (честности, терпимости, любви).

Порой мы не задумываемся, к каким выводам приходят наблюдающие за нами дети, а ведь наблюдают они очень внимательно, опираясь именно на наши примеры, а не слова. И вот мы уже поражаемся: "Что за молодежь, что за нравы?!" – да обычное отражение нашего взрослого несовершенного мира.

За каждым потерянным для общества подростком стоит вполне логично приведшая к этому история. Только нужно смотреть глубже. Но нам, взрослым, стал чужд мир эмпатии, сопереживания. Мы сами рассуждаем другими категориями, клише, штампованными выводами. Мы редко останавливаемся и пытаемся искренне понять – проще, не разбираюсь, "поставить клеймо". И вот эти дети, окруженные занятыми взрослыми, становятся легкой добычей тех пороков, которые мы же и породили.

А.Ф. Что для вас значит участие в конкурсах?

Е.Т. Не буду лукавить, что конкурсы для меня не важны. Это, прежде всего, обратная связь. Тебя читают, тебя замечают, тебя выделяют из сотни других. Значит, ты пишешь хорошо. Это

даёт потрясающий прилив энергии! Появляется и внутренний критик, подгоняющий: ты на верном пути, надо приложить ещё усилия, надо совершенствоваться, вперёд-вперёд! Теперь, когда ты лауреат, нельзя позволить себе снизить планку. И, конечно же, если премия денежная, это даёт возможность позволить себе эгоистичные творческие радости. Всегда часть премии тут же трачу на книги: в твёрдом переплёте, качественные издания – приятно трогать, вдыхать запах, чувствовать тяжесть в руке. Часто вкладываюсь в саморазвитие: посещение мастер-классов, циклов лекций, небольшие поездки за вдохновением. Даже возможность лишний раз посидеть в кафе – это необыкновенно! Очень часто “ворую” диалоги у посетителей соседних столиков.

А.Ф. Какие у вас как писателя отношения с языком?

Е.Т. Могли бы быть и лучше. К сожалению, вращаясь в основном в кругах совсем не литературных, я окружена примерами достаточно бесцеремонного обращения с языком. Это помогает создать достоверные диалоги, но иной раз мешает художественному повествованию. Требуется по многу раз перечитывать, выправлять.

А.Ф. У начинающего писателя обычно есть образцы. Чья жизнь, карьера, образ мышления привлекает вас в мире литературы?

Е.Т. Мне близки Бунин и Чехов. Близки, как блистательные мастера рассказов. Как личности, меня привлекают Достоевский и Кафка: балансируя на грани безумия и в жизни, и в творчестве.

А.Ф. Каких целей хотелось бы достичь через пять лет?

Е.Т. Мне бы все-таки хотелось попробовать себя в крупных формах. Для начала, написать хорошую яркую повесть. И есть у меня ещё юношеская мечта: перевести кое-что для детей и найти возможность это опубликовать.

ТОСКА ПО ДОМУ

Диалог Платона Беседина и Елены Тулушевой

Елена Тулушева – новое имя в русской литературе. Имя новое, а мастер сложившийся. Собственно, именно Тулушева наследует и продолжает традиции подлинной русской литературы, развивает темы ей свойственные – отзывчивость, милосердие, сострадание, борьба за человеческое достоинство. Вне писательской деятельности Елена – профессиональный психолог, получивший блестящее образование во Франции и США. Но она вернулась на Родину, в Россию, чтобы работать с трудными детьми в единственном на всю страну психологическом центре. Мы поговорили с Еленой о трагедии современных детей, сходстве и различии психологии и писательства, странных медицинских реформах, терапевтическом эффекте литературы, конфликтах внешних и внутренних, литературных лагерях и многом другом, трогательном и трогательном.

П.Б. Конец прошлого года – да и весь год – прошёл под знаком детских проблем. Мы видели, как российские дети, подростки оказывались в неприятных, а зачастую жутких ситуациях. Достаточно вспомнить псковских школьников. Твоя работа, помимо писательства – работа с трудными детьми, подростками. Ты психолог. Что происходит с нашими детьми, с нашими молодыми людьми? Откуда такая бездна?

Е.Т. Массовый ажиотаж вокруг темы подростков связан исключительно с тем, что СМИ наконец начали об этом говорить. На самом деле, как ни цинично это звучит, ничего нового или более страшного конкретно за прошлый год не произошло. Об этом просто молчали. Страшная трагедия потери

смыслов у детей начала зарождаться ещё лет двадцать назад, а особенно остро обозначилась лет десять как.

И проблема тут, прежде всего, во взрослых. Взять ситуацию с псковскими подростками. Не буду говорить о всех тех взрослых, которые допустили эту трагедию, помогали ей реализовываться в течение нескольких лет. Скажу лишь о подключившихся на последней стадии. Хоть бы одного профессионального психолога спросили. Всё, что нужно было сделать – поставить глушитель, блокирующий сеть. Без всяких переговоров, спецназов и прочего. Потеряв зрителей, детям быстро наскучило бы играть. Но и здесь взрослые, призывающие весь мир к толерантности, духовности, взаимопониманию, своим примером продемонстрировали обычное безразличие.

П.Б. Что терзает наших детей более всего? Вот в одном своём рассказе ты утверждаешь, что вредная, скажем так, привычка – это приобретённое, вызревавшее, это процесс. Так где начало и почему не встречаются те, кто остановил бы данный процесс?

Е.Т. Не встречаются потому, что тех, кто действительно хочет что-то изменить, а не найти повод для очередной дискуссии в социальной сети, слишком мало, они просто не в состоянии помочь всем. Слишком мало тех, кто готов что-то менять. Каждый ждёт, что помощь окажет кто-то другой. Я уже давно стараюсь не читать новости под кричащими заголовками о детях. Ежедневно на работе слышу о точно таких же историях только из первоисточников. Думаю, что взрослые забыли простую истину: основа воспитания – собственный пример. Пример своего поведения, а не шаблоны и правила, которые взрослые озвучивают детям. Дети всё видят, впитывают, а затем просто возвращают в наш мир. И чаще всего терзает их это непонимание, несоответствие того, чего от них требуют и того, что им демонстрируют сами взрослые.

П.Б. Ты работаешь в единственном в России центре помощи трудным детям. На 145 миллионов – единственный центр. Как так? Странно было бы спрашивать, уделяет ли государство данной проблеме внимание. Спрошу иначе: государство хоть как-то озабочено данным вопросом?

Е.Т. Озабочено, о, да! Ещё несколько лет назад мы принимали бесплатно детей из любых городов. После реформы, бесплатно у нас могут лечиться только прописанные в Москве. Озаботились, как видишь. Существуют несколько центров, занимающихся социальной помощью подросткам. Это бывшие приюты, куда попадают дети, чья судьба ещё решается. А медицинский государственный центр у нас один. При том, что наркоманов, которые впервые попробовали наркотик после 18-ти не так много. Всё начинается гораздо раньше. В регионах таких детей отправляют во взрослую наркологическую больницу. А оттуда они быстро вылетают и возвращаются к употреблению. Подростки требуют особого подхода и программы, созданной именно для них.

П.Б. Ты уехала в Европу, в США. Тебя пригласили. Но в итоге ты вернулась домой, на тяжеленную работу. Этим поступком – а это поступок – ты как тот герой Данила Багров отвечаешь всем клеветникам России: «Зря вы так. Я Родину люблю»?

Е.Т. Ты знаешь, я избегаю столь категоричных разделений. Мне кажется, что тысячи эмигрантов, и прошлого века и нынешнего, они могут любить свою страну, вне зависимости от того, где проживают. Слишком разные причины толкают людей уехать или вернуться. Это скорее вопрос душевного покоя. Некоторые всю жизнь обречены искать его, скитаться. А кому-то он был послан с рождения, вне зависимости от условий его страны. Мне был нужен такой опыт, чтобы найти своё равновесие.

П.Б. Елена, от психологии к твоей второй стезе – писательству. Начну, правда, с мостика между ними. И о психологах, и о писателях говорят, что они априори обязаны хорошо разбираться в людях, озвучивать пути решения. Так любой писатель – психолог? И если писатель – практикующий психолог, то выходит двойной эффект?

Е.Т. Грамотный психолог не имеет права озвучивать конкретные пути выхода или давать советы. Задача – работать зеркалом, суметь обратить внимание пациента на то, что он делает, и как это влияет на его жизнь. При этом важно давать поддержку, обращая внимание и на сильные стороны, на достижения. Тогда пациент сам будет в состоянии найти выход. Иначе он обречён прожить жизнь своего психолога. В каком-то смысле, в творчестве мне тоже не хочется советовать, поучать или воспитывать. Выбор за читателем. Я уверена, он сам вполне может справиться и сделать соответствующие выводы.

П.Б. У тебя очень, скажем так, документальная проза. Кому-то это не близко с точки зрения стиля. Когда ты садишься за стол, ты изгоняешь из себя психолога? Представляешь ли читателя? И не предстаёт ли он кем-то вроде пациента, которого надо излечить?

Е.Т. Нет, точно не пациента. Скорее друга, знакомого, которому хочется рассказать интересную историю. Просто поделиться. Вот, дескать, тут на днях увидела. И мне очень интересно, как этот знакомый отреагирует. Потому всегда с удовольствием отвечаю на вопросы читателей и в социальных сетях, и на литературных встречах.

П.Б. А литература должна производить терапевтический эффект? На читателя, да и на самого автора?

Е.Т. Я считаю, что литература должна вызывать интерес. А уж какой он будет, зависит не только от автора, но и от зрителя. У кого-то мои герои вызывают сочувствие, а у кого-то чувство мести и злорадства. Вопрос к духовному миру читающего.

Для терапевтического же эффекта есть соответствующие направления творческой терапии. Там задача именно исцелять. Но это не искусство. Это творчество для исцеления. Если автор ставит своей целью написать «исцеляющее» произведение, то тут уместнее говорить о гордыне.

П.Б. Лена, недавно в «Литературной газете» вышла интересная статья. Там тебя вновь относят к молодым традиционалистам. На мой взгляд, это во многом логично. А как ты относишься к такой градации? И вообще к любым градациям в принципе? Оно же всегда существовало, это разделение на лагеря, и часто в акцентированной и даже агрессивной форме.

Е.Т. Да, и сейчас существует. Я много слышу об этом от писателей разных поколений. Увы, кому-то это, наверное, выгодно. Но в любой классификации или градации меня настораживает наличие рамок. Я ценю творчество моих сверстников, которых относят к «новым традиционалистам» – Андрея Тимофеева, Юрия Лунина, Дмитрия Филиппова, Андрея Антипина. Но самостоятельность ценю ещё больше. Человек творческий, загоняя себя в границы определённого метода, направления, группы, лишает себя права на свободу, неосознанно лишает. Разделение на лагеря – это не про творчество, это про побочный эффект того, что все мы люди.

П.Б. Разделение на лагеря часто рождает конфликт. А конфликт – разве это не идеальная среда для писателя? Великая литература рождается на разломах. Или у тебя для творчества иные опорные точки?

Е.Т. Конфликт внутренний, духовный, экзистенциальный – безусловно, среда для развития. А конфликт внешний – это идеальная среда для отвлечения внимания от чего-то более существенного. Отвлекаясь на внешнее, человек бежит от себя. Погружаясь в войну лагерей, писатели не замечают того, что вся литература находится под угрозой вымирания. Моим внутренним разломом была тоска по дому, когда я в семнадцать лет оказалась очень далеко, и одиночество душило. Тогда я и не думала заниматься литературой, но папа всегда удивлялся, что я писала о-о-о-очень длинные письма. Это было неотъемлемым ритуалом каждого дня: два письма родителям и ещё четыре лучшим друзьям. Многое тогда переживалось, думалось, рассказать хотелось. И на сегодняшний день опорные точки творчества – это внутренние переживания, кризисы, открытия.

П.Б. Я затронул тему лагерей, но есть и тема поколений. Отдаёт архаикой, да, но как относишься к преемственности в литературе, к наставничеству, если уж совсем консервативно говорить?

Е.Т. Мне кажется с преемственностью сейчас туго. Да и, может, не нужно это. Каждое следующее поколение должно создавать что-то своё. А вот поддержка, рекомендации, помощь – без этого, как я слышу, никуда. Когда начинаю ближе общаться с кем-то из молодых писателей, то у каждого, исключений пока не слышала, был человек, а обычно и не один, который вовремя заметил и дальше помогал, наставлял, знакомил. Меня очень поддержал заместитель главного редактора журнала "Наш современник" Александр Иванович Казинцев, который впервые опубликовал мои рассказы в журнале. В тот момент поддержка была необходима, скорее всего, без неё я бы продолжала писать просто для себя. Да и сейчас свежий рассказ всегда отсылаю Александру Ивановичу, готовясь к

эмоциональному разговору, где наряду с похвалами почти наверняка будут звучать темпераментные инвективы: «что это?!», «никогда больше так не пишите!», и т. п. Бьюсь за каждое слово! Но понимаю: большая удача пользоваться советами профессионала, который редактировал последних классиков – Валентина Распутина, Василия Белова.

К сожалению, далеко не все писатели старшего поколения готовы так помогать и поддерживать, тратить своё время и нервы. Мне кажется, это редкость – встретить мэтра, заинтересованного в молодых авторах, как А. И. Казинцев или С. А. Филатов, возвращающий уже какое поколение молодых писателей на Форум в Липках.

П.Б. Вот ты вспомнила о форуме в Липках. О тех, кто туда ездит, говорят молодая литература. А какая она сегодня? Мне вот всегда казалось, что она должна быть более зубастой, что ли. Где та молодая шпана, что сотрёт матёрых с лица земли, а?

Е.Т. Мне кажется, зубастых как раз много. Вот сотрут ли они или просто зубы скалят – это время покажет. Да и нужно ли "стирать матёрых"? В литературе места хватит всем.

П.Б. Что ещё думаю. Раньше как было: писатели сбивались в банды. От Горького до «новых реалистов». Сейчас этого почти нет. Понятно, что писатели всегда настороженно относились к собратьям, но сейчас как-то совсем излишне дистанцировались друг от друга, каждый сам за себя. Это так или мне только кажется? А если так, то чем вызвана подобна писательская атомизация? Общей атомизацией общества? Меж тем, у поколения старше – наоборот: у них общество взаимного восхищения.

Е.Т. Ты знаешь, а мне кажется, наособицу честнее. Не надо петь хвалебные речи тому, кого не любишь. Меня вот очень

греет позиция «отшельничества». Мне хочется общаться со всеми писателями, не по военному принципу: «свой–чужой», а просто как с интересными творческими людьми.

П.Б. Ну, так необязательно петь хвалебные речи тому, о ком ты так не считаешь. Я говорю о единстве, а касательно отшельничества – не выйдем ли друг без друга, сами по себе?

Е.Т. Выйдем без общения друг с другом, без семинаров и форумов, без возможностей дискутировать и обсуждать литературу за круглыми столами.

П.Б. О вечном – о роли писателя. Раньше как было: писатель – властелин дум, писатель – инженер душ. Сейчас как обстоят дела? Кто есть писатель? Важно ли его мнение для общества?

Е.Т. Я не рассматриваю роль писателя как некоего проповедника. Скорее как фотографа. Читатель видит всё то же, что и писатель. Но задача последнего найти уникальный ракурс для фиксации этой действительности. Не приукрасить, приврать, дорисовать, а где-то усилить, где-то растушевать.

И потом – своих героев я ищу не среди идеологов и бунтарей, не среди праведников или крупнокалиберных негодяев. Я стремлюсь показать человека обыкновенного. В эпоху, когда со всех сторон кричат "экшн", "шоу", "экслюзив", – должен же кто-то говорить об обычном человеке. Помнишь Чехова: "Требуют, чтобы были герой, героиня сценически эффектны. Но ведь в жизни не каждую минуту стреляются, вешаются, объясняются в любви... Пусть... всё будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как в жизни".

П.Б. Чувствуешь ли ты себя участником того, что принято называть литературным процессом? Он будет всё более зам-

кнут на себе или наоборот – расширится? Мне бы вот очень этого хотелось. Есть ли надежда, что в том числе ты, Елена, дашь новый виток литературы?

Е.Т. Мне кажется, что литература, безусловно, будет расширяться. Современные тенденции и Нобелевской премии, и Букера, и русских литературных премий сигнализируют о смещении фокуса. Выбор обращается к новым творческим формам. Всё чаще в литературных премиях появляется публицистика, всё чаще проводятся отдельные книжные ярмарки нон-фикшн.

Лично себя ощущать участником литературного процесса я начала не так давно. Хотя пока, как мне кажется, я еще в поиске своего стиля. Я часто встречаю острые критические замечания на тему того, что моя проза отдает публицистичностью. Но я не воспринимаю это как недостаток. Чем меньше рамок ставит себе автор, тем свободнее дышится его творчеству.

П.Б. Ну и заключая. Сейчас с удивлением узнаю: тот бросил писать вообще, тот стал сценаристом, тот музыкой занялся – будто исход из писательского дела. Себя представляешь больше не пишущей прозу, сосредоточившейся на более приятных занятиях? Или ждать всё более и более активную пишущую Елену Тулушеву?

Е.Т. Не люблю пафоса. Поэтому скажу кратко: есть идеи нескольких рассказов. Буду работать.

СОДЕРЖАНИЕ:

«СВОЁ» ЕЛЕНЫ ТУЛУШЕВОЙ.....	4
<i>(Предисловие М. Тарковского)</i>	

РЯДОМ ХОДИТ

Первенец	8
Рядом ходит.....	19
Домой	38
Папа	49

ПОДЪЕЗД

Мария Васильевна.....	64
Звуки музыки	70
На последнем	74
Близнец.....	82
Одиннадцать платьев.....	87

МАЛЬЧИКИ

Клад	102
В хорошие руки	108
Слава	119

ЗАЧЕМ ИМ ЖИТЬ?

Зачем им жить?	132
Почём дети?	145
Выстрелы в школе	152
Надо помочь пережить	159

НАДО БУДЕТ КАК-НИБУДЬ ПОСМОТРЕТЬ

Виною выжившего	169
Надо будет как-нибудь посмотреть	178
Подарок	186
Ревность	194

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Москва объединяет	200
Шанхайское братство	205
О dolce Napoli!	211
Радушный Минск	215
Отголоски Итальянских встреч	222
Тоска по дому	225

УДК 82-32

ББК 84.

Т-82

Тулушева Е.

Т 82 Первенец. [Текст.] / Тулушева Елена Сергеевна. –

Типография ГАУК Кемеровской области

«Кузбасский центр искусств»,

2018 г. – 236 с.

16+

Редакция автора

Оформление обложки: Ольга Бардичева

Дизайн, вёрстка, изготовление: Андрей Торошин
(toroshinandrey@mail.ru)

Благодарим за поддержку
ЗАО «Стройсервис»

© Тулушева Е., 2018

Подписано в печать 15.06.2018.

Отпечатано в типографии ГАУК КО «Кузбасский центр искусств»:
г. Кемерово, ул. Дзержинского, 6. 650000. Тел: (3842) 75-07-88